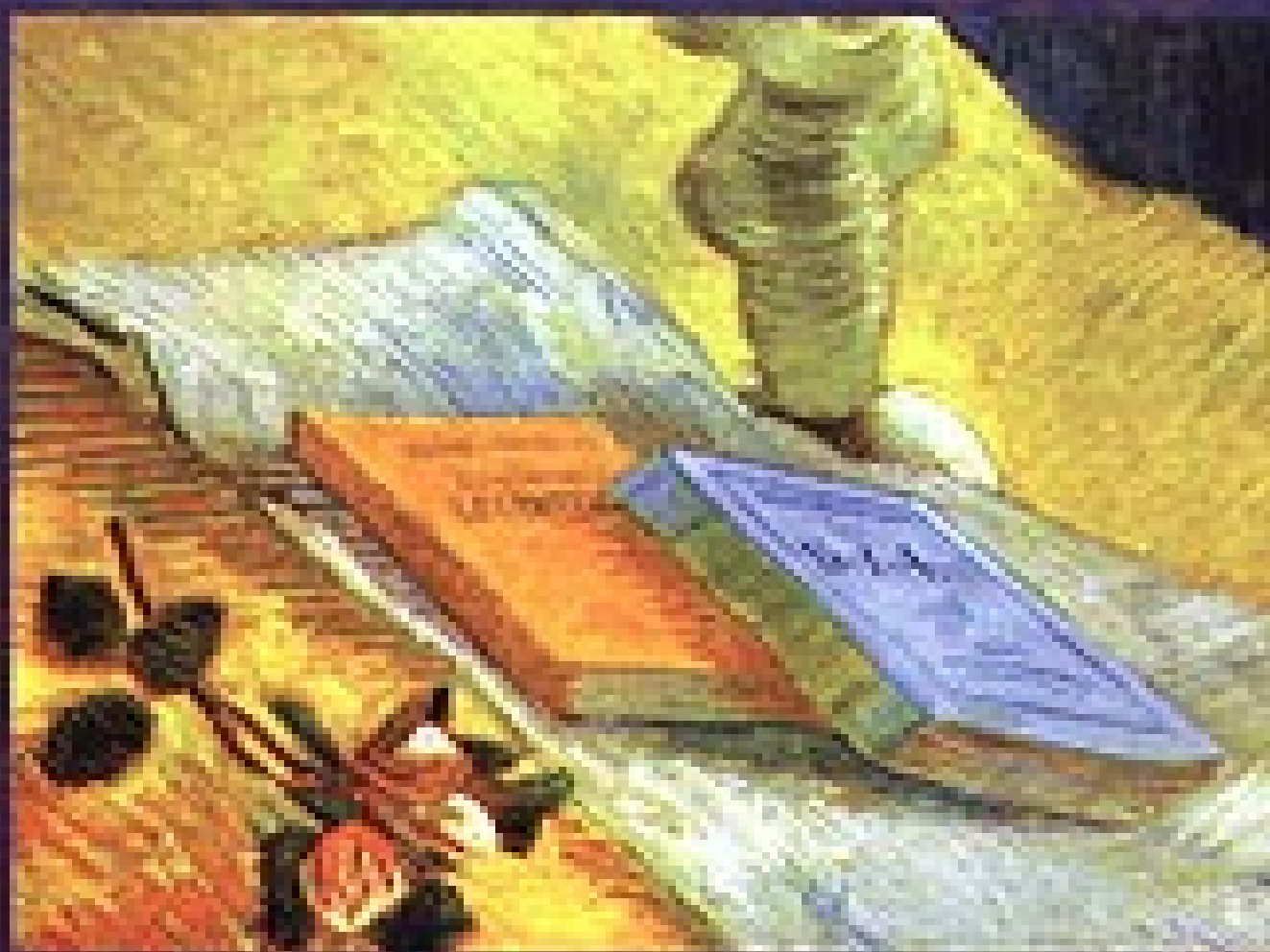

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Э. ХЕМИНГУЭЙ

Райский сад

- [Хемингуэй](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Примечания](#)
-

Хемингуэй РАЙСКИЙ САД

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Весной они жили в Ле-Гро-дю-Руа, и гостиница стояла на канале, протянувшемся от окруженного крепостной стеной городка Эг-Морт до самого моря. За болотистой долиной Камарг можно было видеть башни Эг-Морта, и почти каждый день в разное время они отправлялись туда на велосипедах по белой, идущей вдоль канала дороге. Утром и по вечерам, во время прилива, когда к берегу подходили морские окуни, они смотрели, как прыгала, спасаясь от окуней, кефаль и как вспучивалась поверхность воды, когда окуни нападали.

От берега в синее спокойное море вклинивался мол, и они удили с него рыбу, плавали и помогали рыбакам вытаскивать на покатый берег длинную сеть. В угловом кафе с видом на море, сидя за аперитивом, они смотрели на рыбацкие парусники, промышлявшие макрель в Лионском заливе. Стояла поздняя весна, сезон ловли макрели заканчивался, и рыбаки очень спешили. Городок был приветливый и дружелюбный, и молодой паре нравился их отель, в котором было всего четыре комнаты наверху, ресторанчик и бильярдная с видом на канал и маяк. Их комната напоминала рисунок, сделанный Ван Гогом в его доме в Арле, если не считать двуспальной кровати и двух больших окон, из которых были видны канал и болота, прибрежные луга, белокаменный городок и светлая полоса пляжа.

Они всегда были голодны, хотя ели хорошо. С нетерпением ждали завтрака в кафе, где заказывали *brûlée*, *café au lait*,¹ яйца и еще варенье по выбору, и им очень нравилось, что яйца готовили всякий раз по-новому. По утрам им так хотелось есть, что у женщины в ожидании завтрака начинала болеть голова. Но после кофе боль проходила. Женщина пила кофе без сахара, и молодой человек старался это запомнить.

В то утро на завтрак они заказали brioche, красное малиновое варенье, яйца с кружочками масла, которое таяло, когда они подсаливали и посыпали их молотым перцем. Яйца были крупные и свежие, и женщина заказала себе всмятку. Он запомнил это без труда и с удовольствием ел яйцо, лишь чуть-чуть добавляя ложечкой масло, стараясь сохранить в памяти ощущение свежести раннего утра, вкус грубо помолотых зерен перца и горячего черного кофе и легкий аромат цикория в café au lait.

Рыбачьи суденышки были далеко в море. Они вышли в темноте с предрассветным бризом, и молодой человек и женщина, услышав их, проснулись, покрепче прижались друг к другу под простыней и снова заснули. На рассвете, еще полусонные, они любили друг друга. В комнате было темно, и они лежали вместе, счастливые, утомленные, а потом снова любили друг друга. Под утро они так проголодались, что едва дождались, когда откроют кафе, и теперь не спеша завтракали, любуясь морем и белыми парусами. Начался новый день.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Ни о чем.

– Должен же ты о чем-нибудь думать.

– Я не думаю, я просто чувствую.

– Что?

– Счастье.

– А я – голод, – сказала она. – Как, по-твоему, это нормально? Ты тоже хочешь есть после любви?

– Если любишь по-настоящему.

– Ты слишком опытен.

– Нет.

– Не важно. Я люблю, и нам не о чем беспокоиться, правда?

– Не о чем.

– Что будем делать?

– Не знаю, – сказал он. – Чего тебе хочется?

– Все равно. Если ты пойдешь ловить рыбу, я напишу письмо, а может, и два, а потом мы могли бы поплавать перед обедом.

– Чтобы проголодаться?

– Ни слова о еде. Я снова хочу есть, а мы даже завтрак не закончили.

– Но позаботиться об обеде мы можем.

– А после обеда?

– Вздремнем, как подобает хорошим детям.

– Удивительно свежая мысль, – сказала она. – И как нам это раньше не приходило в голову?

– Время от времени меня осеняет, – сказал он. – Я очень изобретателен.

– А я – вредная, – сказала она. – Я тебя доконаю. И у двери нашей комнаты повесят мемориальную доску. Проснусь среди ночи и сотворю с тобой что-нибудь невероятное. Я бы сделала это еще вчера, но очень хотелось спать.

– Ты – большая соня и совсем неопасна.

– Не обольщайся. Ой, милый, давай поторопим время, и пусть побыстрее будет обед.

На них были полосатые рыбацкие блузы и шорты, купленные в магазине рыболовных принадлежностей, они сильно загорели, а пряди волос посветлели от солнца и морской воды. Окружающие принимали их за брата и сестру, пока они сами не сказали всем, что женаты. Им часто не верили, и женщине это нравилось.

В те годы очень немногие приезжали на средиземноморское побережье летом, а в Ле-Гро-дю-Руа вообще не было приезжих, если не считать нескольких отдыхающих из Нима. Здесь не было ни казино, ни прочих развлечений, и только в самые жаркие месяцы в гостинице останавливались любители морского купания. В те годы мало кто носил рыбацкие блузы, и его жена была первой женщиной, отважившейся на это. Она сама выбирала их и, чтобы они стали мягче, выстирала в тазу. Это была рабочая одежда рыбаков, но после стирки ткань действительно стала мягче и красиво облегла ее грудь.

В городке также не принято было носить шорты, и, когда они отправлялись туда на велосипедах, ей приходилось надевать что-нибудь другое. Жители поселка были очень приветливы и не обращали на них внимания, и только местный священник не одобрял ее наряд. Но на воскресную мессу она надевала юбку и кашемировый свитер с длинными рукавами, а голову повязывала шарфом. В церкви молодой человек стоял позади вместе со всеми мужчинами. Они всегда жертвовали двадцать франков, что по тем временам было больше доллара, а поскольку священник принимал пожертвования сам, то это было должным образом оценено, и шорты стали объяснять эксцентричностью иностранцев и не считали посягательством на моральные устои жителей побережья Камарг. Когда они надевали шорты, священник старался не замечать их, но вечерами они носили брюки, и тогда при встрече все трое почтительно раскланивались.

– Я поднимусь к себе писать письма, – сказала женщина. Она встала, улыбнулась официанту и вышла из кафе.

– Месье собирается на рыбалку? – спросил официант, когда Дэвид Берн, так звали молодого человека, окликнул его, чтобы расплатиться.

– Пожалуй. Какой сегодня прилив?

– Прилив отменный, – сказал официант. – Если хотите, я дам вам наживу.

– Я раздобуду по дороге.

– Нет. Возьмите мою. Это песчаные черви, и у меня их много.

– Пойдете со мной?

– Я на работе. Попозже выйду взглянуть, как у вас получается. Снасти-то у вас есть?

– В гостинице.

– Не забудьте зайти за червями.

Молодой человек хотел было подняться в комнату к жене, но его длинная складная удочка из бамбука и корзина со снастями оказались внизу за стойкой, где висели ключи, и он, не заходя к себе, вышел на залитую солнцем улицу, спустился к кафе и пошел на мол к ослепительно сверкавшей воде. Солнце было жарким, но с моря дул свежий бриз. Начался отлив. Он пожалел, что не захватил спиннинг и блесну, чтобы забросить приманку наперерез течению, за валуны у противоположного берега. Он забросил удочку с пробковым поплавком, и песчаный червяк свободно плавал на той глубине, где должна была клевать рыба.

Какое-то время ему не везло, и он удил, поглядывая на маневрировавшие в поисках макрели рыбачьи лодки и плывшие по воде тени от облаков. Но вот поплавок резко нырнул, леса сильно натянулась, и он потянул удочку на себя, ощутив отчаянное сопротивление рыбы, и леса напряженно зашипела в воде. Он старался держать удочку как можно свободнее, и длинное удище согнулось так, что, казалось, вот-вот переломится, пока он вел рыбу, рвавшуюся в открытое море. Чтобы ослабить натяжение, молодой человек попытался идти по молу вслед за рыбой, но она продолжала рваться с такой силой, что удище на четверть длины ушло под воду.

Подоспел официант из кафе. Он шел рядом и возбужденно приговаривал:

– Держи ее, держи. Веди осторожно. Она должна устать. Не дай ей сорваться. Веди нежно. Нежнее. Нежнее!

Нежнее не получалось. Оставалось разве что спрыгнуть в воду, но канал был слишком глубокий, и это не имело смысла. «Если бы можно было идти за ней вдоль берега», – подумал он. Но мол кончился, и удище ушло под воду почти наполовину.

– Только не дергай, – умолял официант. – Удилище выдержит.

Рыба то резко уходила вглубь, то рвалась вперед, то металась из стороны в сторону, и длинный бамбуковый шест гнулся под тяжестью ее рывков. Время от времени рыба с всплеском показывалась на поверхности, потом снова скрывалась, и молодой человек чувствовал, что, хотя она еще сильна, ее трагически неистовый напор слабеет и теперь можно вести ее вокруг мола и вверх по каналу.

– Веди мягко, – говорил официант. – О, еще мягче. Нежнее, ради всего святого.

Дважды еще рыба пыталась уйти в море, и оба раза он возвращал ее, а потом повел вдоль мола в сторону кафе:

– Как она там? – спросил официант.

– Еще держится, но мы победили.

– Не говори так, – сказал официант. – Ничего не говори. Мы должны измотать ее. Пусть устанет. Устанет.

– Пока что устала моя рука, – сказал молодой человек.

– Хочешь, я поведу? – с надеждой спросил официант.

– Ну уж нет.

– Только не спеши, не спеши. Нежно, нежненько, нежненько, – повторял официант.

Молодой человек провел рыбу вдоль террасы кафе в устье канала. Рыба плыла почти по поверхности воды, но сил у нее было еще много, и он опасался, что им придется вести ее по каналу через весь город. На берегу уже собралась толпа, и, когда они шли вдоль гостиницы, жена, увидев их из окна, закричала:

– Ой, какая великолепная рыбина! Подождите меня! Подождите!

Сверху она отчетливо видела у самой поверхности воды длинную искрящуюся рыбу, мужа с согнутой почти пополам бамбуковой удочкой и толпу следовавших за ними людей. Пока она спустилась к каналу и догнала толпу, все уже остановилось. Официант стоял в воде, а муж медленно подтягивал рыбу к берегу, туда, где темнели водоросли. Рыба скользила по поверхности, и официант, нагнувшись, обхватил ее с двух сторон руками, подцепил большими пальцами под жабры и вместе с ней медленно пошел к берегу. Рыба была тяжелая, и официант держал ее высоко на уровне груди, так что голова рыбы касалась его подбородка, а хвост хлестал по бедрам.

Несколько рыбаков похлопывали молодого человека по спине, обнимали, какая-то женщина с рыбного базара подошла и поцеловала его. Жена обняла его и тоже поцеловала, а он спросил:

– Ты видела, какая она?

Потом они подошли взглянуть на лежавшую у обочины дороги серебристую, похожую на лосося рыбину, и спина ее отливала темным блеском, как ружейный ствол. Это была красивая, крепкая рыба с большими, не погасшими еще глазами, и дышала она медленно и прерывисто.

– Что это за рыба? – спросила жена.

– Loup, [2](#) – сказал он. – Морской окунь. Их еще называют bar. Отличная рыба. Такая крупная мне еще не попадалась.

Официант, которого звали Андре, подошел, обнял Дэвида и поцеловал его и жену.

– Вот так, мадам, – сказал он. – Поверьте, он заслужил. Никому еще не удавалось поймать такую рыбу простой удочкой.

– Давай ее взвесим, – сказал Дэвид.

Они вернулись в кафе. Рыбу взвесили, и молодой человек убрал снасти и умылся. Рыба лежала на глыбе льда, который привозили в грузовике из Нима для замораживания макрели. Она весила больше пятнадцати фунтов. На льду рыба выглядела по-прежнему серебристой и красивой, глаза ее еще не потухли, и только спина стала тускло-серого цвета. Рыбачьи суденышки возвращались в гавань, и женщины наваливали в корзины искрящуюся голубую, зеленую, серебристую макрель и несли тяжелые корзины на голове к зданию рыбзавода. Улов был очень хороший, и городок ожил и повеселел.

– Что будем делать с нашей рыбой? – спросила жена.

– Ее отвезут в город и продадут, – сказал молодой человек. – Она слишком большая, чтобы готовить ее на этой кухне, а рубить такую рыбину на куски жалко. Возможно, ее доставят прямо в Париж, и она закончит свой путь в роскошном ресторане. Или ее купит какой-нибудь богач.

– Она была такой красивой в воде. Особенно когда Андре поднял ее. Я не поверила своим глазам, когда увидела из окна ее, тебя и эту толпу.

– Мы поймаем себе на обед окунька поменьше. Они очень вкусные. Их запекают в масле с пряными травами. На вкус они напоминают наших полосатых окуней.

– Интересно, что с ней будет? Как хорошо и просто мы живем!

Они едва дождались обеда. Им принесли бутылку холодного белого вина, которым они запивали острый соус из сельдерея, мелкую редиску и маринованные по-домашнему грибы, поданные в большом стеклянном салатнике. Окуня зажарили на рашпере, и следы от металла краснели на серебристой коже, а кусочки мяса таяли на горячей тарелке. К рыбе

подали нарезанный лимон и свежий хлеб из пекарни, а вино охладило обожженные горячим картофелем кончики языков. Вино, неизвестной им марки, было отличное – легкое, сухое, бодрящее, и хозяева ресторанчика очень гордились им.

– Мы не слишком-то разговорчивы за едой, – сказала жена. – Тебе скучно со мной, милый?

Молодой человек рассмеялся.

– Не смейся надо мной, Дэвид.

– И не думал. Мне вовсе не скучно. Я буду счастлив с тобой, даже если ты не проронишь ни единого словечка.

Он налил ей еще вина и наполнил свой стакан.

– У меня для тебя есть сюрприз. Я тебе еще не рассказала? – спросила она.

– Сюрприз?

– Так, пустяк, но сразу не объяснишь.

– Скажи мне.

– Нет. А вдруг он тебе не понравится?

– Звучит угрожающе.

– Так и есть, – сказала она. – Только ни о чем не спрашивай. Я поднимусь к себе, если ты не против.

Молодой человек заплатил за обед, допил оставшееся вино и пошел наверх. Одежда жены лежала на одном из вангоговских стульев, а сама она ждала его в постели, накрывшись простыней. Волосы ее рассыпались по подушке, а глаза смеялись. Он отбросил простыню, и она сказала:

– Привет, милый. Ты хорошо пообедал?

Позже, счастливые, утомленные, они лежали рядом, ее голова – на его руке, и, когда она поворачивала голову, волосы ласкали его щеку. Волосы у нее были шелковистые, но море и солнце сделали их чуть-чуть жесткими.

Она тряхнула головой так, что волосы закрыли лицо; повернулась к нему и сказала:

– Ты меня любишь, да?

Он кивнул и поцеловал ее в темя, а потом привлек к себе и поцеловал в губы.

Потом они отдыхали, крепко обняв друг друга, и она спросила:

– Ты любишь меня такой, какая я есть? Ты уверен?

– Да, – сказал он. – Даже очень.

– А я хочу стать другой.

– Нет, – сказал он. – Нет. Другой не надо.

– А я хочу, – сказала она. – Это нужно тебе. По правде говоря, мне

тоже. Но тебе наверняка. Я в этом уверена, но пока ничего не скажу.

– Я люблю сюрпризы, но мне нравится все, как есть.

– Тогда, наверное, мне не следует этого делать, – сказала она. – А жаль. Был бы такой чудесный сюрприз. Я думала о нем давно, но до сегодняшнего утра не могла решиться.

– Очень хочется?

– Да, – сказала она. – И я это сделаю. Тебе же нравилось все, что мы делали до сих пор?

– Нравилось.

– Вот и хорошо.

Она соскользнула с постели и встала. Ноги у нее были длинные и коричневые. На дальнем пляже они плавали без купальных костюмов, и все тело ее покрыл ровный загар. Она выпрямила плечи, подняла подбородок, тряхнула головой, и густые рыжевато-коричневые волосы хлестнули ее по щекам. Потом наклонилась вперед, так что волосы закрыли лицо. Натянув через голову полосатую блузу, она села в кресло у туалетного столика, откинула волосы с лица, зачесала их назад и стала критически разглядывать себя в зеркале. Волосы снова рассыпались по плечам. Глядя в зеркало, она покачала головой. Потом натянула брюки, подпоясалась и надела выцветшие голубые туфли на веревочной подошве.

– Мне нужно в Эг-Морт, – сказала она.

– Отлично, – сказал он. – Я тоже поеду.

– Нет. Я должна поехать одна. Речь идет о сюрпризе.

Она поцеловала его на прощание, спустилась вниз, и он видел, как она села на велосипед и легко и плавно покатила вверх по дороге и волосы ее развевались на ветру.

Полуденное солнце светило прямо в окно, и в комнате стало жарко. Молодой человек умылся, оделся и пошел на берег. Надо было бы искупаться, но он слишком устал и, пройдясь немного по пляжу и ведущей от берега, протоптанной в солончаковой траве тропинке, вернулся той же дорогой в порт и поднялся по крутому берегу к кафе. Там его ждала газета, и он заказал *fine a l'eau*.³

Прошло три недели, как они поженились и отправились поездом из Парижа в Авиньон с велосипедами, чемоданом нарядов, рюкзаком и вещевым мешком. В Авиньоне они жили в дорогом отеле, потом, бросив там чемодан, решили поехать на велосипедах к Пон-дю-Гар. Но подул мистраль, они повернули с попутным ветром в сторону Нима и там остановились в отеле «Император», а затем, гонимые все тем же ветром, поехали в сторону побережья в Эг-Морт и уже оттуда в Ле-Гро-дю-Руа и с

того дня жили здесь.

Это было чудесное время, и они были по-настоящему счастливы. Раньше он даже не подозревал, что можно любить так сильно, что все остальное становится безразличным, просто не существует. Когда он женился, у него было много проблем, но здесь он совершенно забыл о них и не думал ни о работе, ни о чем другом, кроме этой женщины, которую любил, на которой был женат и с которой никогда не испытывал той отрезвляющей, невыносимой ясности мысли, какая бывает сразу после близости. Ничего подобного не было. Теперь они любили друг друга, ели и пили, а потом снова любили друг друга. Это был очень незатейливый мирок, но другого счастья он по-настоящему никогда не знал. Он надеялся, что и ей так же хорошо, по крайней мере внешне он ничего не замечал, и вот сегодня вдруг этот разговор о какой-то перемене, каком-то сюрпризе. Но возможно, перемена будет к лучшему, а сюрприз удачным. Читая местную газету, он потягивал бренди, и постепенно предстоящие перемены перестали его беспокоить.

Сегодня он впервые за время свадебного путешествия заказал себе крепкие напитки в ее отсутствие. Впрочем, сейчас он не работал, а по его правилам пить нельзя было только до или во время работы. Хорошо было бы снова начать писать, но это время придет очень скоро, и нужно постараться не быть эгоистом и сделать так, чтобы было очевидно, как сожалеет он о своем вынужденном затворничестве, оставляя ее одну. Конечно же, она отнесется к этому спокойно, ей тоже есть чем заняться, но все же нехорошо думать о работе теперь, когда они так опьянены друг другом. Правда, для работы нужна ясная голова. Интересно, подумал он, не догадывается ли она об этом и не потому ли стремится к чему-то новому, чего еще не было между ними и что невозможно разорвать. Но что это может быть? Невозможно привязаться друг к другу сильнее, чем теперь, когда даже после близости между ними нет фальши. Только счастье и любовь, а потом голод, пополнение сил и снова любовь.

Он и не заметил, как выпил *fine a l'eau* до дна и время перевалило за полдень. Он заказал еще порцию и попробовал углубиться в чтение. Но газета его не занимала, как прежде, и он стал смотреть на море, залитое тяжелым полуденным солнцем, как вдруг услышал ее шаги и гортанный голос:

– Привет, милый!

Она быстро подошла к столу, села напротив, вздернула подбородок и посмотрела на него смеющимися глазами. Кожа у нее на лице была золотистого цвета, с еле заметными веснушками. Она коротко, «под

мальчика», подстригла волосы. Их безжалостно срезали. Они были густые, как и прежде, но гладко зачесаны назад и по бокам совсем короткие, так что стали видны уши. Старательно приглаженные рыжевато-коричневые волосы точно повторяли контур головы. Она повернулась к нему, выпрямилась и сказала:

– Поцелуй меня, пожалуйста.

Он поцеловал ее, посмотрел в лицо, на волосы и поцеловал еще раз.

– Тебе нравится? Попробуй, как гладко. Вот здесь, на затылке.

Он провел рукой по затылку.

– Попробуй у виска, около уха. Проведи пальцами по вискам. Вот, – сказала она. – Это и есть сюрприз. Я – девочка. Но теперь я как мальчишка и могу делать все, что мне вздумается, все, все, все!

– Сядь ко мне, – сказал он. – Что будешь пить, братишка?

– Что ж, спасибо, – сказала она. – Я выпью то же, что и ты. Теперь понял, чем грозит тебе мой сюрприз?

– Догадываюсь.

– Разве я не молодец, что решилась на такое?

– Может быть.

– Нет. Не может быть. Я долго думала. Я все хорошенько обдумала.

Почему мы должны жить по чьим-то правилам? Мы – это мы.

– И так было хорошо, и никто не докучал нам никакими правилами.

– Пожалуйста, проведи рукой еще разок.

Он погладил ее и поцеловал.

– Какой ты милый, – сказала она. – И я тебе нравлюсь. Я чувствую, уверена. Не обязательно восторгаться. Пусть сначала тебе это просто нравится.

– Мне нравится, – сказал он. – У тебя такая красивая форма головы, и тебе очень идет.

– А виски тебе нравятся? – спросила она. – Это не подделка. Настоящая мальчишеская стрижка, и не в каком-то там салоне красоты.

– Кто тебя подстриг?

– Парикмахер в Эг-Морте. Тот, что неделю назад стриг тебя. Ты объяснил ему тогда, что ты хочешь, и я попросила подстричь меня точно так же. Он был очень мил и совсем не удивился. Его это нисколько не смутило. Он спросил: хочу ли я точно такую же прическу, как у тебя? И я ответила «да». Тебе это приятно, Дэвид?

– Да, – сказал он.

– Глупцам она покажется странной. Но мы должны быть выше этого. Мне нравится быть независимой.

– Мне тоже, – сказал он. – Сейчас и начнем.

Они сидели в кафе и смотрели, как отражается в воде заходящее солнце, как опускаются сумерки на городок, и пили *fine a l'eau*. Прохожие подходили к кафе поглазеть на нее, но в этом не было ничего оскорбительного. Они были единственными иностранцами в поселке, жили здесь уже почти три недели, и она была очень красивой и всем нравилась. К тому же сегодня он поймал огромную рыбину, а о таком событии в поселке обычно много судачили. Но и ее прическа вызвала немало толков. В этих краях добропорядочные женщины редко стриглись коротко, да и в самом Париже такая прическа была редкостью, считалась странной и могла вызвать как восторг, так и резкое осуждение. Короткая стрижка могла означать либо слишком многое, либо просто желание показать красивую головку.

На ужин они съели бифштекс с кровью, картофельное пюре, фасоль и еще салат, и она попросила тавельского.

– Отличное вино для влюбленных, – сказала она.

Он подумал, что ей всего двадцать один год и обычно она выглядела не старше своих лет, чем он очень гордился. Но в тот вечер она казалась взрослее. Очертания скул резко проступили на лице – раньше он этого не замечал, и, пожалуй, еще улыбка стала немного печальной.

В комнате было темно, и только с улицы проникал слабый свет. Подул бриз, и стало прохладно, но они откинули простыню.

– Дэйв, ты не против, если мы согрешим?

– Нет, девочка, – сказал он.

– Не называй меня девочкой.

– Там, где я обнимаю тебя, ты – девочка, – сказал он. Он крепко прижал ее к себе и почувствовал, как груди напряглись и округлились под его пальцами.

– Это мое приданое, – сказала она. – Лучше вернемся к сюрпризу. Потрогай. Нет, оставь их. Они никуда не денутся. Погладь лицо и затылок. Вот так, хорошо... Пожалуйста, Дэвид, люби меня такой, какая я есть. Пожалуйста, пойми меня и люби.

Он закрыл глаза и почувствовал на себе ее стройное легкое тело и как прижались ее груди к его груди и ее губы к его губам. Он лежал, не двигаясь, прислушиваясь к ее желанию, и когда рука ее опустилась ниже и нерешительно коснулась его, он помог ей и, откинувшись на спину, снова лег неподвижно, ни о чем не думая, лишь ощущая на себе непривычную тяжесть ее тела.

– Правда, теперь не поймешь, кто из нас кто? – спросила она.

– Да.

– Ты становишься другим, – сказала она. – Да, да. Ты – совсем другой, ты – моя Кэтрин. Пожалуйста, стань моей Кэтрин, а я буду любить тебя.

– Кэтрин – это ты.

– Нет. Я – Питер. А ты – моя Кэтрин. Ты – моя прекрасная, любимая Кэтрин. Так хорошо, что ты стал другим. Спасибо тебе, Кэтрин, огромное спасибо. Ну, пожалуйста, пойми. Пойми и помоги. Я буду любить тебя вечно.

Потом они лежали, усталые и опустошенные. Они лежали в темноте бок о бок, касаясь друг друга, и ее голова покоилась у него на руке. Взошла луна, и в комнате стало немного светлее. Не поворачивая головы, она провела рукой по его груди и сказала:

– Ты не считаешь меня безнравственной?

– Конечно, нет. Но скажи, как давно ты это задумала?

– Не знаю. А в общем, давно. Ты – умница.

Он обнял женщину, крепко прижал к себе, ощутил грудью прикосновение ее дивной груди и поцеловал в губы. Он прижимал ее к себе все крепче и думал: «до свидания», еще раз «до свидания» и «прощай».

– Полежим тихонечко и помолчим, обнимемся и постараемся ни о чем не думать, – сказал он, а в душе добавил: «Прощай, Кэтрин, моя славная девочка, счастья тебе и прощай».

Глава вторая

Он встал, оглядел пляж, заткнул пробкой бутылочку с маслом, убрал ее в боковой карман рюкзака и пошел к морю, чувствуя, как с каждым шагом песок становится прохладнее. Он оглянулся на женщину, оставшуюся на покатом берегу. Она лежала на спине, закрыв глаза и вытянув руки вдоль тела, а за ней, выше по склону, громоздился брезентовый рюкзак и виднелись первые островки прибрежной травы. «Ей не следует так долго лежать на солнце», – подумал он. Потом подошел к морю, бросился плашмя в прозрачную холодную воду, вынырнул и поплыл на спине, глядя поверх равномерно бьющих по воде ног на удаляющийся берег.

Перевернувшись в воде, он нырнул до самого дна и дотронулся рукой до шершавого песка и жестких гребней песчаных борозд, вынырнул и медленно и равномерно поплыл кролем к берегу, стараясь выдерживать темп. Подойдя к женщине, он увидел, что она спит. Он пошарил рукой в рюкзаке, нашел часы и заметил время, когда ее нужно разбудить. Они прихватили с собой бутылку холодного белого вина, завернув ее в газету, и полотенца. Он откупорил бутылку, не вынимая ее из этого неуклюжего свертка, и сделал освежающий глоток. Потом сел на песок рядом с Кэтрин и стал смотреть на женщину и на море.

«Море всегда холоднее, чем кажется», – подумал он. По-настоящему, если не считать мелей, вода в море прогревалась только к середине лета. На этом пляже берег обрывался неожиданно, и вода была обжигающе холодной, пока тело не согревалось от движений. Он смотрел на море и на высокие облака и заметил, как далеко к западу ушли на промысел рыбацкие суденышки. Потом он снова посмотрел на женщину. Песок уже достаточно просох, и там, где он ступал, ветер осторожно поднимал песчинки в воздух.

Ночью он проснулся, ощутив прикосновение ее рук. Светила луна, и жена снова была во власти черной магии превращения, и, когда она заговорила с ним, он не сказал «нет», и на этот раз болезненное ощущение пронизало его тело, а когда все закончилось, они лежали в изнеможении, и только жена, содрогаясь всем телом, прошептала:

– Вот теперь мы согрешили. Теперь мы по-настоящему согрешили.

«Да, – подумал он, – теперь мы по-настоящему согрешили». Потом, когда она неожиданно уснула, словно уставшая маленькая девочка, и

лежала подле него на боку и лунный свет падал на ее чудесную, непривычно подстриженную головку, он наклонился к ней и негромко произнес:

– Я с тобой. Не важно, что ты там еще надумала, я с тобой, и я люблю тебя.

Утром он очень хотел есть, но ждал, пока она проснется. Наконец он поцеловал ее, и она открыла глаза, улыбнулась, встала, сонная, умылась в большом тазу, села, опустив плечи, перед зеркалом, причесалась и хмуро взглянула на себя, а потом улыбнулась, коснулась кончиками пальцев щек и, надев полосатую блузу, поцеловала его. Она встала, касаясь грудью груди Дэвида, и сказала:

– Не бойся, Дэвид. Я снова твоя послушная девочка.

Но ему было чего опасаться. «Что будет дальше, – подумал он, – если уже теперь так быстро их охватило безрассудство? Что только не сгорит в таком костре? Мы были счастливы, уверен, она тоже. Впрочем, как знать? Да и не тебе судить об этом, коль скоро ты поддался ее капризу. Кто ты, чтобы мешать ей? Тебе повезло с женой, плохо лишь то, после чего остается горький осадок, а его нет. Во всяком случае, вино все лечит, только вот что ты будешь делать, когда уже и вино не поможет?»

Он достал из рюкзака бутылочку с маслом и слегка смазал ее подбородок, щеки и нос, потом нашел в рюкзаке голубой выцветший носовой платок с рисунком и прикрыл ей грудь.

– Пора просыпаться? – спросила она. – Я вижу такой чудесный сон.

– Досмотри, – сказал он.

– Спасибо.

Через несколько минут она глубоко вздохнула, тряхнула головой и села.

– Пойдем купаться, – сказала она.

Они вошли в воду вместе и заплыли далеко, веселясь и играя под водой, как дельфины. Вернувшись на берег, они растерли друг друга полотенцами, он протянул ей завернутую в газету все еще холодную бутылку вина, они сделали по глотку и рассмеялись.

– Хорошо просто пить, чтобы утолить жажду, – сказала она. – Ты действительно не против стать моим братом?

– Нет.

Он еще раз смазал маслом ее лоб, нос, щеки, подбородок и за ушами.

– Я хочу, чтобы загорело все лицо.

– Ты и так очень темный, братишка, – сказал он. – Даже не представляешь, какой ты темный.

– Хорошо, – сказала она. – Но я хочу быть еще темнее.

Они лежали на пляже на твердом, высохшем, но еще сохранившем после прилива прохладу песке. Молодой человек налил немного масла на ладонь, растер его по бедрам женщины, и, когда масло впиталось, кожа ее стала теплого цвета. Он растер маслом живот и грудь, и женщина сонно сказала:

– Так мы мало похожи на братьев. Да?

– Нет.

– Я очень стараюсь быть хорошей девочкой, – сказала она. – Нет, правда, милый, днем тебе нечего опасаться. Днем мы не позволим себе ничего из того, что бывает ночью.

В гостинице, пока она расписывалась за пухлую бандероль, куда вложили еще и письма из банка в Париже, почтальон потягивал вино. Он же принес и три письма, переадресованные банком для Дэвида. Это была первая почта с тех пор, как они сообщили в Париж адрес этой гостиницы для пересылки писем. Молодой человек дал почтальону пять франков и предложил выпить с ним еще стаканчик у обитой цинком стойки бара. Женщина сняла с доски ключ и сказала:

– Я приведу себя в порядок и буду ждать тебя в кафе.

Допив свой стакан, он попрощался с почтальоном и пошел вдоль канала в сторону кафе. Приятно было посидеть в прохладе после того, как он шел с дальнего пляжа под палящим солнцем, да еще с непокрытой головой. Он заказал вермут с содовой, достал перочинный нож и вскрыл конверты. Все три письма были от издательства, и два из них были набиты вырезками из газет и гранками рекламных объявлений. Он посмотрел вырезки и стал читать длинное письмо. Оно было обнадеживающим и сдержанно-оптимистичным. Слишком рано было говорить, как разойдется книга, но, похоже, дела шли неплохо. Большинство рецензий были отличными. Конечно, попадались и плохие. Но этого следовало ожидать. В рецензиях были подчеркнуты фразы, которые издательство собиралось использовать в дальнейшей рекламе. Издатель сожалел, что не может сообщить большего о перспективах книги, потому что опасался прогнозов. Предсказывать – плохая примета. Главное, что критики встретили книгу как нельзя лучше. Рецензии и вправду превзошли все ожидания. Впрочем, он сам может прочесть вырезки. Первый тираж был пять тысяч экземпляров, но после таких отзывов решено было напечатать второй тираж. В последующих рекламных анонсах можно будет написать: «Читайте второе издание...» Издатель надеялся, что Дэвид счастлив и

вдоволь наслаждается всеми прочими радостями. Он просил передать наилучшие пожелания жене.

Молодой человек одолжил у официанта карандаш и помножил два доллара пятьдесят центов на тысячу. Это было нетрудно. Десять процентов от этой суммы составляли двести пятьдесят долларов. Помножив двести пятьдесят на пять, он получил одну тысячу двести пятьдесят долларов. Семьсот пятьдесят долларов он получил как аванс. Значит, за первый тираж он получит еще пятьсот долларов.

Теперь второй тираж. Допустим, напечатают две тысячи. Ему причитается двенадцать с половиной процентов от пяти тысяч долларов. Кажется, таковы условия контракта. Значит, он получит шестьсот двадцать пять долларов. Но кажется, двенадцать с половиной процентов платят только с тиража в десять тысяч. Что ж, все равно он получит еще пятьсот долларов. Итого тысяча.

Он начал читать рецензии и вдруг обнаружил, что незаметно выпил весь вермут. Он заказал еще и вернул карандаш официанту. Он все еще продолжал читать, когда в кафе с большой пачкой писем вошла Кэтрин.

– Я и не знала, что прислали рецензии, – сказала она. – Покажи их мне. Пожалуйста.

Официант принес вермут и, ставя стакан, заметил у нее в руках газетную вырезку с фотографией.

– C'est Monsieur? [4](#) – спросил он.

– Да, – сказала она и протянула ему газету.

– Но одет совсем по-другому, – сказал официант. – Пишут о вашей свадьбе? Можно взглянуть на фото мадам?

– Нет, не о свадьбе. Рецензии на книгу месье.

– Замечательно, – сказал официант, на которого ее слова произвели большое впечатление. – Мадам тоже писательница?

– Нет, – сказала она, не отрывая глаз от статьи, мадам – домашняя хозяйка.

Официант недоверчиво засмеялся:

– Мадам, должно быть, киноактриса.

Они вместе прочли газетные вырезки, затем она отложила в сторону одну рецензию и сказала:

– Мне страшно от того, что тут пишут. Как мы можем оставаться такими, как мы есть, если ты таков, как здесь пишут?

– Я уже читал о себе подобное, – сказал молодой человек. – Поначалу это развращает, но ненадолго.

– Нет, это ужасно, – сказала она. – Они погубят тебя, если ты им

поверишь. Уж не думаешь ли ты, что я вышла за тебя, потому что ты такой, как пишут в этих статьях?

– Нет. Дай мне прочесть рецензии, а потом мы снова запечатаем их в конверт.

– Конечно, ты должен их прочесть. Я не дуручка, что бы заводиться по пустякам. Но носить их с собой даже в конверте? Это все равно что держать при себе чью-то урну с прахом.

– Многие были бы счастливы прочесть такие слова о своих злополучных мужьях.

– Я – не многие, и ты – не злополучный муж. Давай не будем устраивать сцен.

– Не будем. Прочти и, если найдешь что-нибудь хорошее, дельное или новое о книге, расскажешь мне. Мы уже кое-что на ней заработали.

– Прекрасно. Я очень рада. Но мы и так знаем, что она хорошая. Даже если бы рецензии были отвратительными и книга не принесла нам ни единого цента, я все равно была бы горда и счастлива.

«А я нет», – подумал молодой человек. Но промолчал. Он продолжал читать рецензии, поочередно разворачивая вырезки, и снова прятал их в конверт. Женщина вскрывала свои письма и читала их без всякого интереса. Потом она отвернулась к морю. Лицо ее было темное, коричневато-золотистого цвета, и она зачесала волосы назад так, как они легли после моря. Там, где ее подстригли совсем коротко, у висков, волосы выгорели и стали цвета белого золота, а смуглая кожа оттеняла их еще больше. Она смотрела на море, и глаза ее были грустными. Потом она снова стала распечатывать конверты. Одно длинное, отпечатанное на машинке письмо она прочла очень внимательно. Потом принялась за остальные. Молодой человек, взглянув на нее, подумал, что она вскрывала конверты так, точно лущила горох.

– Что там? – спросил он.

– Чеки.

– На крупную сумму?

– Два – на крупную.

– Вот и хорошо, – сказал он.

– Не делай вид, что тебе все равно. Хоть ты и говорил, что деньги не имеют значения.

– Разве я сказал что-нибудь?

– Нет. Просто сделал вид, что тебе неинтересно.

– Извини, – сказал он. – Крупные чеки?

– Не очень. Но нам хватит. Все на мое имя, потому что я вышла

замуж. Я же говорила, что нам следует пожениться. Деньги невелики, но жить можно. Мы их потратим, и хуже от этого не будет, для того они и предназначены. Все это помимо постоянных поступлений и тех денег, что я получу, когда мне исполнится двадцать пять или тридцать, если дотяну. Можем тратить их на что вздумается. Так что пока не о чем беспокоиться. Все очень просто!

– Книга покрыла аванс и принесла нам еще около тысячи долларов, – сказал он.

– Ну, разве это не здорово, ведь она только вышла?

– Неплохо. Не выпить ли нам еще? – спросил он.

– Давай возьмем что-нибудь другое.

– Сколько вермута ты выпила?

– Всего бокал. Никакого эффекта.

– А я два, но даже не распробовал вкуса.

– Есть у них что-нибудь посущественнее? – спросила она.

– Хочешь «Арманьяк» с содовой? Это уже кое-что.

– Отлично. Давай попробуем.

Официант принес «Арманьяк», и молодой человек попросил его принести вместо сифона бутылку холодной содовой воды. Официант налил две большие порции бренди, а молодой человек положил в бокалы лед и добавил минеральной воды.

– Это приведет нас в чувство, – сказал он. – Правда, пить этот дьявольский напиток до обеда небезопасно.

Женщина сделала долгий глоток.

– Хорошо, – сказала она, – освежающий, оригинальный, полезный и в меру противный напиток.

Она сделала еще один глоток.

– Я уже кое-что чувствую. А ты?

– Да, – сказал он и глубоко вдохнул. – Я тоже чувствую.

Она выпила еще, улыбнулась, и вокруг смешливых глаз появились смешливые морщинки. С холодной минеральной водой крепкое бренди бодрило.

– За героев, – сказал он.

– Неплохо быть героем. Мы ни на кого не похожи. Нам ни к чему называть друг друга «дорогой», или «моя дорогая», или «моя любовь», или еще как-то в этом роде, лишь бы подчеркнуть наши отношения. «Дорогой», «любимый», «ненаглядный» – ужасно пошло. Будем звать друг друга просто по имени. Ты меня понимаешь? Зачем нам кому-то подражать?

– Ты очень смышленная девочка.

– Нет, правда, Дэви, – сказала она. – Ну почему мы должны быть занудами? Почему бы нам не развлекаться и не путешествовать теперь, когда мы получаем от этого такое удовольствие? Можем делать все, что захотим. Будь ты европейцем, по закону мои деньги принадлежали бы тебе тоже. Но они и так твои.

– Ну их к черту.

– Ладно. Ну их к черту. Но мы их прокутим, и это будет прекрасно. Писать ты можешь и потом. По крайней мере мы успеем повеселиться до того, как у меня родится ребенок. Пока что я даже не знаю, когда он у меня будет. Ну вот, мне уже и скучно, и тоскливо от этих разговоров. Разве нельзя просто развлекаться и поменьше говорить?

– А если я начну писать? Стоит только тебе заскучать, и ты сразу захочешь чего-нибудь еще.

– Ну и пиши себе, глупый. Ты и не говорил, что не будешь писать. Кто сказал, что ты не должен работать? Ну кто?

И все же что-то похожее у нее вырвалось. Он не мог точно вспомнить когда, потому что мысли его забежали вперед: «Хочешь писать? На здоровье, а я найду чем себя развлечь. Ведь не бросать же мне тебя из-за этого?»

– Ну и куда же мы отправимся теперь? Скоро здесь станетлюдно.

– Куда захочешь. Ты согласен, Дэвид?

– И надолго?

– На сколько захотим. Шесть месяцев. Девять. Год.

– Будь по-твоему, – сказал он.

– Правда?

– Конечно.

– Какой ты славный. Если бы я уже не любила тебя, то теперь непременно полюбила бы за гениальные решения.

– Их легко принимать, когда не знаешь, к чему это приведет.

Он допил напиток героев, который теперь уже не казался ему таким хорошим, и заказал еще бутылку холодной минеральной воды, чтобы приготовить напиток покрепче, без льда.

– Налей и мне. Покрепче, как себе. Закажем обед и начнем кутить.

Глава третья

Ночью в темноте, лежа в постели, пока они еще не заснули, она сказала:

– Пожалуйста, пойми, Дэвид. Нам вовсе не обязательно грешить.

– Я понимаю.

– Мне и так хорошо, и я всегда буду твоей послушной девочкой. Не унывай. Сам знаешь. Я такая, как тебе хочется, но иногда я хочу быть другой, и пусть нам обоим будет хорошо. Можешь не отвечать. Я болтаю просто так, чтобы убаюкать тебя, потому что ты мой добрый, любимый муж и брат. Я люблю тебя, и, когда мы отправимся в Африку, я стану еще и твоей африканской подружкой.

– Мы собираемся в Африку?

– А разве нет? Ты что, забыл? О чем же мы тогда весь день говорили? Конечно, можно поехать еще куда-нибудь. Но мне казалось, мы говорили об Африке.

– Почему же ты прямо не сказала?

– Не хотела на тебя давить. Я же говорила, куда ты захочешь. Я поеду куда угодно. Но я думала, тебе самому туда хочется.

– Сейчас не время для Африки. Там сезон дождей, а потом трава поднимется чересчур высоко и настанут холода.

– А мы спрячемся в постели, согреемся и будем слушать, как стучит по железной крыше дождь.

– Все равно рано. Дороги размыты, никуда не поедешь, сядем сиднем, точно посреди болота, а трава там такая высокая, что ничего не увидишь.

– Куда же тогда ехать?

– Можно поехать в Испанию, но feria в Севилье закончилась, впрочем, как и Праздник святого Исидора в Мадриде, и ехать туда теперь нет смысла. На баскском побережье тоже пока нечего делать. Там холодно и дожди. В Испании сейчас повсюду дожди.

– Неужели там не найдется теплого уголка, где мы смогли бы плавать, как здесь?

– В Испании ты не сможешь плавать, как здесь. Тебя арестуют.

– Какая скука! Тогда подождем с Испанией, я хочу загореть побольше.

– Зачем тебе быть такой темной?

– Не знаю. Почему тебе иногда чего-то хочется? Сейчас больше всего на свете мне не хватает загара. Конечно, из того, чего у меня еще нет. Разве

тебе не хочется, чтобы я стала совсем черной?

– Ну, еще как!

– Ты думал я не смогу так загореть?

– Нет, ведь ты же блондинка.

– А я смогла. У меня кожа такого же цвета, как у львиц, а они бывают очень темными. Но я хочу загореть вся и скоро добьюсь своего, а ты станешь смуглее индейца, и тогда мы будем совсем не похожи на других. Теперь понимаешь, почему это так важно?

– Какими же мы будем?

– Не знаю. Может быть, самими собой. Но другими. Так, наверное, будет лучше. Такими мы и останемся, да?

– Конечно. Поедем дальше к Эстерель и найдем другое место. Не хуже этого.

– Так и сделаем. Есть много диких уголков, где летом никого нет. Возьмем машину и сможем добраться куда угодно. Даже в Испанию, если захотим. Стоит раз загореть как следует, и мы навсегда останемся такими, если не будем жить летом в городах.

– А ты хочешь стать совсем черной?

– Насколько возможно. Посмотрим. Жаль, во мне нет индейской крови. Я стану такой темной, что тебе не устоять. Скорее бы наступило завтра и снова на пляж.

Она так и заснула, запрокинув голову и задрав подбородок, словно лежала под солнцем на пляже, а потом повернулась к нему и свернулась калачиком. Молодой человек не спал, прислушивался к ее дыханию и думал о прошедшем дне. «Возможно, ты все равно не смог бы начать, и, наверное, лучше всего пока не вспоминать о работе вовсе и наслаждаться тем, что есть. Когда будет нужно, начнешь работать. И ничто тебе не помешает. Последняя книга удалась, и ты должен написать новую, еще лучше. Наше сумасбродство забавно, хотя кто знает, что баловство, а что – всерьез. Конечно, пить бренди днем ни к черту не годится, и уже простые аперитивы кажутся пустяком. Это скверный признак... Как красива она во сне, и ты тоже заснешь, потому что на душе у тебя спокойно. Ты ничего не променял на деньги, – думал он. – Все, что она говорила про деньги, – правда. Все до последнего слова. Какое-то время они могут жить без забот».

Что там она говорила о крахе? Он не мог припомнить, что именно.

Потом он устал вспоминать, посмотрел на нее и легко, чтобы не разбудить, коснулся губами щеки. Он очень любил ее и все, что с ней связано, и заснул, думая о ней и о том, как завтра они загорят еще сильнее,

какой смуглой станет ее кожа и какой загадочной может быть она сама.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава четвертая

Во второй половине дня маленький приземистый автомобиль спустился по унылой дороге, идущей через холмы и вспаханные поля, вдоль лежащего по правую руку от дороги темно-синего океана, и выехал на пустынный бульвар, граничащий с двухмильным монотонно-желтым песчаным пляжем в Андайе.

Далеко впереди, на самом берегу океана, громоздился большой отель и казино, а слева остались посадки молодых деревьев и побеленные или коричневые, обшитые деревом баскские домики, окруженные садами. Молодая пара в машине медленно катила по бульвару, глядя из окна на великолепный пляж и открывшиеся в конце бульвара, сразу за отелем и казино, голубые в это время дня горы Испании. Впереди было устье впадающей в океан реки. Начался отлив, и за ослепительной полосой песчаного берега они увидели старинный испанский городок, а по другую сторону залива – зеленые холмы и на дальнем мысу – маяк. Он остановил машину.

– Как здесь красиво, – сказала женщина.

– Там есть кафе и столики под деревьями, – сказал молодой человек. – Под старыми деревьями.

– Какие странные деревья, – сказала она. – В основном молодые посадки. Почему там сажают мимозу?

– Чтобы было красивее, чем во Франции.

– Да, наверное. Все выглядит неуютно новым. Но пляж великолепен. Во Франции я таких не встречала. Во всяком случае, песок там не такой ровный и мелкий. Биарриц – просто дыра. Давай свернем к кафе.

Они проехали немного назад по правой стороне дороги. Молодой человек заехал на обочину и выключил зажигание. Они прошли к столикам под деревьями, и им приятно было есть и чувствовать на себе взгляды незнакомых людей, сидящих за другими столиками.

Ночью поднялся ветер, и в угловой комнате на одном из верхних этажей большого отеля было слышно, как обрушиваются на берег тяжелые буруны. В темноте молодой человек натянул поверх простыни легкое одеяло, а женщина сказала:

– Ты доволен, что мы остановились здесь?

– Я люблю слушать шум прибоя.

– И я.

Они лежали рядом и слушали море. Она опустила голову ему на грудь, и он коснулся подбородком ее затылка, а потом она устроилась повыше и прижалась щекой к его щеке. Она поцеловала его, и он почувствовал прикосновение ее руки.

– Как хорошо, – сказала она в темноте. – Как чудесно. Ты уверен, что ничего не хочешь?

– Не сейчас. Я замерз. Пожалуйста, обними меня и согрей.

– Я люблю, когда ты лежишь рядом такой холодный.

– Если ночами будет так холодно, нам придется спать в пижамах.

Отлично! И завтракать в постели.

– Это Атлантический океан, – сказала она. – Послушай его.

– Нам тут будет хорошо, – сказал он. – Если хочешь, проживем здесь подольше. А нет – уедем. Тут есть куда поехать...

– Поживем пару дней и посмотрим.

– Ладно, но если мы останемся, я хотел бы начать писать.

– Вот будет чудесно. Завтра посмотрим, где здесь можно жить. Ты ведь сможешь работать в номере, если я уйду? Пока не подыщем подходящее место?

– Конечно.

– Знаешь, не нужно беспокоиться за меня, потому что я люблю тебя и нас только двое в этом мире. Пожалуйста, поцелуй меня, – сказала она.

Он поцеловал.

– Я ведь не сделала ничего плохого. Кроме того, что не могла не делать. Сам знаешь.

Он ничего не ответил и молча слушал в темноте, как обрушиваются на твердый, мокрый песок тяжелые буруны.

На следующее утро по-прежнему штормило и хлестал дождь. Испанского берега не было видно, и, когда в перерывах между шквальными порывами ветра и дождя небо прояснялось, по ту сторону охваченного штормом залива виднелись только окутавшие подошвы гор облака. После завтрака Кэтрин накинула плащ и ушла, оставив его одного работать. Писалось просто и легко. Возможно, даже слишком легко. «Будь осмотрителен, – говорил он сам себе, – очень хорошо, что ты пишешь просто: чем проще, тем лучше. Главное, чтобы умом ты понимал, как все не просто. Представь себе, как сложно то, о чем ты хочешь рассказать, а

потом уж пиши. Ведь все, что было в Ле-Гро-дю-Руа, не стало проще от того, что тебе удалось так описать происходящее».

Он по-прежнему писал карандашом в дешевой разлинованной школьной тетрадке и уже поставил на обложке римскую цифру один. Наконец он закончил, убрал тетрадь в чемодан вместе с картонной коробкой для карандашей и конусообразной точилкой, оставив на столе лишь пять затупившихся карандашей, чтобы заточить их для завтрашней работы, и, взяв с вешалки в стенном шкафу куртку, спустился по лестнице в холл. Он заглянул в уютный для такой дождливой погоды полумрак гостиничного бара, где уже стали собираться посетители. Ключ он оставил у портье. Принимая ключ, помощник портье достал из почтового ящика записку и сказал:

– Мадам оставила это для месье.

Он развернул записку и прочел: «Дэвид, я не хотела тебе мешать, жду в кафе, люблю, Кэтрин». Он накинул старую теплую полушинель, нащупал в кармане берет и вышел из отеля в дождь.

Она сидела в небольшом кафе за угловым столиком, на котором стояли стакан с мутным, желтоватого цвета, напитком и тарелка, где среди объедков лежал небольшой бурый речной рак. Она уже была навеселе.

– Где пропадал, чужестранец?

– Путешествовал, милашка.

Он заметил, что лицо у нее мокрое от дождя, и с интересом наблюдал, как меняют капельки воды загорелую кожу. Но все равно выглядела она хорошо, он был очень рад видеть ее такой.

– Начал писать? – спросила она.

– Да, и идет неплохо.

– Значит, ты работал. Отлично.

Официант обслуживал трех испанцев, сидевших за столиком у самой двери. Он подошел, держа в руках стакан, бутылку обычного перно и небольшой узконосый кувшин с водой. В воде плавали кусочки льда.

– Pour Monsieur aussi? [5](#) – спросил он.

– Да, – сказал молодой человек. – Пожалуйста.

Официант наполнил высокие стаканы до половины желтоватой жидкостью и начал медленно доливать воду в стакан женщины. Но молодой человек сказал: «Я сам», – и официант поставил бутылку на стол. Похоже, он только и ждал, чтобы его отпустили, и молодой человек стал сам доливать воду очень тонкой струйкой, а женщина с интересом смотрела, как абсент приобретает дымчатый, опаловый оттенок. Она взяла стакан в руки и почувствовала, что стекло пока еще теплое, а потом, когда

желтизна исчезла и появился молочный отлив, стекло вдруг сделалось прохладным, и тогда молодой человек стал добавлять воду по капле.

– Почему нужно доливать воду так медленно? – спросила она.

– Иначе напиток теряет крепость и ни к черту не годится, – объяснил он. – Он делается пресным и никчемным. По правилам, на бокал ставят стакан со льдом и маленькой дырочкой внизу, чтобы вода капала постепенно.

Но тогда всем ясно, что ты пьешь.

– Я уже выпила стакан наспех, потому что сюда заглянули Н. Г.

– Н. Г.?

– Или как их там, гвардейцы? На велосипедах и в форме с черной кожаной кобурой. Пришлось проглотить улику.

– Что?

– Извини, что проглочено, то проглочено.

– С абсентом шутки плохи.

– У меня после него легче на душе.

– Только после него?

Он смешал абсент так, чтобы напиток получился покрепче.

– Вперед, – сказал он. – Не жди меня.

Она сделала большой глоток, потом он взял у нее стакан, выпил сам и сказал:

– Спасибо, мадам. Это вселяет бодрость.

– Тогда сделай себе отдельно, ты, обожатель газетных вырезок.

– Что-что? – спросил молодой человек.

– А что я такого сказала?

Но он хорошо ее понял:

– Ты бы помолчала о вырезках.

– Почему? – спросила она, наклонившись к нему и повысив голос. – Почему я должна молчать? Уж не потому ли, что сегодня утром ты изволил писать? По-твоему, я вышла за тебя потому, что ты – писатель? За тебя и твои газетные вырезки.

– Ну ладно, – сказал молодой человек. – Остальное выскажешь, когда мы будем одни.

– И не сомневайся, выскажу, – сказала она.

– Надеюсь, нет.

– Не надейся. Будь уверен, выскажу.

Дэвид Берн встал, подошел к вешалке, оделся и не оглядываясь вышел.

Кэтрин, оставшись одна, подняла стакан, попробовала абсент и не

спеша допила его маленькими глотками.

Дверь отворилась, Дэвид вернулся и подошел к столу. На нем была та же теплая полушinelь и надвинутый на глаза берет.

– Ключи от машины у тебя?

– Да, – сказала она.

– Можешь мне их дать?

Она протянула ему ключи и сказала:

– Не глупи, Дэвид. Во всем виноват дождь да еще то, что работаешь ты один. Сядь.

– Ты этого хочешь?

– Пожалуйста, – сказала она.

Он сел. «Зачем все это? – подумал он. – Ты ушел, чтобы взять машину, уехать подальше и послать ее к черту, а сам вернулся и вынужден просить ключи, да еще снова уселся, как слюнтяй». Он взял свой стакан и допил оставшееся. Абсент по крайней мере был хорош.

– Обедать собираешься? – спросил он.

– Скажи куда, и я пойду с тобой. Ты ведь еще любишь меня?

– Не дури.

– Мерзкая была ссора, – сказала Кэтрин.

– К тому же первая.

– Я виновата. Вспомнила о газетных вырезках.

– Давай не будем об этих проклятых вырезках.

– Все из-за них.

– Все потому, что ты думала о них, когда пила. Не надо было пить, тогда бы это не пришло тебе в голову.

– Точно отрыжка после вина, – сказала она. – Ужасно. Хотела пошутить, и вдруг сорвалось с языка.

– Что у трезвого на уме...

– Ну хватит, – сказала она. – Я думала, ты уже забыл.

– Забыл.

– Что ж тогда только об этом и говоришь?

– Не стоило нам пить абсент.

– Да. Конечно, не стоило. Особенно мне. Тебе-то он был необходим. Думаешь, тебе станет лучше?

– Слушай, неужели нельзя остановиться?

– С меня-то уж точно хватит. Осточертело.

– Терпеть не могу это слово.

– Хорошо, только это.

– О черт, – сказал он. – Обедай сама.

- Нет. Мы пообедаем вместе и будем вести себя по-людски.
- Попробуем.
- Прости меня. Я действительно пошутила, но не удачно. Правда, Дэвид, забудем об этом.

Глава пятая

Когда Дэвид Берн проснулся, начался отлив, солнце ярко высветило полосу берега, и море стало темно-синим. Горы стояли зеленые, посвежевшие, и облаков не было. Кэтрин еще спала. Дышала она ровно, солнечный луч падал ей на лицо, и Дэвид подумал, как это странно, что солнце не будит ее.

После душа он почистил зубы, побрился, и ему захотелось есть, но он надел шорты и свитер, достал тетрадь, карандаши и точилку и сел за стол у окна, смотревшего на устье реки, за которой начиналась Испания. Он стал писать и забыл о Кэтрин и о виде из окна, и слова ложились на бумагу сами собой, как бывало всегда, когда удача сопутствовала ему. Он описал все, как было, и горечь проступала в рассказе лишь слегка, точно едва заметная пена на спокойной зыби, помечающей в тихую погоду подводные рифы.

Поработав, он снова повернулся к Кэтрин. Она по-прежнему спала, улыбаясь во сне, и через открытое окно на ее коричневое тело падал солнечный прямоугольник, а на фоне сбившейся белой простыни и нетронутой подушки ее загорелое лицо и темно-рыжая головка казались еще темнее.

«Завтракать уже поздно, – подумал он. – Оставлю записку, спущусь в кафе и выпью [safe creme6](#) с чем-нибудь». Но пока он убирал тетрадь и карандаши в чемодан, Кэтрин проснулась, подошла к нему, обняла, поцеловала в шею и сказала:

- Я твоя ленивая голая жена.
- Зачем ты встала?
- Не знаю. Скажи, куда ты идешь, и я буду там через пять минут.
- Я иду завтракать в кафе.
- Иди. Я скоро приду. Ты работал?
- Конечно.
- Какой же ты молодец, особенно после вчерашнего. Я так горжусь тобой. Поцелуй меня и посмотри на нас в зеркало.

Он поцеловал ее, и они вместе посмотрели в большое зеркало.

– Как приятно, когда на тебе не слишком много надето, – сказала она. – Веди себя хорошо и постарайся благополучно добраться до кафе. Закажи мне [oeuf au jambon.7](#) Не жди. Прости, что я тебя задержала.

В кафе он нашел утреннюю местную и вчерашние парижские газеты, и официант принес ему кофе с молоком, ветчину из Байонна и прекрасное

свежее яйцо, которое, перед тем как взять ложечкой желток, Дэвид посыпал грубо-молотым перцем и смазал тонким слоем горчицы. Кэтрин долго не было, и, чтобы яичница не остыла, он съел и ее порцию и вытер тарелку кусочком свежесвеженного хлеба.

– Вот и мадам, – сказал официант. – Я принесу еще порцию.

На ней была юбка, кашемировый свитер и нитка жемчуга. Волосы она вытерла полотенцем, но расчесала их влажными, и от этого они казались прямыми и темными, сливаясь с ее необыкновенно загорелым лицом.

– Какой чудесный день, – сказала она. – Жаль, что я припозднилась.

– Ты куда разоделась?

– Я хотела бы съездить в Биарриц. Поедешь со мной?

– Ты же хочешь поехать одна?

– Да, – сказала она. – Но ты не помешаешь. – Когда он встал, она сказала: – Я хочу привезти тебе сюрприз.

– Не надо.

– Надо. Тебе понравится.

– Давай-ка я поеду, чтобы ты опять чего-нибудь не выкинула.

– Нет. Лучше, если я буду одна. Я вернусь во второй половине дня. И не жди меня к обеду.

Дэвид прочел газеты, а потом прошелся по городу в поисках удобного для жилья квартала или шале, которое можно было бы снять, и новые застройки показались ему приятными, но скучными. Он любовался видом на залив и устье реки, за которой начиналась Испания, и старинным серокаменным замком Фуэнтэррабья, и ослепительно белыми коттеджами по обе стороны замка, и коричневыми горами, отбрасывающими синие тени. Он удивился, что ураган так быстро стих, и подумал, что, должно быть, здесь прошла всего лишь северная граница урагана, пронесшегося над Бискайским заливом. Бискайский залив называли еще Вискайя, но теперь так называлась баскская провинция, расположенная вдали от побережья за Сан-Себастьяном. Горы, возвышавшиеся над крышами пограничного городка Ирун, находились в провинции Гипускоа, а дальше начиналась провинция Наварра, или Наварре. «Что мы здесь делаем? – подумал он. – Зачем ты бродишь по этому курортному городку, глаза на недавно посаженные магнолии и чертову мимозу, в надежде увидеть на псевдобаскских виллах табличку „Сдается“? Уж не так много ты работал утром, чтобы окончательно оглупеть, или, может, перебрал вчера? На самом деле ты вовсе не работал. А неплохо бы начать поскорее, потому что время уходит, а с ним уходишь и ты, и не успеешь оглянуться, как с тобой будет покончено. Может быть, уже. Ладно. Не заводись. По крайней мере

помни об этом». Он пошел дальше по городу, и восприятие его обострила злость и закалила испепеляющая красота дня.

Ветер с моря гулял по комнате, а он читал, опершись спиной на две подушки. Одну, сложенную пополам, он подложил под голову. После обеда клонило в сон, но ему не доставало ее, и он читал и ждал. Потом он услышал, как открылась дверь и она вошла в комнату, но не сразу узнал ее. Она стояла перед ним, скрестив руки под грудью на свитере, и дышала прерывисто, точно после бега.

– О нет, – сказала она. – Нет.

Она бросилась на постель и, спрятав голову на груди Дэвида, повторяла:

– Нет, нет! Пожалуйста, Дэвид. Неужели ты ничего не замечаешь?

Он прижал ее голову к своей груди и почувствовал, что волосы ее острижены совсем коротко и на ощупь напоминают грубый шелк. Она продолжала прижиматься к нему.

– Ты что наделала, дьяволенок?

Она подняла голову, посмотрела на него, поцеловала, потерлась губами о его губы и прижалась к нему всем телом.

– Сейчас расскажу, – сказала она. – Я так рада. Мне так повезло. Теперь у тебя совершенно новая девочка, можешь попробовать.

– Дай взглянуть.

– Подожди минутку.

Она вернулась и встала у постели так, что солнце из окна освещало ее. Она была без юбки, босиком, в одном только свитере и с ниткой жемчуга на загорелой шее.

– Смотри хорошенько, – сказала она. – Вот какая я стала.

Он окинул взглядом ее длинные, загорелые ноги, стройную фигуру, смуглое лицо и точеную рыжую головку, и она посмотрела ему в глаза и сказала:

– Спасибо.

– Как тебя угораздило?

– Можно, я расскажу все в постели?

– Только в двух словах.

– Нет. Не торопи. Дай рассказать. Впервые это пришло мне в голову еще по дороге сюда, где-то после Эксан-Прованс. Возможно, в Ниме, когда мы гуляли в саду. Но тогда я еще не знала, что из этого выйдет и как объяснить парикмахеру, чего я хочу. Позже я все обдумала и решилась.

Дэвид погладил ее по голове от затылка до лба.

– Ну дай рассказать, – сказала она. – Я знала, что в Биаррице бывают англичане, а значит, должны быть и хорошие парикмахеры. Приехав туда, я сразу же пошла в лучший салон и попросила парикмахера зачесать все волосы вперед. Они доставали до носа, и мне почти ничего не было видно, и тогда я попросила подрезать их, как у мальчишки, впервые идущего в колледж. Он спросил, в какой колледж, и я ответила: «Итон или Винчестер», – потому что других колледжей я просто не знаю, кроме, конечно, Регби, но такой стрижки, как в Регби, мне не нужно. «Какой все-таки колледж?» – спросил он. Я назвала Итон, только надо зачесать волосы вперед. Когда он закончил, я стала похожа на самую хорошенькую ученицу Итона, я заставила его снять еще, пока от Итона не осталось и следа. И тогда он процедил сквозь зубы, что это, мадемуазель, уже не итонская стрижка. А я сказала, что мне, месье, и не хотелось никакой итонской стрижки и что я просто-напросто не знала, как объяснить, что мне нужно, да к тому же я не мадемуазель, а мадам. И тут я заставила его укоротить их еще и еще, и получилось то ли прекрасно, то ли ужасно. Ты не против? Итонская стрижка лезла мне на глаза.

– Восхитительно.

– Жутко классическая голова, – сказала она. – А на ощупь, как шкурка зверька. Потрогай.

Он потрогал.

– Не беспокойся, я не буду выглядеть слишком строго, – сказала она. – Стоит мне только открыть рот. А теперь займемся любовью?

Она нагнула голову, он стянул с нее свитер и наклонился, чтобы расстегнуть застежку ожерелья.

– Нет. Оставь его.

Она легла на спину, плотно сжав загорелые ноги, так что голова лежала на простыне рядом с подушкой, и нитка жемчуга соскользнула с груди. Глаза она закрыла, а руки вытянула вдоль тела. Она действительно изменилась, даже губы стали какими-то другими. Стараясь сдерживать дыхание, она сказала:

– Начнем все с самого начала.

– Начало здесь?

– О да. Только скорее, скорее.

Ночью она лежала, свернувшись калачиком, нежно терлась головой о его грудь, потом легла повыше, обняла его, поцеловала в губы и сказала:

– Ты такой славный и послушный, когда, спишь, и ты все не просыпался и не просыпался. Как было хорошо. Ты был такой послушный. Ты думал, это сон? Не просыпайся. Я попробую заснуть, но если не смогу,

тогда держись. Твоя женщина не спит. Она позаботится о тебе. А ты спи и помни, что я здесь. Пожалуйста, спи.

Утром, когда он проснулся, его женщина была рядом, и он посмотрел на ее красивое тело, смуглые, как вощенное дерево, плечи и шею и рыжую головку, напоминавшую маленького зверька, и наклонился к ней и поцеловал в лоб, чувствуя губами ее волосы, а потом в глаза и очень нежно в губы.

– Я сплю.

– Я тоже спал.

– Знаю. Потрогай, как чудесно. Всю ночь мне было хорошо и непривычно.

– Ничего непривычного.

– Пусть будет, как ты хочешь. Мы так подходим друг другу. Давай поспим вместе.

– Хочешь спать?

– Только вместе.

– Попробую.

– Спишь?

– Нет.

– Пожалуйста, постарайся.

– Стараюсь.

– Тогда закрой глаза. Как же можно заснуть с открытыми глазами?

– Мне нравится смотреть на тебя по утрам. Утром все кажется новым и необычным.

– Правда, я здорово придумала?

– Не разговаривай.

– Это единственный способ продлить удовольствие. Мне хорошо. Ты догадался? Конечно, ты догадался. Послушай, послушай, послушай, как бьются наши сердца, как одно, только это имеет значение, а мы не в счет, это так чудесно и хорошо, так хорошо и чудесно...

Она вернулась в большую комнату, подошла к зеркалу и, критически глядя на себя, расчесала волосы.

– Давай позавтракаем в постели, – сказала она. Закажем шампанское, если это не слишком безнравственно? В баре было два хороших сорта – лансонское и «Перье-Жуэ». Можно, я позвоню?

– Да, – сказал он и пошел в душ. Перед тем как открыть кран, он услышал, как она говорит что-то по телефону.

Когда он вошел, она чинно сидела в постели, опершись спиной на две

аккуратно взбитые подушки, и еще две подушки лежали в изголовье кровати для него.

– Ничего, что я с мокрой головой?

– Она чуть влажная. Ты же вытерла волосы полотенцем.

– Хочешь, я укорочу их спереди еще? Я могу сделать это сама. Или ты поможешь.

– Мне больше нравилось, когда они закрывали тебе глаза.

– Может быть, они отрастут, – сказала она. – Кто знает? Глядишь, и нам наскучат классические формы. А сегодня будем на пляже весь день. Заберемся подальше и, когда все уйдут обедать, позагораем как следует, а потом, как проголодаемся, поедем в Сан-Жан в баскский бар. Но сначала на пляж. Нам это просто необходимо.

– Хорошо.

Дэвид пододвинул поближе стул и взял ее за руки. Она подняла на него глаза и сказала:

– Два дня назад я все поняла, а потом из-за абсента все перевернулось в голове.

– Знаю, – сказал Дэвид. – Ты не виновата.

– Но с этими газетными вырезками я обидела тебя.

– Нет, – сказал он. – Ты хотела, но у тебя не получилось.

– Прости меня, Дэвид. Пожалуйста, верь мне.

– Все мы не ангелы. Ты же не нарочно.

– Нет, – сказала она и покачала головой.

– Все хорошо, – сказал Дэвид. – Не плачь. Все хорошо.

– Я никогда не плачу, – сказала она. – Но не могу сдержаться.

– Я понимаю, и ты прекрасна, когда плачешь.

– Нет. Не говори так. Я раньше не плакала, да?

– Никогда.

– Ты не против, если мы проведем здесь еще два дня и позагораем? Мы ведь почти не купались, и будет глупо уехать отсюда и даже не искупаться. А куда поедем потом? Мы еще не решили? Придумаем вечером или завтра утром. Куда бы ты хотел?

– Нам везде будет хорошо, – сказал Дэвид.

– Может быть, так и сделаем.

– Мест хватит.

– Хорошо быть одним, правда? Я все упакую как следует.

– А что нам нужно? Сложить туалетные принадлежности и два рюкзака.

– Уедем утром, если хочешь. Я не хочу мешать тебе.

В дверь постучали.

– «Перье-Жуэ» не осталось, мадам, – сказал официант, – я принес лансонское.

Она перестала плакать, но Дэвид еще держал ее руки в своих.

– Я все понимаю, – сказал он.

Глава шестая

Утро они провели в музее «Прадо» и теперь сидели в прохладе старинного рестораника, в доме с толстыми каменными стенами. Вдоль стен стояли бочонки с вином. Столы были старинные, тяжелые, а стулья – истертые. Свет проникал через дверь. Официант принес два стакана лансанильского вина, привезенного из южных долин, что неподалеку от Кадиса, тонко нарезанный *jambon serrano*,⁸ для приготовления которого свиней откармливают желудями, ярко-красные острые колбаски и какие-то еще более острые, темного цвета, колбаски из городка Вик с анчоусами, чесноком, вымоченными в чесноке оливками и зеленью. Они съели все и запили легким вином с привкусом ореха.

На столе перед Кэтрин лежал учебник испанского языка в зеленой обложке, а перед Дэвидом – стопка утренних газет. День был жарким, но в старинном здании было прохладно.

– Вам подать *gazpacho*?⁹ – спросил официант и подлил им еще вина. Это был совсем пожилой человек.

– Думаете, сеньорите понравится?

– Проверьте, – мрачно сказал официант, точно речь шла о кобыле.

Блюдо подали в большой миске. Хрустящие кусочки огурца, помидоры, чесночный хлеб, зеленый и красный перец и лед плавали в приправленной перцем жидкости, похожей на смесь растительного масла с уксусом.

– Это же овощной суп, – сказала Кэтрин. – Как вкусно!

– Это *gazpacho*, – сказал официант.

Они выпили вальдепеньяесского вина, которое быстро пьянило после лансанильского, временно нейтрализованного *gazpacho*. Все вместе ударило в голову.

– Что это за вино? – спросила Кэтрин.

– Африканское, – сказал Дэвид.

– Недаром говорят, Африка начинается за Пиренеями, – сказала Кэтрин. – Помню, я поразилась, услышав это впервые.

– Сказать легко, – сказал Дэвид. – На самом деле все не так просто. Пей вино.

– Откуда же мне знать, где начинается Африка, если я никогда не была там? Все так и норовят тебя надуть.

– Не сомневайся. Африку видно сразу.

– Уж Страна-то Басков точно не похожа на Африку, во всяком случае, как я ее себе представляю.

– Астурия и Галисия тоже не похожи, но чем дальше от побережья, тем больше это напоминает Африку.

– А почему никто никогда не писал эту страну? – спросила Кэтрин. – На всех картинах только Эскориал на фоне гор.

– Вокруг сплошь одни горы, – сказал Дэвид. – Никто не хотел покупать картины Кастилии, такой, как ты ее видела. Здесь не было пейзажистов. А художники писали только то, что им заказывали.

– Кроме «Толедо» Эль Греко. Ужасно, такая прекрасная страна, и не нашлось хороших художников написать ее, – сказала Кэтрин.

– Возьмем что-нибудь после супа? – спросил Дэвид.

К ним подошел хозяин ресторанчика, грузный, с квадратным лицом, коротышка средних лет.

– Он хочет, чтобы мы взяли что-нибудь мясное.

– *Hay solomillio muy bueno*, [10](#) – настаивал хозяин.

– Нет, спасибо, – сказала Кэтрин. – Только салат.

– Ладно, хотя бы выпейте немного, – сказал хозяин и, открыв кран бочонка, стоявшего за стойкой бара, наполнил кувшин.

– Пожалуй, мне не надо пить, – сказала Кэтрин. – Прости, я так разболталась. Извини, если наговорила глупостей. Вот так всегда.

– Ты очень интересно рассуждаешь, особенно для такого жаркого дня. Вино развязало тебе язычок?

– Но совсем не так, как после абсента, – сказала Кэтрин. – Ничего опасного. Я начала новую, добропорядочную, жизнь и теперь читаю, стараюсь познать окружающий мир и поменьше думать о себе, и я попытаюсь так держать, но вряд ли нам следует оставаться в городе в такое время года. Может быть, уедем? По дороге я видела столько прекрасного и хотела бы все нарисовать, но я не рисую и никогда не умела. А еще не знаю, столько интересного я могла бы писать, но даже письма у меня толком не получаются. До приезда в эту страну я и не думала стать художницей или начать писать. А теперь меня точно гложет что-то, и я ничего не могу поделать.

– Пейзаж есть пейзаж. И делать с ним ничего не надо. И «Прадо» есть «Прадо», – сказал Дэвид.

– Существует только то, что мы видим, – сказала она. – И я не хочу, чтобы я умерла и все исчезло.

– Ты запомнишь каждую милю нашего пути. Желтую землю, и седые горы, и гонимую ветром соломенную сечку, и длинные ряды сосен вдоль

дороги. Ты запомнишь все, что видела и что чувствовала, и все это твое. Разве ты не запомнила Ле-Гро-дю-Руа или Эг-Морт и долину Камарг, которую мы исколесили на велосипедах? Все это останется.

– А что будет, когда я умру?

– Тогда не будет тебя.

– Но я не хочу умирать.

– Тогда живи, пока живется. Смотри, слушай и запоминай.

– А если не смогу запомнить?

Он говорил о смерти так, словно она ничего не меняла. Женщина выпила вино и посмотрела на толстые стены с зарешеченными окошками, выходившими на узкую улочку, где никогда не было солнца. А в открытую дверь видна была сводчатая галерея и яркий солнечный свет на стертых булыжниках площади.

– Опасно выходить за пределы своего мирка, – сказала Кэтрин. – Пожалуй, я вернусь в свой, наш мирок, который я выдумала. Я хочу сказать, мы выдумали. Я там пользовалась большим успехом. Прошло всего четыре недели. Вдруг мне опять повезет? Принесли салат, и теперь они не видели ничего, кроме зелени на темном столе да солнца на площади за сводчатой галереей.

– Тебе полегче? – спросил Дэвид.

– Да, – сказала она. – Я так много думала о себе, что снова стала несносной, как художник, у которого в голове только собственный портрет. Это было ужасно. Теперь мне лучше. Надеюсь, все будет хорошо.

Прошел сильный дождь, и жара спала. В затененной жалюзи просторной комнате отеля «Палас» было прохладно. Они вместе легли в глубокую ванну, а потом повернули кран, и стремительный поток воды со всей силой обрушился на их тела. Они растерли друг друга большими полотенцами и забрались в постель. Свежий ветер с моря проникал через ставни и ласкал их тела. Кэтрин лежала, подперев голову руками.

– А что, если мне снова превратиться в мальчика? Это не очень неприятно?

– Ты нравишься мне такая, как есть.

– Так заманчиво. Но наверное, в Испании следует быть осторожнее. Это такая строгая страна.

– Оставайся сама собой.

– А почему у тебя голос меняется, когда ты говоришь мне это? Пожалуй, я решусь.

– Нет. Не теперь.

– Спасибо и на этом. Тогда буду любить тебя как женщина, а уж потом...

– Ты – женщина. Женщина. Моя любимая девочка, Кэтрин.

– Да, я – твоя женщина, и я люблю тебя, люблю, люблю.

– Молчи.

– Не буду. Я – твоя Кэтрин, и я люблю тебя, ну пожалуйста, я люблю тебя всегда, всегда...

– Тебе незачем повторять это. Я сам вижу.

– Мне нравится говорить, и я должна и буду говорить. Я всегда была чудной и послушной девочкой и буду такой. Обязательно буду.

– Можешь не повторять.

– А я буду. Я говорю и говорила, и ты сам говорил. А теперь, пожалуйста. Ну пожалуйста.

Они лежали неподвижно, и она сказала:

– Я так люблю тебя, и ты такой замечательный муж.

– Не может быть!

– Я тебе понравилась?

– А ты как думаешь?

– Думаю, да.

– Очень.

– Раз обещала, то буду стараться. А теперь, можно, я снова стану мальчиком?

– Зачем?

– Ну чуть-чуть.

– Не понимаю.

– Все было чудесно, и мне хорошо, но ночью я хотела бы еще раз попробовать, если ты не против. Ну можно? Только если ты не против?

– Мне-то что?

– Значит, можно?

– Тебе очень хочется?

Он не спросил, нужно ли ей это, и все же она сказала:

– Не то чтобы мне это было нужно, но, пожалуйста, если можно, ладно?

– Ладно. – Он обнял ее и поцеловал.

– Кроме нас, никто не догадается, кто я. Мальчиком я буду только по ночам, и тебе не придется краснеть за меня. Можешь не волноваться.

– Ладно, малыш.

– Я соврала, что мне это не нужно. Сегодня на меня нашло так неожиданно.

Он закрыл глаза и старался ни о чем не думать, но ощущение потери не оставляло его.

– А сейчас давай поменяемся. Ну же. Теперь твоя очередь меняться. Не заставляй меня делать это за тебя. Ну? Хорошо, я сама. Вот теперь ты другой, да? Ты сам этого хотел. Да? Ты сам. Ты тоже хотел. Да? Я заставила, но ведь и ты... Да, да, ты сам. Ты моя сладкая нежная Кэтрин. Ты моя девочка, моя любимая, единственная девочка. О, спасибо тебе, моя Кэтрин...

Она долго лежала рядом, и он решил, что она заснула. Потом она медленно поднялась на локтях и сказала:

– На завтра я приготовила себе дивный сюрприз. Утром пойду в «Прадо» и посмотрю все картины глазами мальчика.

– Сдаюсь, – сказал Дэвид.

Глава седьмая

Утром он встал, пока она еще спала, и вышел из отеля, вдыхая прозрачный, по-утреннему свежий воздух высокогорного плато. Он прошел вверх по улице до площади Санта-Ана, позавтракал в кафе и прочел местные газеты. Кэтрин собиралась в «Прадо» к десяти, когда музей открывался, поэтому, уходя, он поставил будильник на девять часов. На улице, поднимаясь в гору, он представлял ее себе спящей – красивая взъерошенная головка, похожая на фоне белой постели на старинную монету, подушка отброшена в сторону, и простыня плотно облегает тело. «Это длилось месяц, – подумал он, – или около того. Еще в Ле-Гро-дю-Руа, а потом месяца два до Андайе все было нормально. Нет, меньше, она стала думать об этом уже в Ниме. Двух месяцев еще не прошло. Мы женаты три месяца и две недели. Надеюсь, она была счастлива со мной. Но в ее причудах я ей не помощник. Хватит того, что я ничего ей не запрещаю. Ничего страшного не произошло. Но на этот раз она сама заговорила об этом. Сама».

Прочитав газеты, он расплатился и вышел. Ветер изменился, и на плато снова опустилась жара. Он добрался до банка, погруженного в уныло-учтивую прохладу, и забрал присланную из Парижа почту.

Он вскрыл конверты и, пока стоял у бесчисленных окошек в ожидании завершения бесконечных формальностей, необходимых для получения денег по чеку, который переслали сюда из его банка, стал читать письма.

Наконец, застегнув на пуговицу набитый банкнотами карман куртки, он снова вышел на солнцепек и остановился у киоска купить английские и американские газеты, доставленные утром южным экспрессом. Он купил несколько посвященных бою быков еженедельников, завернул в них английские газеты и пошел вниз по Каррера-Сан-Херонимо в приветливый, прохладный полумрак ресторанчика «Буффе итальянос». Ресторан был пуст, и он вспомнил, что не договорился с Кэтрин о встрече.

– Что будете пить? – спросил официант.

– Пиво.

– У нас не пивной бар.

– А разве пива нет?

– Есть. Но здесь не пивной бар.

– Иди ты... – сказал он, свернул свои газеты, вышел, перешел на другую сторону улицы и немного погодя свернул налево, на калье

Витториа к бару «Червецериа Альварес». Он сел под навесом у входа и выпил большую кружку холодного отцеженного пива.

«Официант, должно быть, просто хотел поговорить, – подумал он, – и в конце концов он прав. Там действительно не пивной бар. Только это он и имел в виду. Он вовсе не грубиян. Жаль, у меня сорвалось. Он даже не нашелся что ответить. Зря я так». Он выпил вторую кружку и подозвал официанта, чтобы расплатиться.

– Y la senora?¹¹ – спросил официант.

– Она в музее «Прадо». Пойду ее встречу.

– Тогда заплатите, когда вернетесь, – сказал официант.

К отелю он пошел коротким путем. Ключ был у портье. Дэвид поднялся на этаж, оставил газеты и почту и запер большую часть денег в чемодан. В номере уже убрали. Из-за жары жалюзи были опущены, и в комнате стоял полумрак. Он умылся, разложил почту, отобрал четыре письма и положил их в задний карман брюк. Он прихватил с собой в бар парижские издания «Нью-Йорк геральд», «Чикаго трибюн» и «Лондон дейли мейл», оставил ключ у портье и попросил его, когда вернется мадам, передать, что он в гостиничном баре.

В баре он сел у стойки, заказал марисменьяссского вина и, читая письма, стал есть поданные с вином, вымоченные в чесночном соусе оливки. В одном из конвертов были две вырезки из ежемесячных журналов с рецензиями на его книгу, и он прочел их без интереса, словно написаны они были не о нем и не о его книге.

Он спрятал вырезки в конверт. Рецензии были хорошие, толковые, но он не придавал им значения. Письмо от издателя он прочел с таким же безразличием. Книга расходилась хорошо, и издатель надеялся, что покупать ее будут еще до самой осени, хотя, кто знает... Конечно же, поскольку она получила необыкновенно хорошую прессу, теперь путь для следующей книги свободен. Как хорошо, что это уже вторая, а не первая его книга. Прискорбно, как часто первые книги американских писателей оказывались их последними хорошими книгами. Но как писал издатель, его вторая книга даже превзошла все, что было обещано в первой.

В Нью-Йорке стояло необычное лето, холодное и дождливое. «О Боже, – подумал Дэвид, – черт с ним, с нью-йоркским летом, к дьяволу этого высокомерного недоноска Кулиджа в накрахмаленном „ошейнике“. Пусть себе ловит рыбу в рыбном инкубатории на „Черных холмах“, отнятых нами у племен сиу и чейены. К черту всех этих накачавшихся самогоном писателей, у которых только и забот, что узнать, танцует ли их малышка чарльстон. К черту обещания, которые он сдержал. Какие

обещания? Кому? Журналу „Дайел“, „Букмен“, „Нью-рипаблик“? Сейчас я покажу вам обещанное, и уж это-то я точно выполню. Дерьмо».

– Привет, молодой человек, – сказал чей-то голос. Отчего у тебя такой негодующий вид?

– Здравствуйте, полковник, – сказал Дэвид и вдруг ощутил прилив радости. – Что вы здесь, черт побери, делаете?

У полковника были голубые глаза, рыжеватые волосы и загорелое лицо, такое, точно выбившийся из сил скульптор высек его из кремня, сломав при этом свой резец. Он взял стакан Дэвида и попробовал вино.

– Принесите такую же бутылку на тот стол, – сказал он бармену. – Вино должно быть холодным, но не замороженным. Принесите сразу.

– Да, сэр, – сказал бармен. – Слушаюсь, сэр.

– Пойдем, – сказал полковник, приглашая Дэвида за столик в углу зала. – Ты отлично выглядишь.

– Вы тоже.

На полковнике Джоне Бойле был темно-синий костюм, сшитый из плотной на вид, но легкой ткани, голубая рубашка и черный галстук.

– Я всегда в порядке, – сказал он. – Тебе нужна работа?

– Нет, – сказал Дэвид.

– Так уж сразу и нет. Даже не спрашиваешь, что за работа. – Голос его звучал так, словно у него пересохло в горле.

Принесли вино, официант наполнил два стакана и поставил блюдце с вымоченными в чесночном соусе оливками и фундуком.

– А где анчоусы? – спросил полковник. – Что это за *fonda*[12](#)?

Бармен улыбнулся и пошел за анчоусами.

– Прекрасное вино, – сказал полковник. – Первоклассное. Я всегда верил, что когда-нибудь и у тебя будет хороший вкус. Итак, почему же тебе не нужна работа? Книгу ты уже закончил.

– У меня медовый месяц.

– Глупое выражение, – сказал полковник. – Мне не по душе. Звучит как-то слащаво. Почему не сказать: «Я недавно женился»? Впрочем, разницы никакой. Все равно проку от тебя теперь не будет.

– Что за работа?

– Без толку рассказывать. На ком женился? Я ее знаю?

– Кэтрин Хилл.

– Я знал ее отца. Очень странный малый. Угробил себя в автокатастрофе. Жену тоже.

– Я их не знал.

– Ты не был с ним знаком?

– Нет.

– Странно. Впрочем, понятно. Тесть он все равно никакой. Мать, говорят, была одинока с ним. Глупо. Взрослые люди, и так погибнуть. Где ты с ней познакомился?

– В Париже.

– У нее там дядька, тоже бестолковый. Полное ничтожество. Ты с ним знаком?

– Видел на скачках.

– В «Лоншане» или «Отее»? Как тебя угораздило?

– Я женился не на родственниках.

– Конечно, нет. Но так уж получается. Женятся и на родственниках, живых и мертвых.

– Не на дядях и тетях.

– Да ладно. Получай удовольствие. А знаешь, книга мне понравилась. Покупают хорошо?

– Очень хорошо.

– Она меня задела за живое, – сказал полковник. – А ты не так-то прост, сукин сын.

– Как и вы, Джон.

– Надеюсь, – сказал полковник.

Дэвид заметил в дверях Кэтрин и поднялся. Она подошла к ним, и Дэвид сказал:

– Это полковник Бойл.

– Как поживаете, моя милая?

Кэтрин взглянула на него, улыбнулась и села за стол. Дэвиду показалось, что она возбуждена.

– Ты устала? – спросил Дэвид.

– Кажется.

– Выпейте стаканчик вина, – сказал полковник.

– Можно я выпью абсент?

– Конечно, – сказал Дэвид. – Я тоже.

– Мне не нужно, – сказал полковник бармену. – В этой бутылке вино уже не то. Поставьте ее охлаждаться, а мне налейте стакан из холодной бутылки.

– Вам нравится чистый перно? – спросил он Кэтрин.

– Да, – ответила она. – Я очень стеснительна, а перно помогает.

– Чудесный напиток, – сказал полковник. – Я бы присоединился к вам, но мне еще работать после обеда.

– Прости, я забыл сказать тебе, где мы встретимся.

- Очень мило.
- Я был в банке, взял почту. Там много писем тебе. Я оставил их в номере.
- Мне нет до них дела.
- Я видел вас в «Прадо» в греческом зале, – сказал полковник.
- Я тоже вас видела, – сказала она. – Вы всегда смотрите на картины так, точно они принадлежат вам и вы прикидываете, как их лучше повесить.
- Возможно, – сказал полковник. – А вы смотрите на картины глазами молодого вождя воинственного племени, удравшего от старейшин, чтобы полюбоваться скульптурой Леды с Лебедем?
- Загорелые щеки Кэтрин вспыхнули, и она взглянула на Дэвида, а потом на полковника.
- Вы мне нравитесь, – сказала она. – Расскажите еще что-нибудь.
- И вы мне, – сказал он. – Я завидую Дэвиду. Неужели кроме него вам никто не нужен?
- А как вы думаете?
- Я сужу только о том, что вижу, – сказал полковник. – А теперь выпейте-ка еще этой горькой, как полынь, настойки истины.
- Сейчас не хочу.
- Больше не стесняетесь? Все равно выпейте. Вам на пользу. Вы самая темнокожая из белых женщин. Правда, ваш отец был очень смуглым.
- Должно быть, я в него. Мама была белокурая.
- Я не знал ее.
- А отца вы хорошо знали?
- Пожалуй.
- Каким он был?
- Очень неуживчивый, но обаятельный человек. Вы правда стесняетесь?
- Правда. Спросите Дэвида.
- Вы очень быстро справляетесь с этим.
- С вашей помощью. Каким был мой отец?
- Необыкновенно стеснительным, но мог быть и очень обаятельным.
- Ему тоже нужен был перно?
- Ему все было нужно.
- Я похожа на него?
- Нисколько.
- Это хорошо. А Дэвид?
- Нисколько.

– Еще лучше. Как вы догадались, что в «Прадо» я чувствовала себя мальчиком?

– А почему бы вам не быть им?

– Я вошла в роль только вчера вечером. Почти целый месяц я была женщиной. Спросите Дэвида.

– Вам незачем отсылать меня к Дэvidу. Кто же вы теперь?

– Мальчик, если не возражаете.

– Мне-то что. Только это не так.

– Просто хочу, чтобы так думали, – сказала она. – А быть им не обязательно. Но в «Прадо» было замечательно. Вот мне и захотелось рассказать об этом Дэvidу.

– У вас еще будет время поболтать с Дэvidом.

– Да, – сказала она. – У нас на все хватает времени.

– Где вы так загорели? – спросил полковник. – Знаете, какая вы черная?

– Еще в Ле-Гро-дю-Руа, а потом недалеко от Ла-Напуль. Там была бухточка, к которой вела скрытая соснами тропинка. С дороги ее не видно.

– Долго загорали?

– Месяца три.

– И что теперь будете делать с таким загаром?

– Носить его, – сказала она. – Прекрасно смотрится в постели.

– Тогда не стоит терять время в городе.

– Пойти в «Прадо» не значит терять время. И потом, я вовсе не прикидываюсь. Я такая и есть. У меня действительно очень смуглая кожа. Солнце только помогает. Мне бы еще потемнеть.

– Ну, вы своего добьетесь, – сказал полковник. – А еще чего хотите?

– Просто жить, – сказала она. – С нетерпением жду каждого дня.

– А сегодня день удался?

– Да. Конечно. В нем были вы.

– Вы с Дэvidом пообедаете со мной?

– С удовольствием, – сказала Кэтрин. – Я поднимусь переодеться. Вы подождете?

– Может, допьешь? – сказал Дэвид.

– Мне теперь ни к чему, – сказала Кэтрин. – Не беспокойся за меня. Я не буду стесняться.

Она пошла к выходу, и они оба посмотрели ей вслед.

– Я был не слишком груб? – спросил полковник. – Надеюсь, нет. Очень славная девочка.

– Хочется верить, что я ей подхожу.

- Подходишь. Сам-то ты как?
- По-моему, хорошо.
- Ты счастлив?
- Очень.
- Помни, все хорошо, пока не становится плохо. Сам почувствуешь, когда будет плохо.
- Думаете?
- Уверен. А не почувствуешь, значит, так и надо. Тогда все едино.
- И как скоро это случится?
- Я ничего не говорил о сроках. Что это ты?
- Простите.
- Ты сам этого хотел. Так наслаждайся жизнью.
- Мы наслаждаемся.
- То-то я вижу. Одно тебе скажу.
- Что?
- Смотри за ней как следует.
- И это все?
- Кое-что добавлю. Потомство не заводи.
- Пока не намечается.
- Великодушнее будет обойтись без него.
- Великодушнее?
- Лучше.

Они еще немного поговорили о знакомых, и полковник очень распался. Дэвид увидел в дверях Кэтрин в белом костюме из плотной ткани, который еще больше подчеркивал ее загар.

– Вы и вправду необыкновенно красивы, – сказал полковник, обращаясь к Кэтрин. – И все же постарайтесь загореть еще.

– Спасибо. Постараюсь, – сказала она. – Нам незачем идти куда-то в такую жару, правда? Посидим здесь, в прохладе? Можем поесть тут в гриль-баре.

– Я приглашаю на обед, – сказал полковник.

– Нет. Мы приглашаем вас.

Дэвид неуверенно поднялся. В баре теперь было больше посетителей. Взглянув на стол, он заметил, что выпил не только свой абсент, но и Кэтрин. Он совершенно не помнил, как это случилось.

Было время сиесты. Они лежали в постели, и Дэвид читал при свете, проникавшем в комнату с левой стороны через приподнятые на треть высоты жалюзи. Свет попадал в комнату, отражаясь от дома на противоположной стороне улицы. Жалюзи были подняты невысоко, так

что неба видно не было.

– Полковнику понравился мой загар, – сказала Кэтрин. – Пора снова ехать к морю. А то загар начнет сходиться.

– Поедем куда ты захочешь.

– Вот будет хорошо! Можно, я скажу тебе что-то? Ну можно?

– Что?

– Знаешь, за обедом я по-прежнему оставалась мальчишкой. Я хорошо себя вела?

– Нет.

– Нет? Тебе не нравится? Зато теперь я – твой слуга и готова исполнить все, что пожелаешь.

Дэвид продолжал читать.

– Ты сердишься?

– Нет. – «Я просто отрезвел», – подумал он.

– Все стало проще.

– Не думаю.

– Что ж, буду осторожнее. Сегодня утром все, что я ни делала, казалось мне таким правильным и удачным, таким чистым, хорошим и ясным, как день. А теперь можно?

– Лучше не надо.

– Дай я поцелую тебя, и рискнем?

– Только без превращений.

Грудь болела, точно его пронзили железным прутком.

– Зря ты открылась полковнику.

– Но он сам догадался, Дэвид, и сам заговорил об этом. Он все понимает. Глупо было скрывать. Так даже лучше. Он ведь нам друг. Раз я сама все сказала, он будет молчать. А так он мог бы и проболтаться.

– Нельзя же всем все доверять.

– Мне нет дела до всех. Я люблю только тебя. С другими я бы ни за что не стала ссориться.

– У меня такое ощущение, будто мне грудь заковали в колодки.

– Жаль. А мне так легко дышится.

– Моя милая Кэтрин.

– Вот и хорошо. Можешь звать меня Кэтрин, когда захочешь. Я и так твоя. Стоит тебе захотеть, и твоя Кэтрин всегда рядом. А сейчас давай поспим или, может, попробуем еще разок и посмотрим, что получится.

– Давай лучше полежим тихонечко без света, – сказал Дэвид и опустил плетеный абажур, и они затаились рядышком в постели в просторном номере отеля «Палас» в Мадриде – городе, в котором Кэтрин,

превратившись в мальчика, средь бела дня разгуливала по музею «Прадо», и вот теперь, в полумраке, она продемонстрирует все, что до сих пор оставалось в тени, и превращениям ее, как казалось Дэвиду, не будет конца.

Глава восьмая

Утром в Бюан-Ретиро было прохладно, как в лесу. Все было зелено, и стволы деревьев чернели на фоне листвы, но расстояния казались не такими, как прежде. Озеро было совсем в другом месте, и когда они увидели его из-за деревьев, оно показалось им совершенно незнакомым.

– Иди вперед, – сказала она. – Я хочу на тебя посмотреть.

Он свернул в сторону, пошел туда, где была скамейка, и сел. Вдалеке виднелось озеро, и он знал, что добраться до него пешком нелегко. Он все еще сидел на скамейке, когда она подошла к нему, села рядом и сказала:

– Все хорошо.

Но охватившее его здесь, в Ретиро, чувство досады стало таким жгучим, что он попросил Кэтрин встретиться с ним попозже в кафе гостиницы «Палас».

– Ты хорошо себя чувствуешь? Хочешь, я пойду с тобой?

– Нет. Со мной все в порядке. Мне просто нужно уйти.

– Увидимся в кафе, – сказала она.

В то утро она выглядела особенно красивой и улыбнулась ему. Улыбнувшись в ответ, он ушел, унося с собой свою досаду. Он не надеялся, что сможет пересилить себя, но это ему удалось, и позже, когда пришла Кэтрин, он уже допивал второй стакан абсента, и досады как не бывало.

– Как дела, дьяволенок?

– Я – твой дьяволенок, – сказала она. – Можно мне тоже выпить?

Официант отошел. Похоже, он был рад видеть Кэтрин такой счастливой. Она спросила:

– Что это значит?

– Было скверно на душе, а теперь все прошло.

– Тебе плохо со мной?

– Нет, – солгал он.

Она покачала головой.

– Прости. Я не думала, что тебе будет так плохо.

– Все прошло.

– Вот и хорошо. Не правда ли, здесь чудно летом и народу совсем нет? У меня идея.

– Опять?

– Мы можем остаться и не ехать к морю. Здесь теперь все наше. И

город, и все вокруг. Можем остаться, а потом ехать назад, прямо в Ла-Напуль.

– У нас не так уж много вариантов.

– Перестань. Мы только начали.

– Да... Всегда можно начать все сначала.

– Конечно, можно, так мы и сделаем.

– Давай не будем об этом, – сказал он.

Он почувствовал, как снова подступает досада, и сделал большой глоток.

– Очень странно, – сказал он. – Этот напиток имеет вкус досады. Неподдельный вкус досады, а хлебнешь – и она исчезает.

– Мне не нравится твое настроение. Это не для нас.

– Возможно, дело только во мне.

– Не раскисай.

Она тоже отпила из бокала, посмотрела по сторонам и сказала:

– Я все могу. Смотри внимательно. Сейчас, сидя в открытом кафе отеля «Палас» в Мадриде, ты видишь и «Прадо», и улицу, и дождеватели под деревьями, и это не мираж. Это грубая действительность. Но я умею превращаться. Вот, смотри. Перед тобой снова губы твоей любимой и все, что тебе так нравится. Правда, получилось? Скажи.

– Зачем ты это?

– Тебе нравится, что я – женщина, – сказала она очень серьезно, а потом улыбнулась.

– Да.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Прекрасно, что хоть кому-то это нравится. Ведь это дьявольски скучно.

– Не заставляй себя.

– Ты разве не слышал, что я сказала? Разве не видел? Ты хочешь, чтобы я вывернулась наизнанку, раздвоилась, и все потому, что ты никак не определишься? Потому что я не нравлюсь тебе ни так, ни этак?

– Пожалуйста, убавь тон.

– Это почему же? Тебе же нравится, что я – женщина? Значит, должно нравиться и все остальное. Сцены, истерики, пустые обвинения, капризы, разве не так? Ладно, я успокоюсь. Чтобы ты не чувствовал себя неловко перед официантом. И чтобы официант не чувствовал себя неловко. Буду читать эти проклятые письма. Нельзя ли кого-нибудь послать за ними?

– Я принесу.

– Нет. Мне нельзя оставаться здесь одной.

– Тоже верно, – сказал он.

- Вот видишь? Поэтому я и прошу кого-нибудь послать за ними.
- Botones [13](#) не дадут ключа от комнаты. Я пойду сам.
- Ну хватит, – сказала Кэтрин. – С меня довольно. Зачем мне все это? Нелепо и недостойно. Вышло так глупо, что я даже не хочу просить прощения. К тому же мне все равно нужно подняться в номер.
- Сейчас?
- Ведь я – женщина, черт возьми. Я думала, раз я – женщина и остаюсь ею, то по крайней мере могу иметь ребенка. Так нет...
- Наверное, это я виноват.
- Давай не будем искать виноватых. Ты посиди, а я принесу письма. Займемся почтой, как подобает жеманным, добропорядочным, разумным американским туристам, которые расстроились, приехав в Мадрид не в сезон.
- За обедом Кэтрин сказала:
 - Вернемся в Ла-Напуль. Там сейчас пусто, мы заживем тихо и славно, будем работать и заботиться друг о друге. Можем поехать в Экс, туда, где жил Сезанн. Мы там побыли так недолго.
 - И чудесно проведем время.
 - Тебе ведь пора снова начать работать?
 - Да. Самое время. Это точно.
 - Все будет хорошо, и я выучу испанский по-настоящему, на случай если вернемся. И мне так много надо прочесть.
 - Дел хватает.
 - Мы все успеем.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава девятая

Новый план просуществовал немногим более месяца. Они занимали три комнаты в конце невысокого, выкрашенного в розовый цвет типично прованского дома, в котором уже останавливались раньше. Дом стоял в сосновом бору на окраине Ла-Напуль. Окна выходили на море, и из расположенного перед домом сада, где они обедали, сидя под деревьями, видны были пустые пляжи, высокие заросли папируса вдоль дельты небольшой реки, а по другую сторону залива – белый изгиб Канна, за которым виднелись холмы и далекие горы. Летом в доме, кроме них, никто не останавливался, и хозяин с женой были рады их возвращению.

Спальня помещалась в просторной угловой комнате. Окна выходили на три стороны, и в то лето здесь было прохладно. По ночам до них доносился запах сосен и моря. Дэвид работал в комнате, расположенной в самом конце дома. Он начинал рано, а когда заканчивал, шел к Кэтрин, и они отправлялись загорать и плавать в закрытую бухту в скалах. Иногда Кэтрин уезжала в город на машине, и, закончив работать, он брал себе что-нибудь выпить и ждал ее на террасе. После абсента пить аперитив было совершенно невозможно, и он перешел на виски с содовой.

Это радовало хозяина, который с приездом Бернов неплохо оборачивался в мертвый летний сезон. Повара он не нанимал: готовила его жена. Одна горничная прибирала в комнатах, а учившийся на официанта племянник прислуживал за столом.

Кэтрин нравилось водить малолитражку, и она ездила за покупками в Канны и Ниццу. Большие, торгующие в зимнее время магазины были закрыты, но она отыскивала немислимые яства и отличные крепкие напитки, а также открывала места, где можно было покупать книги и журналы.

Четыре дня Дэвид усердно работал. После полудня они загорали на песчаном берегу новой, открытой ими бухты, плавали до изнеможения, а домой возвращались вечером, и соль, высыхая, покрывала их спины и волосы, и они заказывали что-нибудь выпить, принимали душ и переодевались.

В постели их обдувал ветер с моря. Было прохладно, и они лежали в

темноте под одной простыней, прижавшись друг к другу, и Кэтрин сказала:

– Я хочу тебе кое-что сообщить.

– Знаю.

Она наклонилась над ним, взяла его голову в ладони и поцеловала.

– Мне так хочется. Можно? Правда?

– Конечно.

– Я так рада. У меня столько планов, – сказала она. – На этот раз ничего плохого и сумасбродного.

– Что же это за планы?

– Могу рассказать, но лучше показать. Мы сделаем это завтра же. Ты поедешь со мной?

– Куда?

– В Канны, туда, где я была в прошлый наш приезд. Он очень хороший парикмахер. Мы подружились, и он даже лучше, чем тот, в Биаррице. Он сразу все понял.

– Что ты там делала?

– Зашла к нему сегодня утром, пока ты работал, объяснила, что мне нужно, он все понял и считает, что мне пойдет. Я сказала, что еще не решила окончательно, но если решу, то постараюсь уговорить постричься и тебя.

– Это как?

– Увидишь. Пойдем вместе. У нас будут короткие волосы, чуть-чуть зачесанные назад и набок. Ему не терпится постричь нас. Должно быть, потому, что ему безумно нравится «бугатти». Ты боишься?

– Нет.

– Мне просто не терпится. По правде говоря, он предлагает слегка подсветлить волосы, но мы боялись, ты не согласишься.

– Они и так посветлели от солнца и морской воды.

– У него получится лучше. Он говорит, что может сделать нас белокурыми, как скандинавы. Представь себе, как будет красиво на фоне загара. Твои тоже можно подсветлить.

– Нет. Я буду чувствовать себя неловко.

– Какая разница, все равно тебя здесь никто не знает. Так или иначе, они выгорят за лето. – Он промолчал, и она сказала: – Ты можешь не красить. Покрашусь я, и, может быть, тебе тоже захочется. Посмотрим.

– Не фантазируй, дьяволенок. Завтра я встану пораньше и буду работать, а ты спи сколько хочешь.

– Тогда пиши и для меня, – сказала она. – Не важно, даже если я вела себя плохо. Напиши о том, как сильно я тебя люблю.

– Я почти написал.
– Сможешь опубликовать, или все так плохо?
– Я только попробовал описать все, что с нами было.
– Я смогу прочесть?
– Если получится.
– Я уже счастлива, и мы не дадим ни одного экземпляра ни на продажу, ни критикам, и тогда не будет газетных вырезок, и ты не станешь задаваться, и это останется навсегда только для нас.

Дэвид Берн проснулся, когда уже рассвело, надел шорты и рубашку и вышел из комнаты. Ветер с моря стих. Море было спокойно, и в воздухе пахло росой и соснами. Он прошел босиком по каменным плиткам террасы в дальнюю комнату и сел за рабочий стол. На ночь окна не закрывали, и с прохладой в комнату проникло ощущение надежды, какое бывает только ранним утром.

Он писал о том, как они ехали из Мадрида в Сарагосу, и дорога то поднималась вверх, то падала вниз, а когда они на скорости мчались по красным холмам, Кэтрин поравнялась с экспрессом и легко обошла его, минуя вагон за вагоном, тендер машиниста, кочегара и, наконец, носовую часть паровоза, а потом дорога свернула влево, и Кэтрин переключила скорость, но поезд скрылся в туннель.

– Я обогнала его, – сказала Кэтрин. – Но он спрятался под землю. Я смогу еще догнать поезд?

Он посмотрел на карту и сказал:

– Не скоро.

– Тогда пусть себе едет, а мы полюбуемся природой.

Дорога стала подниматься, появились тополя, росшие по берегу реки, дорога пошла совсем круто вверх, и он почувствовал, как напряглась машина, а когда подъемы кончились, Кэтрин снова с облегчением переключила скорость.

Позже, услышав в саду ее голос, он перестал работать. Он закрыл чемодан с исписанными тетрадями и вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Горничная, убирая комнаты, воспользуется запасным ключом. Кэтрин завтракала, сидя на террасе. Стол был накрыт скатертью в красную и белую клетку. На Кэтрин были купленная в Ле-Гро-дю-Руа свежевystиранная, севшая и сильно выцветшая полосатая блуза, новые брюки из серой фланели и эспадрильи.

– Привет, – сказала она. – Я не могла дольше спать.

– Ты чудесно выглядишь.

– Спасибо. Я и чувствую себя чудесно.
– Где ты взяла эти брюки?
– Заказала в Ницце. У хорошего портного. Тебе нравятся?
– Прекрасно сшиты. Но выглядят необычно. Ты поедешь в них в город?

– Во-первых, не в город, а всего лишь в Канны, да еще не в сезон. На следующий год все будут так ходить. Уже сейчас они носят такие же блузы, как у нас. Юбка сюда не подходит. Ты ведь не против, правда?

– Конечно, нет. Вполне хорошие брюки. Просто вид у них чересчур отутюженный.

После завтрака, пока Дэвид брился и принимал душ, надевал поношенные спортивные брюки, рыбацкую блузу и искал свои эспадрильи, Кэтрин переделалась в голубую полотняную рубашку с открытым воротом и плотную белую полотняную юбку.

– Так мы выглядим лучше. Брюки вполне годятся для этих мест, но для такого утра они слишком шикарны. Мы их побережем.

Парикмахер, месье Жан, встретил их по-приятельски, но слишком деловито. Он был примерно одного возраста с Дэвидом и больше походил на итальянца, чем на француза. Усаживая Кэтрин в кресло, месье Жан сказал:

– Я постригу ее так, как она просит. Вы не возражаете, месье?

– У вас своя компания, – сказал Дэвид. – Я в ваши дела не вмешиваюсь.

– Может, лучше было бы начать с месье? – сказал парикмахер. – А вдруг у нас не получится?

Но он уже начал осторожно и очень мастерски стричь Кэтрин, и Дэвид внимательно смотрел на ее загорелое посерьезневшее лицо, оттененное плотно завязанной на шее накидкой. Она следила в ручное зеркальце за бегающими вверх-вниз расческой и ножницами. Мастер работал точно скульптор, сосредоточенно и серьезно.

– Я думал о вас весь вечер и утро, – сказал парикмахер. – Я понимаю, вы можете мне не поверить, месье. Но для меня это так же важно, как для вас ваше ремесло.

Он отступил назад, чтобы посмотреть на творение своих рук. Потом еще яростнее заработал ножницами и наконец повернул кресло так, чтобы большое зеркало отражалось в ручном зеркальце Кэтрин.

– Оставим за ушами, как сейчас? – спросила она парикмахера.

– Как хотите. Могу, если пожелаете, сделать более *degagé*¹⁴. Но раз

вы решили стать блондинкой, то так будет лучше.

– Хочу быть блондинкой, – сказала Кэтрин.

Он улыбнулся.

– Мы с мадам уже обсуждали это. Но я сказал, что последнее слово за месье.

– Месье уже сказал свое слово, – сказала Кэтрин.

– Месье хочет, чтобы мадам стала совсем светлой?

– Если сумеете, чем светлее, тем лучше, – сказала Кэтрин.

– Ну зачем вы так, – сказал месье Жан. – Вы должны объяснить мне.

– Цвета моего жемчуга, – сказала Кэтрин... – Вы же видели его не раз.

Дэвид подошел ближе, посмотреть, как месье Жан размешивает деревянной ложкой шампунь в большом стакане.

– Мой шампунь делается на кастильском мыле, – сказал парикмахер. – Он дает теплый оттенок. Пожалуйста, подойдите к раковине. Наклонитесь вперед, – сказал он Кэтрин, – и закройте лоб этой салфеткой.

– Но это же вовсе не стрижка под мальчика, – сказала Кэтрин. – Я хотела стричься, как мы договаривались. Все испорчено.

– Именно то, что нужно. Можете мне поверить.

Он стал наносить ей на волосы пенящийся густой шампунь с едким запахом. Через некоторое время он смыл его водой раз, потом еще раз, и Дэвиду показалось, что волосы стали бесцветными, и вода струйками стекала по голове, оставляя белесые бороздки. Парикмахер накиннул на Кэтрин полотенце и осторожно вытер волосы. Он не сомневался в успехе.

– Не отчаивайтесь, мадам, – сказал он. – Неужели я позволил бы себе испортить вашу красоту?

– Нет, это ужасно, и никакой красоты я не вижу.

Он вытер ей голову, не снимая полотенца, принес ручной фен и, обдувая им волосы, стал зачесывать их вперед.

– Теперь смотрите, – сказал он.

Струя воздуха перебирала волосы, и постепенно из тусклых желтовато-коричневых они стали серебристо-светлыми, как у белокурых северянок. Цвет менялся просто на глазах.

– Ну, стоило ли расстраиваться? – спросил месье Жан, забыв добавить «мадам», и, опомнившись, добавил: – Мадам хотела стать блондинкой?

– Они красивее моего жемчуга, – сказала она. – Вы гений. Я была несносной.

Потом он налил в руку какую-то жидкость из кувшина.

– Я слегка смочу волосы. – Он весело улыбнулся Кэтрин и провел ладонями по волосам. Кэтрин встала и внимательно посмотрела на себя в

зеркало. Лицо ее казалось еще смуглее, а волосы стали цвета коры молодой березы.

– Мне очень нравится, – сказала она. – Очень.

Она смотрела в зеркало так, словно перед ней была совершенно незнакомая девушка.

– Теперь займемся месье, – сказал парикмахер. – Месье нравится такая стрижка? Консервативно, но неплохо.

– Стрижка? – переспросил Дэвид. – По-моему, я уже месяц не стригся.

– Пожалуйста, постригите его так же, как меня, – сказала Кэтрин.

– Но короче, – сказал Дэвид.

– Нет. Пожалуйста, точно как меня.

Когда мастер закончил, Дэвид встал и провел рукой по волосам. Голове было легко и приятно.

– Пусть он сделает тебя посветлее.

– Нет. На сегодня хватит чудес.

– Ну хоть немножко.

– Нет.

Дэвид посмотрел на Кэтрин, потом в зеркало. Он был таким же загорелым, как она, и прически у них стали одинаковые.

– Тебе очень хочется, чтобы и меня выкрасили?

– Да, Дэвид. Правда. Давай попробуем. Ну пожалуйста.

Он еще раз посмотрел в зеркало, подошел к креслу и сел. Парикмахер взглянул на Кэтрин.

– Приступайте, – сказала она.

Глава десятая

Когда голубой автомобиль резко остановился на посыпанной гравием дороге и Кэтрин с Дэвидом, выйдя из машины, пошли по выложенной каменными плитами дорожке, хозяин гостиницы, сидя на террасе, просматривал «Эклэрёр де Нис», и на столике перед ним стояли бутылка вина, стакан и пустая кофейная чашечка. Он не ждал Кэтрин и Дэвида так скоро и успел подремать, но, заметив их, все же встал и сказал первое, что пришло ему в голову:

– Madame et Monsieur ont fait decolorer les cheveux. C'est bien.[15](#)

– Merci, Monsieur. On le fait toujours dans le mois d'aout.[16](#)

– C'est bien. C'est tres bien.[17](#)

– Очень мило, – сказала Кэтрин Дэвиду. – Мы – выгодные клиенты. А что выгодный клиент ни делает, все tres bien. Ты тоже tres bien. Нет, ей-богу.

С моря в дом проникал свежий бриз, и в комнате было прохладно.

– Мне нравится твоя голубая блузка, – сказал Дэвид. – Постой так немного.

– Она точно под цвет машины, – сказала Кэтрин. – А без юбки, наверное, смотрится еще лучше?

– Без юбки всегда лучше, – сказал он. – Я выйду к старому козлу, пусть еще порадуется своим клиентам.

Он вернулся, держа в одной руке ведро со льдом и бутылку шампанского, заказанного для них хозяином. В другой руке у него был небольшой поднос с двумя бокалами.

– Надеюсь, они поймут наш прозрачный намек, сказал он.

– Пожалуй, это лишнее, – сказала Кэтрин.

– Почему бы не выпить? Не пройдет и пятнадцати минут, как оно охладится.

– Не дразни меня. Пожалуйста, ложись, я хочу посмотреть на тебя поближе.

Она принялась стягивать с него рубашку через голову, и он выпрямился, чтобы ей было удобнее.

Когда она заснула, Дэвид встал и взглянул на себя в зеркало в ванной комнате. Он взял щетку и провел ею по волосам. Волосы не слушались и ложились только так, как их постригли. Они растреплются со временем, но цвет и стрижка все равно будут такие, как у Кэтрин. Он подошел к двери и

посмотрел на спящую женщину. Потом он вошел в комнату и взял ее большое ручное зеркало.

«Вот, значит, как, – сказал он сам себе. – Ты выкрасил волосы и постригся так же, как твоя женщина, и что же ты чувствуешь? – спросил он зеркало. – Что же ты чувствуешь? Отвечай. – И сам себе ответил: – Тебе это нравится».

Из зеркала на него смотрело чужое лицо, но постепенно проявлялись знакомые черты.

«Ну что ж, тебе это нравится, – сказал он. – Тогда подчинись до конца, что бы она ни выдумывала, и не скули, что тебя соблазнили или надули».

Он еще раз посмотрел на ставшее совсем привычным лицо, его лицо, и сказал: «Тебе нравится. Заруби себе на носу. Теперь ты точно знаешь, на кого ты похож и кто ты на самом деле».

Вечером они ужинали на террасе перед домом и были очень возбуждены, но молчаливы, и им нравилось смотреть друг на друга в затененном свете лампы. После ужина, когда подали кофе, Кэтрин сказала прислуживавшему пареньку:

– Пожалуйста, возьми у нас в комнате ведро для шампанского и поставь в лед новую бутылку.

– Мы хотим еще шампанского? – спросил Дэвид.

– Пожалуй. А ты нет?

– Отчего же.

– Ты можешь и не пить.

– Будешь бренди?

– Нет. Я выпью вина. Тебе завтра нужно работать?

– Посмотрим.

– Можешь поработать, если хочешь.

– Сегодня вечером тоже?

– Вечером будет видно. Сегодня трудный день.

Ночь выдалась очень темной, ветер, усилился, и было слышно, как он шумит в соснах.

– Дэвид?

– Да.

– Ну как ты?

– Все хорошо.

– Можно, я потрогаю твои волосы? Кто тебя стриг? Неужели Жан? Они такие роскошные, густые, как мои. Можно, я поцелую тебя? Какие у тебя нежные губы. Закрой глаза.

Он не закрыл глаз, но в комнате было совершенно темно, и высоко в

соснах гулял ветер.

– Знаешь, как нелегко быть женщиной, настоящей женщиной, когда все, все чувствуешь?

– Знаю.

– Этого никто не знает. Я говорю тебе это теперь, когда ты такой же, как я. И не в ненасытности дело. Мне так мало нужно. Просто кому-то это дано, а кому-то нет. По-моему, люди не говорят друг другу правду. Но как хорошо просто гладить и обнимать тебя. Я так счастлива! Будь моим и люби меня так же, как я. Люби меня крепче. Как можно крепче. Как только можешь. Сейчас. Да! Ну пожалуйста!

Они спускались по крутому склону в направлении Канн, а когда выехали на равнину и направились вдоль пустынных пляжей, поднялся сильный ветер, высокая трава пригнулась, выстелившись по земле. Они пересекли мост через реку и на последнем прямом участке дороги перед городом прибавили скорость. Дэвид нащупал холодную, завернутую в полотенце бутылку, сделал большой глоток и почувствовал, как машина, оставив позади трудный участок, легко взлетела по темному полотну дороги на небольшой подъем. Он не работал в то утро, и после того как Кэтрин, промчавшись по городу, снова выехала на шоссе, он откупорил бутылку, отпил еще глоток и предложил выпить ей.

– Я не буду, – сказала Кэтрин. – Мне и так хорошо.

– Замечательно.

Они проехали Гольф-Жюан с неплохим быстро и небольшим уличным баром, а потом миновали сосновый лес и поехали вдоль голого желтого берега Жюан-ле-Пэн. Они пересекли крошечный полуостров по пустой скоростной дороге и вдоль железнодорожного пути проехали через Антиб и порт и башни старинной крепости и снова оказались на открытом шоссе.

– Какая короткая дорога, – сказала она. – Вечно я слишком быстро проскакиваю этот участок.

Они остановились и перекусили, укрывшись с подветренной стороны старинной каменной стены в развалинах какого-то строения, сохранившегося на берегу прозрачной речушки, бежавшей с гор по дикой равнине к морю. Со стороны гор из ущелья дул сильный ветер. Они расстелили на земле одеяло, сели под стеной, прижавшись друг к другу, и смотрели на пустынный берег и скучное, без единого суденышка, море.

– Не бог весть какое место для прогулок, – сказала Кэтрин. – Не знаю, чего я ждала.

Они встали и посмотрели вверх на холмы с прилепившимися на

склонах деревушками и на видневшиеся за ними лилово-серые горы. Ветер хлестал им в лицо, и Кэтрин показала ему дорогу, по которой она однажды ездила в горы.

– Мы могли бы поехать куда-нибудь туда, – сказала она. – Но сюда ближе, и тут красиво, а я терпеть не могу эти подвешенные деревеньки.

– Здесь хорошо, – сказал Дэвид. – Прекрасный ручей, и стена очень кстати.

– Ты очень мил со мной. Право, не стоит.

– Отличное укрытие, и мне здесь нравится. Нам плевать на всякие там красоты.

Они съели фаршированные яйца, жареного цыпленка, пикули, длинный свежесдобитый батон хлеба, который разламывали на части и поливали соворской горчицей, и выпили вина.

– Теперь тебе лучше? – спросила Кэтрин.

– Конечно.

– И ты на меня не обиделся?

– Нет.

– Даже на мои слова?

Дэвид сделал глоток вина и сказал:

– Нет. Я об этом не думал.

Она встала лицом к ветру так, что он четко обрисовал ее грудь под свитером и растрепал волосы, посмотрела на Дэвида и улыбнулась. Потом взглянула на плоскую, сморщившуюся от ветра поверхность моря.

– Давай купим газеты в Каннах и прочитаем их, сидя в кафе.

– Тебе хочется покрасоваться?

– А почему бы нет? Мы впервые вышли на люди вместе. Разве ты против?

– Нет, дьяволенок. С чего бы?

– Мне тоже не хочется, раз ты против.

– Ты же сказала, что хочешь.

– Я хочу того, чего и ты. Я могу быть еще послушнее.

– Кому нужно твое послушание?

– Давай прекратим. Я всего лишь хотела быть покладистой сегодня.

Почему ты все портишь?

– Соберемся и поедем.

– Куда?

– Куда угодно. В кафе, например, будь оно неладно.

Они купили в Каннах газеты, новое французское издание «Вог»,

«Шассёр франсэ» и «Мируар де спорт», сели за столик у входа в кафе, там, где не было ветра, читали, пили и снова были друзьями. Дэвид выпил маленькую бутылку пива и минеральной воды, а Кэтрин «Арманьяк» с минеральной.

К кафе подъехали две девушки, оставили машину у тротуара, сели за столик и заказали наливку из черной смородины и *fine a l'eau*. Та, что взяла бренди с содовой, была настоящей красавицей.

– Кто эти двое? – спросила Кэтрин. – Не знаешь?

– Впервые вижу.

– А я их уже видела. Должно быть, они живут где-то неподалеку. Я видела их в Ницце.

– Одна довольно симпатичная, – сказал Дэвид. – И ножки стройные.

– Они сестры, – сказала Кэтрин. – И обе хорошенькие.

– Одна так просто красавица. Они не американки.

Девушки о чем-то спорили, и Кэтрин сказала Дэвиду:

– Да они ссорятся.

– С чего ты взяла, что они сестры?

– Мне показалось, что я видела их в Ницце. Но теперь я сомневаюсь.

На машине шведские номера.

– Старенькая «изотта».

– Может, подождем и посмотрим, что будет? Мы так давно не были в театре.

– По-моему, это всего лишь итальянская перепалка.

– Смотри, притихли. Значит, дело принимает серьезный оборот.

– Сейчас снова разойдутся. А все-таки одна дьявольски хороша.

– Да, хороша. Смотри, она идет к нам.

Дэвид встал.

– Простите, – сказала девушка по-английски. – Пожалуйста, извините меня. Сидите, пожалуйста, – обратилась она к Дэвиду.

– Может быть, вы присядете? – спросила Кэтрин.

– Я не могу. Моя подруга ужасно на меня сердится. Но я сказала, что вы не обидитесь. Вы простите меня?

– Мы простим ее? – спросила Кэтрин Дэвида.

– Пожалуй, простим.

– Я знала, что вы не обидитесь, – сказала девушка. – Я только хотела узнать, где вы стриглись. – Она залилась румянцем. – Или это так же нехорошо, как подражать в одежде? Моя подруга говорит, что это еще хуже.

– Я дам вам адрес, – сказала Кэтрин.

– Мне так неловко, – сказала девушка. – Вы не обиделись?

– Нет, конечно, – сказала Кэтрин. – Выпьете с нами?

– Не знаю, можно ли? Я спрошу подругу.

Она вернулась к своему столику, и приятельницы обменялись короткими, злыми, еле слышными фразами.

– Моя подруга очень сожалеет, но не может подойти, – сказала девушка. – Я надеюсь, мы еще увидимся. Вы были так добры.

– Ну, как тебе это нравится? – спросила Кэтрин, когда девушка вернулась к подруге. – Ну и денек сегодня.

– Она сейчас вернется спросить, где ты шила брюки. Девушки за столиком продолжали ссориться. Потом обе встали и подошли к ним. – Разрешите представить вам мою подругу.

– Меня зовут Нина.

– А мы – Берны, – сказал Дэвид. – Вы молодцы, что подошли.

– С вашей стороны было так любезно пригласить нас, – сказала хорошенькая. – Я вела себя вызывающе. – Она покраснела.

– Напротив, очень приятно, – сказала Кэтрин. – Нас стриг прекрасный мастер.

– Это видно, – сказала хорошенькая. Она говорила скороговоркой и то и дело заливалась румянцем. – Мы видели вас в Ницце, – сказала она Кэтрин. – Я хотела заговорить с вами еще тогда, то есть хотела спросить.

«Не может быть, чтобы она снова покраснела», – подумал Дэвид. Но девушка опять вспыхнула.

– Кто из вас будет стричься? – спросила Кэтрин.

– Я, – ответила хорошенькая.

– Я тоже, глупая, – сказала Нина.

– Ты же не хотела?

– Я передумала.

– Я точно постригусь, – сказала хорошенькая. – Ну, нам пора. Вы здесь часто бываете?

– Иногда, – сказала Кэтрин.

– Надеюсь, мы еще встретимся, – сказала хорошенькая. – До свидания и спасибо, что вы были так добры.

Девушки вернулись за свой столик, Нина окликнула официанта, они расплатились и ушли.

– Они не итальянки, – сказал Дэвид. – Одна из них миленькая, но так краснеет, что даже неловко.

– Она влюблена в тебя.

– Конечно. Она же видела меня в Ницце.

– Не удивлюсь, если и в меня. Она не первая, но ничего хорошего из этого не получалось.

– А как тебе Нина?

– Вот стерва, – сказала Кэтрин.

– Настоящая хищница. Забавно, правда?

– По-моему, ничего забавного, – сказала Кэтрин. – Скорее, грустно.

– Согласен.

– Найдем себе другое кафе, – сказала она. – Хотя они все равно уже ушли.

– Они словно призраки.

– Да, – сказала Кэтрин. – Мне тоже так показалось. Но одна девочка славная. Глаза красивые. Ты заметил?

– Только очень смущается.

– Мне она понравилась. А тебе?

– Пожалуй.

– Люди, не умеющие краснеть, ничего не стоят.

– Нина тоже разок покраснела, – сказал Дэвид.

– Мне ужасно хотелось надерзить ей.

– Ее бы это не тронуло.

– Да, такую не проймешь.

– Хочешь еще выпить перед уходом?

– Мне ни к чему. А ты закажи.

– Мне тоже ни к чему.

– Выпей. Ты всегда берешь две порции вечером. Я тоже выпью глоток за компанию.

– Нет. Поедем домой.

Ночью, проснувшись, он слушал, как неистово воет ветер, потом повернулся, натянул на плечи простыню и закрыл глаза. Он слышал ее дыхание и пытался заснуть. Она дышала тихо и ровно, и вскоре он тоже заснул.

Глава одиннадцатая

Второй день подряд, не ослабевая, дул ветер. Дэвид отложил повествование об их путешествии и принялся за рассказ, который пришел ему в голову четыре или пять дней назад и постепенно выстраивался. Должно быть, он обдумал его за последние две ночи во сне. Он понимал, что нельзя прерывать начатую работу, но ему писалось так уверенно и легко, что он рискнул отложить повесть и написать рассказ, который мог получиться только теперь или никогда.

Работалось легко, как бывало всегда, когда рассказ созрел заранее, и он уже написал больше половины, а значит, пора было прервать работу и отложить ее до следующего дня. Если он не сможет отложить рассказ после перерыва, придется подналечь и закончить. Но Дэвид надеялся, что сумеет дождаться завтрашнего дня и писать на свежую голову. Рассказ был хороший, и теперь он не мог придумать его за эти несколько дней. Тут память немного изменяла ему. За эти дни он лишь почувствовал, что должен написать рассказ. Теперь он ясно представлял себе, чем закончить. Он хорошо помнил, какой был ветер и как выглядели отшлифованные песком кости, но сейчас ничего этого не было, и приходилось все придумывать. Получилось правдиво, потому что, работая, он пережил все заново, и только высохшие кости оставались пока где-то в прошлом. Рассказ начинался с этого злополучного случая в [shamba18](#), и он должен был написать его.

Он чувствовал усталость после работы, когда заметил оставленную Кэтрин записку. Она писала, что не хотела ему мешать, уехала в город и вернется к обеду. Дэвид вышел из комнаты, заказал завтрак и, пока его готовили, поболтал о погоде с хозяином гостиницы, месье Оролем. Месье Ороль сказал, что иногда ветер дует в их сторону. Это еще не настоящий мистраль, во всяком случае, рановато для этой поры, но дня три ветер продержится. С погодой вообще творится что-то неладное. Месье наверняка сам обратил внимание. Если бы кто-нибудь следил за погодой, то легко заметил бы, что такого не было с самой войны.

Дэвид ответил, что не мог следить за погодой, так как много путешествовал, но что климат, безусловно, изменился. Не только климат, сказал месье Ороль, но и вообще все, а то, что еще не изменилось, вот-вот изменится. Может статься, это и к лучшему, и лично он совсем не против перемен. Месье – космополит и, должно быть, сам так думает.

– Несомненно, – сказал Дэвид, пытаясь довести их разговор до полного абсурда. – Необходимо также пересмотреть вопрос о cadres [19](#).

– Вот именно, – сказал месье Ороль.

На том они и порешили. Дэвид допил свой *safe creme*, прочел «Мируар де спорт» и заскучал в ожидании Кэтрин. Он вернулся в комнату, нашел роман «Далеко и давно», вышел на террасу, устроился на солнышке за столиком с подветренной стороны и стал читать эту прекрасную книгу. Кэтрин заказала для него у «Галиньяни» в Париже издание в тисненой обложке, и, когда книги пришли, он почувствовал себя настоящим богачом. Со времен Гро-дю-Руа его счета в банке в долларах и франках казались ему совершенно фантастическими, даже не верилось, что у него столько денег. Но, получив книги У. Г. Хадсона, он действительно почувствовал себя богачом, и Кэтрин очень обрадовалась, когда он сказал ей об этом.

Почитав примерно с час, он и вовсе затосковал без Кэтрин и тогда разыскал прислуживавшего за столом паренька и попросил принести виски с содовой. Немного позже он заказал еще порцию. Было уже далеко за полдень, когда до него донесся гул взбравшегося в гору автомобиля.

Девушки шли по дорожке, и до него доносились их веселые голоса. Затем он услышал, как Кэтрин сказала:

– Смотри, кого я тебе привела.

– Простите, я знаю, мне не следовало приходить, – сказала девушка. Это была хорошенькая темноволосая девушка, одна из тех, что встретились им вчера в кафе, та, которая все время краснела.

– Как поживаете? – сказал Дэвид. Она явно побывала у парикмахера, и стрижка у нее была такая же короткая, как у Кэтрин после Биаррица. – Я вижу, вы нашли мастера.

Девушка зарделась и взглянула на Кэтрин, как бы ища у нее поддержки.

– Посмотри на нее, – сказала Кэтрин. – Подойди, потрогай волосы.

– О, Кэтрин, – вздохнула девушка. Потом, повернувшись к Дэvidу, добавила: – Пожалуй, если хотите.

– Не бойтесь, – сказал он. – Думаете, попали бог знает куда?

– Не знаю, – сказала она. – Просто я счастлива, что приехала.

– И где же вы обе пропадали? – спросил Дэвид у Кэтрин.

– Конечно, у Жана. Потом зашли выпить, и я пригласила Мариту пообедать с нами. Разве ты не рад нам?

– Я в восторге. Выпьете еще?

– Приготовь мартини, – попросила Кэтрин. – Стаканчик не повредит, –

сказала она девушке.

– Нет, не нужно. Мне еще вести машину.

– Может быть, черри?

– Нет, спасибо.

Дэвид зашел за стойку бара, нашел два стакана, лед и смешал мартини.

– Я попробую ваш, если можно, – сказала девушка.

– Ну, ты его больше не боишься? – спросила Кэтрин.

– Нисколько, – сказала девушка. Она опять покраснела. – Очень вкусно, но ужасно крепко.

– Да, крепко, – сказал Дэвид. – Но ветер окреп, и мы пьем по погоде.

– О, – сказала девушка. – Так пьют все американцы?

– Только именитые, – сказала Кэтрин. – Мы, Моргань, Вулворты, Джукесы. Понятно?

– Особенно в сезон бурь и ураганов, – добавил Дэвид. – Иной раз мне кажется, мы не переживем осеннее равноденствие.

– Я тоже попробую как-нибудь, когда буду не за рулем, – сказала девушка.

– Ты не обязана пить с нами, – сказала Кэтрин. – И не обижайся на наши шутки. Посмотри на нее, Дэвид. Неужели ты не рад, что я привела ее?

– Мне очень нравятся ваши шутки, – сказала девушка. – Вы должны простить меня, но мне так хорошо с вами.

– Вы молодец, что пришли, – сказал Дэвид.

За обедом, в защищенной от ветра террасе, Дэвид спросил:

– А где же ваша подруга?

– Она уехала.

– Интересная женщина, – сказал Дэвид.

– Да. Мы поссорились, и она уехала.

– Стерва она, – сказала Кэтрин. – Впрочем, кругом все такие.

– Да, почти все, – сказала девушка. – Сначала кажется иначе, а потом...

– Я знаю многих женщин, и они вовсе не стервы, – сказал Дэвид.

– Да? Может быть, – сказала девушка.

– Нина счастлива? – спросила Кэтрин.

– Надеюсь, будет, – сказала девушка. – Умные, по-моему, редко бывают счастливы.

– Вы-то когда успели это понять?

– На ошибках быстро учишься, – сказала девушка.

– Ты была счастлива целое утро, – сказала Кэтрин. – Мы чудесно

провели время.

– Я не забыла, – сказала девушка. – Я и сейчас счастлива, как никогда.

Позже Дэвид спросил девушку:

– Где же вы остановились?

– Боюсь, нигде.

– Вот как? Это плохо, – сказал он и почувствовал, как за столом, точно натянутая струна, воцарилась напряженность. Он взглянул на девушку, опустившую глаза так, что ресницы касались щек, потом на жену. Кэтрин посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Она хотела вернуться в Париж, но я предложила ей пожить здесь, если у Ороля найдется еще комната. Я пригласила ее пообедать у нас, посмотреть, понравится ли она тебе и понравится ли здесь ей. Дэвид, она тебе нравится?

– Это не клуб, – сказал Дэвид. – Здесь гостиница. – Кэтрин отвернулась, и он поспешил ей на помощь, продолжая как ни в чем не бывало: – Конечно же, вы мне очень нравитесь, и комната у Ороля наверняка найдется. Он будет безумно рад еще одному постояльцу.

Девушка сидела, не поднимая глаз:

– Пожалуй, не стоит.

– Ну побудь несколько дней, – сказала Кэтрин. – Мы с Дэвидом будем очень рады. Мне так скучно одной, когда он работает. Мы отлично повеселимся, как сегодня утром. Скажи ей, Дэвид.

«К черту ее, – подумал Дэвид. – К дьяволу».

– Будьте умницей, – сказал он. – Позови месье Ороля, – обратился он к прислуге. – Сейчас узнаем насчет комнаты.

– Вы правда не возражаете? – спросила девушка.

– Стали бы мы просить вас, – сказал Дэвид. – Вы нам сразу понравились. К тому же вы так привлекательны.

– Я постараюсь быть полезной, – сказала девушка. – Я что-нибудь придумаю.

– Будьте так же счастливы, как в момент вашего приезда, – сказал Дэвид. – Этого достаточно.

– Я уже счастлива, – сказала девушка. – Я бы выпила мартини. За руль мне теперь не садиться.

– Выпьешь вечером, – сказала Кэтрин.

– Как хорошо. Можно, мы пойдем посмотрим комнаты и покончим с делами?

Дэвид подвез Мариту в город, чтобы забрать ее чемоданы и большую

старенькую «изотту» с открывающимся верхом, оставленную в Каннах у входа в кафе.

По дороге она сказала:

– У вас очаровательная жена, я в нее просто влюблена. Она сидела рядом на переднем сиденье, и Дэвид не видел, залилась ли она румянцем.

– Я тоже в нее влюблен, – сказал он.

– А я и вас люблю, – сказала она. – Это плохо?

Он убрал одну руку с руля, обнял ее за плечи, и она прильнула к нему.

– А вот увидим, – сказал он.

– Хорошо, что я поменьше.

– Меньше кого?

– Кэтрин, – сказала она.

– Это еще что за вздор?

– Я хотела сказать, я подумала, вам может понравиться кто-нибудь моего роста. Или вы любите только высоких?

– Кэтрин не такая уж высокая.

– Конечно же, нет. Я только хотела сказать, что я поменьше.

– И к тому же темноволосая.

– Да, мы будем хорошо смотреться вместе.

– Кто это мы?

– Я и Кэтрин, я и вы.

– Да уж!

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что раз мы все вместе и все хорошо выглядим, то нам ничего не остается, как хорошо смотреться всем вместе.

– Да, мы уже вместе.

– Нет. – Он вел машину одной рукой, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел вперед на дорогу, дожидаясь, когда появится перекресток. – Мы всего лишь едем в одной машине, – сказал он.

– Но я чувствую, что нравлюсь вам.

– Понравиться мне не сложно, только это мало что значит.

– Кое-что значит.

– Только то, что я сказал.

– Что-то очень приятное, – сказала она и замолчала, и они сидели так, пока не свернули на бульвар и не подъехали к потрепанной «изотте-фраскини», стоявшей под старыми деревьями у входа в кафе.

Улыбнувшись, она вышла из маленького голубого авто.

После того как девушка устроилась в двухкомнатном номере, Кэтрин и Дэвид остались вдвоем в своей комнате, слушая, как шумят на ветру

кроны сосен.

– Думаю, ей будет удобно, – сказала Кэтрин. – Правда, лучшая комната, если не считать нашей, та, в дальнем конце, где ты работаешь.

– Я не собираюсь ее уступать, – сказал Дэвид. – Не собираюсь, черт побери, и не уступлю комнату ради какой-то заграничной сучки.

– Ты что так разбушевался? – сказала Кэтрин. – Никто тебя об этом не просит. Я только сказала, что твоя комната лучше. А эти две рядом с ней тоже вполне подходят.

– Да кто она такая, в конце концов?

– Не заводись. Славная девочка, и мне она нравится. Конечно, непростительно было привести ее, не спросив тебя. Я виновата. Но что сделано, то сделано. Я думала, ты будешь доволен, если у меня появится подружка. Всего лишь приятельница, чтобы не скучать, пока ты работаешь.

– Я доволен, раз тебе обязательно кто-то нужен.

– Мне никто не нужен. Я случайно встретила приятного человека и решила, что и тебе будет веселее, если кто-нибудь побудет с нами недолго.

– Но кто она?

– Документы я не проверяла. Можешь допросить ее, если тебе надо.

– Ладно, по крайней мере она привлекательна. Но чья она?

– Не груби. Ничья.

– Скажи прямо.

– Ну хорошо. Она влюблена в нас обоих, если только я не помешалась.

– Ты не помешалась.

– Может быть, пока нет.

– Тогда зачем все это?

– Сама не знаю.

– Я тоже.

– Странно и забавно.

– Не думаю, – сказал Дэвид. – Пойдем купаться? Вчера мы пропустили.

– Пойдем. Ее позовем? А то как-то невежливо.

– Придется надеть купальные костюмы.

– При таком ветре это не имеет значения. Все равно на песке не полежишь и не позагораешь.

– Я люблю плавать с тобой без одежды.

– Я тоже. Но может быть, завтра ветер стихнет.

Потом, когда все трое ехали по дороге на Эстерель и Дэвид досадовал и проклинал слишком резкие тормоза большой старенькой «изотты», которой, кроме всего, срочно требовался ремонт двигателя, Кэтрин

сказала:

– Здесь есть две-три бухточки, где мы плаваем без купальников. Только так и можно по-настоящему загореть.

– День сегодня неподходящий для загара, – сказал Дэвид. – Слишком ветрено.

– Если хочешь, можем поплавать без купальников, сказала Кэтрин девушке. – Если Дэвид не возражает. Вот будет славно.

– С удовольствием, – сказала девушка и повернулась к Дэвиду: – Вы не возражаете?

Вечером Дэвид приготовил мартини, и девушка сказала:

– Здесь всегда так хорошо, как сегодня?

– Сегодня был приятный день, – сказал Дэвид.

Кэтрин еще не вышла из комнаты, и они сидели вдвоем возле небольшого бара, сооруженного прошлой зимой месье Оролем в просторном прованском зале.

– Когда я пью, мне так и хочется сказать что-то лишнее, – сказала девушка.

– Не говори.

– Тогда зачем пить?

– Дело не в вине. Ты и выпила-то чуть-чуть.

– Вам было неловко, когда мы купались вместе?

– Нет. А по-твоему, должно было?

– Нет, – сказала она. – Мне понравилось.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Как мартини?

– Очень крепко, но хорошо. Вы с Кэтрин никогда ни с кем так не плавали?

– Нет. Зачем?

– Я стану совсем коричневой.

– Не сомневаюсь.

– А вам не хочется, чтобы я сильно загорела?

– У тебя хороший загар. Можешь вся стать такой, если хочешь.

– Я подумала, может быть, вы хотите, чтобы у вас была одна женщина посветлее?

– Ты не моя женщина.

– Нет, ваша, – сказала она. – Я ведь уже вам сказала.

– Ты уже разучилась краснеть.

– После того как мы вместе купались, да. И надеюсь, надолго. Поэтому я все вам и рассказала. Так мне легче.

– Тебе идет кашемировый свитер, – сказал Дэвид.

– Кэтрин сказала, мы будем носить одинаковые свитера. Вы не сердитесь на меня за это признание?

– Не помню, в чем ты там призналась.

– Что я вас люблю.

– Не говори чепухи.

– Вы не верите, что так бывает? Я не могла полюбить вас обоих?

– Нельзя влюбиться сразу в обоих.

– Вы не понимаете, – сказала она.

– Чушь, – сказал он, – тебе это только кажется.

– Нет, не кажется. Так и есть.

– Вздор.

– Ладно, – сказала она, – пусть вздор. Но я же здесь.

– Да, ты здесь, – сказал он. Он смотрел на Кэтрин, которая шла к ним, улыбающаяся и счастливая.

– Привет, купальщики, – сказала она. – О, какой позор. Я опоздала на первый мартини Мариты.

– Я еще не допила, – сказала девушка.

– Как на нее подействовал мартини, Дэвид?

– Стала нести чушь.

– Нальем еще. Хорошо, что мы оживили бар. Пусть это будет экспериментальный бар. Повесим сюда зеркало. Что за бар без зеркала?

– Повесим завтра же, – сказала девушка. – Зеркало куплю я.

– Не будь транжиркой, – сказала Кэтрин. – Купим вместе, будем смотреть, как несем вздор, и сразу поймем, что это нелепо. Зеркало не обманешь.

– Как только я увижу в нем обманутого простачка, я пойму, что проиграл, – сказал Дэвид.

– Ты никогда не проиграешь. Разве можно проиграть с двумя-то женщинами? – сказала Кэтрин.

– Я пыталась втолковать ему, – сказала девушка и впервые за вечер покраснела.

– Она твоя, и я твоя, – сказала Кэтрин. – Не будь занудой, будь поласковее со своими женщинами. Разве мы не хороши? Я твоя белокурая жена.

– Ты смуглее и светлее той, на которой я женился.

– Вот я и привела тебе темненькую в подарок. Ну, как тебе презент?

– Меня устраивает все, как есть.

– А как тебе твое будущее?

– Я ничего о нем не знаю.

– Надеюсь, оно не слишком темное? – спросила девушка.

– Очень хорошо, – сказала Кэтрин. – Она не только красива, богата, здорова и нежна. Она еще и остроумна. Ну, разве плох мой подарок?

– Уж лучше быть темным подарком, чем темной лошадкой, – сказала девушка.

– Еще очко, – сказала Кэтрин. – Поцелуй ее, Дэвид, пусть она будет счастливым подарком.

Дэвид обнял девушку и поцеловал. Она ответила было на поцелуй, но отвернулась, а затем неожиданно расплакалась, опустив голову и обхватив руками стойку бара.

– Что же ты больше не шутишь? – Дэвид повернулся к Кэтрин.

– Все в порядке, – сказала девушка. – Не смотрите на меня. Я сейчас. Кэтрин обняла ее, поцеловала и погладила по голове.

– Все в порядке, – повторила девушка. – Извините, я знаю, сейчас пройдет.

– Прости меня, – сказала Кэтрин.

– Пожалуйста, можно мне уйти? – спросила девушка. – Я должна уйти.

– Ну, – произнес Дэвид, когда девушка ушла и Кэтрин вернулась в бар.

– Можешь ничего не говорить, – сказала Кэтрин. – Я виновата, Дэвид.

– Она вернется.

– Теперь ты веришь, что она не притворяется?

– Слезы были настоящие. Ты это хочешь сказать?

– Не прикидывайся. Ты вовсе не глуп.

– Я поцеловал ее очень осторожно.

– Да. В губы.

– А ты бы чего хотела?

– Ты тут ни при чем. Тебя никто не винит.

– Хорошо, что ты не попросила меня поцеловать ее там, на пляже.

– Я хотела было. – Кэтрин рассмеялась, и все стало как в прежние добрые времена, когда никто не вторглся в их жизнь. – А ты не думал, что я сама поцелую ее?

– Был такой момент, и я нырнул поглубже.

– И правильно сделал.

Они снова рассмеялись.

– Ну, вот мы и пришли в себя, – сказала Кэтрин.

– Слава Богу, – сказал Дэвид. – Я люблю тебя, дьяволенок, и правда, когда я целовал ее, я не думал, что так получится.

– Можешь не объяснять, – сказала Кэтрин. – Я видела. Жалкое было зрелище.

– Лучше бы ей уехать.

– Не будь жестоким, – сказала Кэтрин. – Ведь это я ее подговорила.

– Я сопротивлялся.

– Я подбивала ее быть ближе к тебе. Пойду приведу ее.

– Нет. Подожди немного. Она слишком уверена в себе.

– Как можно, Дэвид? Ты только что обидел ее.

– Неправда.

– Ну, значит, что-то другое. Я приведу ее.

Но идти никуда не пришлось. Девушка сама вернулась в бар и, залившись румянцем, сказала:

– Извините.

Она умылась, поправила прическу и, подойдя к Дэвиду, очень быстро поцеловала его в губы.

– Мне уже хорошо. А кто выпил мой мартини?

– Я его вылила, – сказала Кэтрин. – Дэвид приготовит тебе еще.

– Надеюсь, вы не передумали, – сказала она. – Я буду ваша и Кэтрин.

– Женщины меня не интересуют, – сказала Кэтрин.

Было очень тихо, и ей самой и Дэвиду показалось, что голос ее прозвучал как-то странно.

– Совсем?

– Совсем.

– Я буду твоей подружкой, если захочешь, твоей и Дэвида.

– Не слишком ли у тебя грандиозные планы? – спросила Кэтрин.

– Но ведь я для того и приехала, – сказала девушка. – Я думала, вам так хочется.

– У меня никогда не было подружки, – сказала Кэтрин.

– Какая я глупая, – сказала девушка. – Я и не знала. Нет, правда? Ты меня не разыгрываешь?

– Нет, не разыгрываю.

– Как я могла быть такой дурочкой, – сказала девушка.

«Она хочет сказать „так ошибаться“», – подумал Дэвид, и Кэтрин подумала то же самое. Ночью Кэтрин сказала:

– Напрасно я втянула тебя в эту историю. Напрасно.

– Лучше бы нам ее не знать.

– Могло бы случиться что-то и похуже. Может, так лучше – пройти через все и забыть.

– Ты можешь отправить ее отсюда.

- Так легко мы теперь не выпутаемся. Неужели она тебя не волнует?
- Даже очень.
- Я так и знала. Но я люблю тебя, а остальное не важно. Ты ведь сам это знаешь.
- Ничего я не знаю, дьяволенок.
- Ладно, не будем такими мрачными. Когда ты мрачен, мне кажется, что все кончено.

Глава двенадцатая

Ветер дул третий день кряду, только теперь порывы его стали слабее. Дэвид сел за стол, перечитал рассказ с самого начала до той строчки, где прервал работу, и, читая, выправил написанное. Он продолжал писать и перенесся в рассказ, забыв о настоящем, так что, когда раздались женские голоса, он не стал прислушиваться. Женщины прошли под окном, и он махнул им рукой. Они помахали в ответ, и темноволосая девушка улыбнулась, а Кэтрин послала ему воздушный поцелуй. Утром девушка выглядела очень хорошенькой, лицо ее сияло и было покрыто ярким румянцем. Кэтрин была красива, как всегда. Он услышал мотор автомобиля и про себя отметил, что они уехали на «бугатти». Дэвид снова погрузился в работу. Рассказ получался хороший, и он закончил его перед самым полуднем.

Завтракать было поздно, и, хотя в записке, приложенной к ключу от машины, Кэтрин писала, что они уехали в Ниццу и на обратном пути подождут его в кафе, он слишком устал, чтобы ехать в город на старенькой «изотте» с плохими тормозами и неисправным мотором.

«Я знаю, чего мне хочется, – подумал он. – Холодного пива в высокой литровой кружке из толстого стекла и romme a l'huile,²⁰ посыпанного молотым перцем». Но пиво на побережье было плохим, и он с удовольствием вспоминал Париж, да и другие города, и радовался тому, что удалось поработать и закончить хороший рассказ. Это была первая вещь, которую он написал с тех пор, как женился. «Главное – суметь закончить, – думал он. – Неоконченная вещь ничего не стоит. Завтра я продолжу повесть о путешествии и обязательно закончу и ее. Только как? Как ты собираешься закончить ее теперь?»

Как только он отвлекся от работы, в голову полезло все, о чем он старался не думать. Он вспомнил вчерашнюю ночь, дорогу, по которой два дня назад ехал с Кэтрин и по которой сегодня она отправилась вместе с этой девушкой, и ему стало не по себе. «Должно быть, они возвращаются. Уже полдень. А может быть, они в кафе. „Будь проще“, – сказала Кэтрин. Но она имела в виду что-то еще. Наверное, она знает, что делает. Наверное, она знает, чем все кончится. Наверное, она действительно знает. А ты нет.

Ну вот, работал спокойно, а теперь дергаешься. Лучше напиши еще один рассказ. Напиши самый трудный из тех, что задумал. Иди и садись писать. Нужно держаться, если желаешь ей добра. Много ли хорошего ты

ей дал? Много? Нет, не много. Много – значит достаточно. Завтра же принимайся за новый рассказ. Нет, к черту завтра! Что значит *завтра*? Иди пиши сейчас».

Он сунул записку и ключ от машины в карман, вернулся в рабочую комнату, сел за стол и написал первый абзац нового рассказа, который откладывал с тех самых пор, как научился писать. Он написал этот абзац простыми предложениями, и теперь все проблемы, о которых он хотел рассказать, предстояло пережить самому и оживить их на бумаге. Начало написано, и остается только продолжить работу. «Вот и все, – сказал он. – Видишь, как на самом деле просто то, что у тебя не получалось?» Потом он вышел на террасу, сел за столик и заказал виски с содовой.

Племянник хозяина принес из бара бутылки, лед, стакан и сказал:

– Месье еще не завтракал.

– Я слишком долго работал.

– C'est dommage,[21](#) – сказал паренек. – Принести что-нибудь? Сандвич?

– В нашей кладовой есть банка Maquereau Vin Blanc.[22](#) Откройте и принесите мне.

– Но она теплая.

– Не важно. Принесите.

Он съел Maquereau Vin Blanc и выпил виски с содовой. Конечно же, охлажденная рыба была бы куда вкуснее. За едой он прочел утреннюю газету.

«В Ле-Гро-дю-Руа мы ели свежую рыбу, – подумал он, – но это было так давно». Он стал вспоминать Ле-Гро-дю-Руа, когда услышал гул мотора поднимавшейся в гору машины.

– Уберите это, – сказал он официанту, встал, перешел в бар, налил себе еще виски, положил в стакан лед и долил содовой. Во рту оставался привкус от вымоченной в вине и сдобренной специями рыбы, и он взял бутылку минеральной и сделал несколько глотков из горлышка.

Дэвид услышал их голоса, и вот они появились в дверях такие же оживленные и счастливые, как вчера. Кэтрин, светленькая, точно березка, с загорелым лицом, нежным и возбужденным. Вторая, темноволосая девушка с взъерошенными от ветра волосами и горящим взглядом, как только подошла ближе, неожиданно смущенно потупилась.

– Мы решили не заходить в кафе, когда увидели, что тебя там нет, – сказала Кэтрин.

– Я работал допоздна. Как дела, дьяволенок?

– Отлично. Про нее можешь даже не спрашивать.

- Вам хорошо работалось, Дэвид? – спросила девушка.
- Вот это жена! – сказала Кэтрин. – А я и забыла спросить.
- Что делали в Ницце?
- Можно, мы сначала выпьем, а потом расскажем?

Женщины стояли так близко от него, что он почти физически ощущал их близость.

- Вам хорошо работалось, Дэвид? – еще раз спросила девушка.
- Конечно, хорошо, – сказала Кэтрин. – Он иначе не умеет, глупышка.
- Правда, Дэвид?
- Да, – ответил он. – Спасибо.
- Дадут нам выпить? – спросила Кэтрин. – Мы, правда, не работали.

Только купили кое-что, кое-что заказали, да еще поскандалили.

- Ну, разве это скандал.
- Не знаю, – сказала Кэтрин. – Какая разница?
- Что у вас случилось? – спросил Дэвид.
- Пустяки, – сказала девушка.
- Ерунда, – сказала Кэтрин. – Мне даже понравилось.
- В Ницце кто-то прошелся по поводу ее брюк.
- В этом нет ничего обидного, – сказал Дэвид. – Ницца – большой

город. Этого следовало ожидать, раз поехали туда в таком виде.

– Скажи, я изменилась? – спросила Кэтрин. – Почему до сих пор здесь нет зеркала? Как, по-твоему, я хоть сколько-нибудь изменилась?

– Нет. – Дэвид посмотрел на нее. Она казалась очень белокурой, необыкновенно загорелой, и растрепанные волосы придавали ей дерзкий вид.

- Вот и хорошо, – сказала она. – Потому что я решилась.
- Да ни на что ты не решилась, – сказала девушка.
- Нет, решилась, мне понравилось, и я хочу еще выпить.
- Ничего не произошло, Дэвид, – сказала девушка.

– Утром я остановила машину на пустынном участке дороги и поцеловала ее, а она меня, потом на обратном пути из Ниццы еще раз и вот только что, когда мы выходили из машины. – Кэтрин смотрела на него, и во взгляде ее была одновременно и нежность, и непокорность. Потом добавила: – Это было забавно, и мне понравилось. Ты тоже поцелуй ее.

Дэвид повернулся к Марите, и она неожиданно прильнула к нему и поцеловала его. Он не собирался целовать ее и не ожидал, что так получится.

- Хватит, – сказала Кэтрин.
- А ты что скажешь? – спросил Дэвид. Девушка казалась смущенной и

одновременно счастливой.

– Я счастлива, как ты и хотел, – сказала она.

– Ну вот, теперь все довольны, – сказала Кэтрин. – Разделили вину поровну.

Они великолепно пообедали и выпили холодного тавельского с *hogs d'oeuvres*,²³ цыпленком, вареным мясом, салатом, фруктами и сыром. Они сильно проголодались, но держались непринужденно и за едой весело шутили.

– К ужину или даже раньше мы приготовили потрясающий сюрприз, – сказала Кэтрин. – Знаешь, она сорит деньгами, как подвыпивший индеец – хозяин нефтеносного участка.

– Индейцы симпатичные? – спросила Марита. – Или похожи на магарадж?

– Дэвид расскажет тебе про них. Он родом из Оклахомы.

– А я думала, он из Восточной Африки.

– Нет. Кое-кто из его предков удрал из Оклахомы и увез его еще мальчиком в Восточную Африку.

– Должно быть, это очень интересно?

– Он написал роман о том, как в детстве жил в Восточной Африке.

– Я знаю.

– Ты его читала? – спросил Дэвид.

– Да, – сказала Марита. – Хочешь расскажу?

– Нет, – сказал он. – Мне знакомо содержание.

– Очень грустный роман, – сказала она. – Это ты об отце писал?

– Отчасти.

– Должно быть, ты очень любил его.

– Да.

– Ты мне о нем никогда не рассказывал, – сказала Кэтрин.

– Ты не спрашивала.

– А ты бы рассказал?

– Нет, – ответил он.

– Мне очень понравилась книга.

– Не переигрывай, – сказала Кэтрин.

– Я и не думала.

– А когда ты целовала его...

– Это была твоя идея.

– Не перебивай меня, – сказала Кэтрин. – Я хотела спросить, когда ты целовала его, ты думала о нем как о писателе или тебе было просто приятно?

Дэвид налил себе вина и сделал глоток.

– Не знаю, – сказала девушка. – Я не задумывалась.

– И то хорошо, – сказала Кэтрин. – А то уж я испугалась, что все дело в вырезках.

Девушка удивленно посмотрела на них, и Кэтрин пояснила:

– Вырезки из газет о его второй книге. Он ведь уже две написал.

– Я читала только «Порог».

– Вторая книга о летчиках на войне. Лучше его никто не написал о летчиках.

– Чушь, – сказал Дэвид.

– Прочтешь, сама увидишь, – сказала Кэтрин. – Что бы написать такую книгу, надо было самому полностью выложиться или погибнуть. Не думай, что я ничего не смыслю в книгах Дэвида, потому что целую его не как писателя.

– По-моему, самое время для сиесты, – сказал Дэвид. – Тебе нужно вздремнуть, дьяволенок. Ты устала.

– Я заболталась, – сказала Кэтрин. – Спасибо за прекрасный обед, и извините, если я наговорила лишнего и расхвасталась.

– Мне так понравилось, что ты говорила о книгах, – сказала девушка. – Ты просто прелесть.

– Я так не думаю. Я устала, – сказала Кэтрин. – У тебя есть что почитать, Марита?

– Осталась еще пара книг.

– Можно заглянуть к тебе попозже?

– Если хочешь, – сказала девушка.

Дэвид старался не смотреть на девушку, а она – на него.

– Я тебе не помешаю? – спросила Кэтрин.

– Да я ничем особо важным не занята, – сказала Марита.

Когда, Кэтрин и Дэвид остались вдвоем, ветер за окном почти совсем стих, и сиеста мало напоминала их обычный полуденный отдых.

– Могу я теперь рассказать тебе?

– Не трудись.

– Нет, лучше я расскажу. Утром, сев за руль, я испытывала какой-то страх и пустоту и старалась ехать особенно осторожно. Потом впереди на горе показались Канны, и дорога вдоль моря была совершенно пуста, и, когда я обернулась, позади тоже никого не было, и тогда я свернула с дороги в заросли. В том месте они напоминают полынь. Я поцеловала ее, и она ответила, и ощущение было такое необычное. Мы посидели в машине,

а потом поехали в Ниццу, и я не знаю, что думали окружающие. Мне уже было все равно, и мы всюду ходили вместе и покупали все, что захочется. Ей нравится покупать. Кто-то грубо пошутил, но это пустяки. По дороге домой мы снова остановились, и она предложила, чтобы я теперь была ее подружкой, а я ответила, что мне безразлично, все равно я ощущала себя женщиной и не знала, что нужно делать. Никогда не чувствовала себя такой растерянной. Но она была очень мила и, по-моему, хотела помочь мне. Не знаю. В общем, она была очень мила, и я вела машину, а она сидела рядом, хорошенькая и счастливая, и была такой ласковой, как бываем мы с тобой или я с тобой, и я сказала, что не смогу вести машину и нам лучше остановиться. Я только поцеловала ее, но было так хорошо. Ну, и мы посидели немного, а потом я сразу поехала домой. Возле самого дома я еще раз поцеловала ее, и мне снова понравилось, и мы были счастливы, и я ни о чем не жалею.

– Ну, теперь, когда ты наконец попробовала, – сказал Дэвид, тщательно подбирая слова, – надеюсь, с этим покончено?

– Вовсе нет. Мне понравилось, и я не собираюсь от этого отказываться.

– Нет?

– Нет. Наоборот, я не остановлюсь, пока мне не надоест. Или я научусь владеть собой.

– Кто это сказал, что ты научишься владеть собой?

– Я. Ну же, Дэвид, я действительно не могу иначе. Кто знал, что я стану такой?

Он ничего не ответил.

– Я вернусь, – сказала она. – Я уверена, что справлюсь с собой, стоит мне все испробовать. Пожалуйста, верь мне.

Он ничего не ответил.

– Она ждет меня. Ты же слышал, я ее просила. Нельзя же останавливаться на полпути.

– Я уезжаю в Париж, – сказал Дэвид. – Найдешь меня через банк.

– Нет, – сказала она. – Нет. Ты должен помочь мне.

– Я не могу тебе помочь.

– Можешь. Ты не уедешь. Я этого не выдержу. Я не хочу оставаться с ней. Я всего лишь хочу попробовать. Неужели не ясно? Ну пожалуйста, пойми. Ты всегда понимал меня.

– Только не в этом.

– Пожалуйста, попытайся понять. Раньше ты все понимал. Правда, Дэвид?

- Может быть. Раньше.
- Мы сами это затеяли, и, когда все кончится, останемся только мы. Я люблю одного тебя.
- Не делай этого.
- Не могу. Еще в школе мне всегда попадались подружки, которые хотели попробовать. Но я не решалась и так и не рискнула. А сейчас не могу иначе.
- Он ничего не ответил.
- Ты должен знать, что я чувствую.
- Он ничего не ответил.
- Как бы там ни было, она влюблена в тебя, и ты тоже можешь быть с ней, и мы будем квиты.
- Ты сошла с ума, дьяволенок.
- Знаю, – сказала она. – Молчу.
- Поспи, – сказал он. – Просто ляг рядом тихонечко, и мы оба заснем.
- Я так люблю тебя, – сказала она. – И ты единственный, с кем мне хорошо. Я и ей слишком много о тебе рассказывала, впрочем, ни о чем другом она и говорить не хочет. Ну вот, я успокоилась и теперь могу идти.
- Нет. Не надо.
- Да, – сказала она. – Подожди. Я скоро.

Когда она вернулась, Дэвида в комнате не было. Она постояла, глядя на пустую постель, потом подошла к ванной комнате, открыла дверь и долго смотрела на себя в высокое зеркало. Лицо ее ничего не выражало. Таким же безразличным взглядом она оглядела себя с головы до ног. Когда она вошла в ванную и прикрыла за собой дверь, на улице было уже темно.

Глава тринадцатая

Из Канн Дэвид вернулся уже в сумерках. Ветер стих. Он поставил машину на обычную стоянку и прошел по дорожке до того места, где свет из окон освещал внутренний дворик и сад. Из дверей навстречу ему вышла Марита.

– Кэтрин в скверном состоянии, – сказала она. – Пожалуйста, будь с ней поласковее.

– К черту вас обеих, – сказал Дэвид.

– Меня, пожалуйста. А ее нет. Не надо так, Дэвид.

– Не учи меня.

– Ты не хочешь за ней поухаживать?

– Не очень.

– Тогда я.

– Ну еще бы!

– Не будь дураком, – сказала она. – Поверь мне, это серьезно.

– Где она?

– Там, ждет тебя.

Дэвид вошел в дом. Кэтрин сидела возле пустого бара.

– Привет, – сказала она. – Зеркало так и не принесли.

– Привет, дьяволенок. Извини, я задержался.

Его поразили ее мертвенная бледность и вялый голос.

– Я думала, ты уехал совсем, – сказала она.

– Разве ты не заметила, что вещи на месте?

– Я не смотрела. Да ты бы ничего и не взял.

– Да, – сказал Дэвид. – Я ездил в город.

Она вздохнула и отвернулась к стене.

– Ветер стихает, – сказал он. – Завтра будет хороший день.

– Мне все равно, что будет завтра.

– Уверен, что это не так.

– Так. Не уговаривай меня.

– И не думаю, – сказал он. – Пила что-нибудь?

– Нет.

– Я приготовлю.

– Не поможет.

– А вдруг. Раньше помогало.

Он стал готовить коктейль, а она механически следила, как он

смешивает напитки и наливает их в стаканы.

– Не забудь маслины в чесночном соусе, – сказала Кэтрин.

Он подал ей стакан и поднял свой:

– Это за нас.

Она вылила свой коктейль на стойку бара и смотрела, как жидкость растекается по деревянной поверхности. Потом взяла одну маслину и положила в рот.

– Нет больше «нас», – сказала она. – Кончились.

Дэвид вынул из кармана платок, вытер стойку и приготовил еще коктейль.

– Все дерьмо, – сказала Кэтрин.

Дэвид протянул ей стакан, она взяла его и снова вылила. Дэвид еще раз вытер жидкость платком, неторопливо выжал его. Потом он выпил свой martini и смешал два новых.

– Этот ты выпей, – сказал он. – Просто так.

– Просто так, – повторила она, подняла стакан и сказала: – За тебя и твой проклятый платок.

Она выпила до дна и потом еще долго вертела стакан в руке, рассматривая что-то сквозь него, и Дэвид был уверен, что она вот-вот швырнет его ему в лицо. Но Кэтрин поставила стакан на стойку, взяла из него чесночную маслину, медленно прожевала ее и протянула Дэвиду косточку.

– Полудрагоценный камень, – сказала она. Спрячь в карман. Я бы еще выпила, если ты приготовишь martini.

– Но пей понемногу.

– О, со мной все в порядке, – сказала Кэтрин. – Ты, возможно, даже разницы не почувствуешь. Когда-нибудь это со всеми случается.

– Тебе лучше?

– Значительно. Нет, правда. Только что-то теряется, уходит. Мы теряем все, что имели. Но обретаем нечто другое. Все так просто, правда?

– Ты голодна?

– Нет. Но уверена, все обойдется. Ты ведь и сам так говорил?

– Конечно.

– Жаль, я не могу припомнить, что же мы все-таки потеряли. Но ведь это не важно? Ты сам говорил, что не важно.

– Да.

– Тогда будем веселиться. Что было, того не вернешь.

– Должно быть, было что-то, но мы забыли что, – сказал он. – Попробуем вспомнить.

– Я знаю, я что-то натворила. Но теперь все в прошлом.
– Вот и хорошо.
– Но что бы то ни было, никто в этом не виноват.
– Не будем о виноватых.
– Я знаю, что это было, – улыбнулась она. – Но я тебя не предавала. Действительно, Дэвид. Я бы не смогла. Ты же знаешь. Как же ты мог сказать такое? Зачем ты так?
– Ничего не случилось.
– Конечно же, нет. И незачем было говорить.
– Я и не говорил, дьяволенок.
– Ну кто-то сказал. Ты знал, что я хотела сделать, я тебя предупредила. Где Марита?
– Должно быть, у себя в комнате.
– Как я рада, что все в порядке. Как только ты забрал назад свои слова, мне стало легче. Но лучше бы что-нибудь натворил ты, а я бы взяла назад свои слова. Мы снова стали сами собой, правда? И я ничегошеньки не убила.
– Нет.
Она опять улыбнулась:
– Вот и хорошо. Пойду позову ее. Она так переживала за меня, пока ты не вернулся.
– Неужели?
– Ну, я заболталась, – сказала Кэтрин. – Вот всегда так. Она очень мила, Дэвид. Если бы ты знал ее получше! Она была так добра ко мне.
– Ну ее к черту.
– Нет. Ты снова за старое. Вспомни. Я не хочу начинать все сначала. А ты? Все так перепуталось. Нет, правда.
– Ладно, зови. Она обрадуется, что тебе уже легче.
– Конечно, обрадуется, и ты должен поддержать и ее.
– Обязательно. Она что, тоже терзается?
– Только из-за меня. Когда я мучилась, что изменила тебе. Ведь раньше такого не случалось. Пойди, приведи ее сам, Дэвид. Ей будет легче. Хотя нет, не надо. Я сама.
Кэтрин вышла, и Дэвид посмотрел ей вслед. Движения ее перестали быть механическими, а голос стал звонче. Когда Кэтрин вернулась, она заметно повеселела, и голос звучал почти как обычно.
– Она придет через минуту, – сказала Кэтрин. – Она очаровательна, Дэвид. Как хорошо, что она с нами.
Вошла девушка, и Дэвид сказал:

– Мы тебя ждали.

Она взглянула на него и отвернувшись. Потом снова посмотрела на Дэвида и, стараясь не отводить глаз, сказала:

– Простите, что заставила ждать.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказал Дэвид, и это была сущая правда, только глаза ее были необыкновенно грустными.

– Приготовь ей что-нибудь выпить, Дэвид. Я уже выпила два коктейля, – сказала Кэтрин, обращаясь к девушке.

– Я рада, что тебе уже лучше, – сказала девушка.

– Это все Дэвид, – сказала Кэтрин. – Я все, все ему рассказала, и как это было чудесно, и он совершенно со мной согласен.

Девушка посмотрела на Дэвида, закусив верхнюю губу, и по выражению ее глаз он все понял.

– В городе было скучно. Я пожалел, что пропустил купание, – сказал он.

– Ты сам не знаешь, что пропустил, – сказала Кэтрин. – Ты все пропустил. Я хотела этого всю жизнь, и это было чудесно.

Девушка, опустив голову, смотрела в свой стакан.

– Самое удивительное, что теперь я чувствую себя ужасно взрослой. Только внутри как-то пусто... Впрочем, я всего лишь новичок.

– Итак, нас просят сделать скидку на неопытность, – сказал Дэвид и, воспользовавшись моментом, добавил весело: – Разве нельзя поговорить о чем-нибудь другом? Аномалии надоели, да и вышли из моды.

– Я думаю, это интересно только в первый раз, – сказала Кэтрин.

– И только тому, кто интересуется, а для остальных – скука дремучая, – сказал Дэвид. – Ты согласна, наследница?

– Ты зовешь ее наследницей? – спросила Кэтрин. Какое чудное, забавное имя.

– Не называть же ее госпожой или вашим высочеством, – сказал Дэвид. – Так ты согласна, наследница? Про аномалии?

– Мне всегда это казалось глупым, – сказала она. – Развлечение для тех, кому больше нечем заняться.

– Первый раз все интересно, – сказала Кэтрин.

– Да, – сказал Дэвид. – Но неужели ты станешь без конца рассказывать о своем первом заезде на скачках или о том, как ты самостоятельно взлетела в самолете?

– Мне уже стыдно, – сказала Кэтрин. – Взгляни на меня – видишь, как мне стыдно?

Дэвид обнял ее.

– Не нужно стыдиться, – сказал он. – Просто подумай, хотелось бы тебе, чтобы наша верная наследница, стоя вот тут, стала вспоминать, как она взмыла в самолете, только она одна и ее самолет, и ничего между ней и землей. Представь себе землю с большой буквы, а вокруг ничего, только ее самолет, и они могут погибнуть, разбиться вдребезги, и она потеряет и деньги, и здоровье, и благоразумие, и даже жизнь, жизнь с большой буквы, и всех нас, стоит ей только потерпеть «неудачу» – возьмем слово «неудача» в кавычки. Ты когда-нибудь летала одна, наследница?

– Нет, – сказала девушка. – Не приходилось. Но я хочу еще выпить. Я люблю тебя, Дэвид.

– Поцелуй ее еще разок, как тогда, – сказала Кэтрин.

– В другой раз, – сказал Дэвид. – Я готовлю коктейль.

– Как хорошо, что мы снова друзья и все чудесно, сказала Кэтрин. Она очень оживилась, и голос ее звучал естественно, обычно и без напряжения.

– Я совсем забыла про сюрприз, который наследница купила утром. Сейчас принесу.

Когда Кэтрин ушла, девушка взяла Дэвида за руку, крепко сжала ее и поцеловала. Они молча смотрели друг на друга. Девушка рассеянно касалась пальцами его руки. Потом сжала ее и снова отпустила.

– Слова не нужны, – сказала она. – Ты ведь не хочешь, чтобы я произнесла здесь речь?

– Нет, – сказал он. – Но когда-нибудь нам придется поговорить.

– Хочешь, чтобы я уехала?

– Так было бы разумнее.

– Поцелуешь меня, чтобы я поняла, что остаюсь не зря?

Вернулась Кэтрин с молоденьким официантом, который принес поднос с тостами и большой банкой икры в чаше со льдом.

– Вот это был замечательный поцелуй, – сказала Кэтрин. – Все видели, так что теперь можно не бояться сцен и тому подобного. Сейчас подрежут яйцо и лук.

Икра была серовато-черная, крупная, и Кэтрин осторожно переложила ее на тонкие кусочки поджаренного хлеба.

– Наследница купила тебе ящик «Бюллингер-брют» 1915 года. Вот эта бутылка уже холодная. Как, по-твоему, подойдет?

– Конечно, – сказал Дэвид. – Выпьем за обедом.

– Правда, тебе повезло, что мы с наследницей богаты и тебе ни о чем не нужно беспокоиться? Уж мы о нем позаботимся, правда, наследница?

– Будем очень стараться, – сказала девушка. – Я как раз изучаю его запросы. Но на сегодня это все, что мне удалось выяснить.

Глава четырнадцатая

Он проспал почти два часа, пока солнечный свет не разбудил его. Он проснулся и посмотрел на Кэтрин. Во сне дыхание ее было легким, и она выглядела счастливой. Такой он и оставил ее: красивой, молодой и непорочной. В ванной он принял душ и, натянув шорты, босиком прошел через сад в комнату, где работал. После непогоды небо было вымыто до голубизны, и стояло свежее раннее утро нового дня на исходе лета.

Он опять принялся за трудный рассказ и поочередно брал приступом все, к чему годами не решался притронуться. Он работал до одиннадцати часов и, когда сделал намеченное, запер комнату и вышел в сад, где женщины играли за столиком в шахматы. Обе выглядели свежо и молодо и казались такими же привлекательными, как умытое дождем и ветром утреннее небо.

– Она опять выигрывает, – сказала Кэтрин. – Как ты, Дэвид?

Девушка улыбнулась ему застенчивой улыбкой. «А все-таки они необыкновенно хороши, – подумал Дэвид. – Интересно, что принесет новый день».

– Как вы? – спросил он.

– Отлично, – ответила девушка. – А тебе что-нибудь удалось?

– Пишется тяжело, но все получается, – сказал он.

– Ты еще не завтракал?

– Поздновато для завтрака, – сказал Дэвид.

– Глупости, – сказала Кэтрин. – Наследница, сегодня женой будешь ты. Заставь его позавтракать.

– Хочешь кофе и фрукты, Дэвид? – спросила девушка. – Тебе нужно съесть что-нибудь.

– Черный кофе, пожалуй, – сказал Дэвид.

– Я принесу, – сказала девушка и вошла в дом.

Дэвид сел за столик рядом с Кэтрин, она переставила доску с фигурами на стул, провела рукой по его волосам и спросила:

– Ты еще не забыл, что такой же серебристый, как я?

– Забыл, – сказал он.

– Волосы еще выгорят, и я буду все светлее и светлее, а тело – все более смуглым.

– Это будет чудесно.

– Да, и все мои трудности позади.

Хорошенькая темноволосая девушка шла к ним, держа в руках поднос, на котором были розетка с икрой, половинка лимона, ложка и два ломтика жареного хлеба. За ней молоденький официант нес ведро со льдом и бутылкой шампанского и поднос с тремя стаканами.

– Это как раз для Дэвида, – сказала девушка. – А потом мы можем поплавать.

После купания, пляжа и обильного, затянувшегося обеда с бюллингерским Кэтрин сказала:

– Я очень устала и хочу спать.

– Ты много плавала, – сказал Дэвид. – Устроим сиесту.

– Нет, я правда засыпаю, – сказала Кэтрин.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – спросила девушка.

– Да. Только смертельно хочу спать.

– Мы уложим тебя в постель, – сказал Дэвид. – У тебя найдется термометр? – спросил он девушку.

– Нет у меня никакой температуры, – сказала Кэтрин. – Я просто хочу поспать подольше.

Когда Кэтрин легла, девушка принесла термометр, и Дэвид измерил Кэтрин температуру и посчитал пульс. Температура была нормальной, а пульс – сто пять.

– Пульс слишком частый, – сказал он. – Но я не знаю, какой он у тебя обычно.

– Я тоже не знаю, но думаю, слишком частый.

– По-моему, пульс при нормальной температуре не так важен, – сказал Дэвид. – Но если тебя знобит, я привезу доктора из Канн.

– Не нужен мне доктор, – сказала Кэтрин. – Я спать хочу, вот и все. Можно мне поспать?

– Да. Позови меня, если понадобится.

Они постояли, дождались, пока она заснет, а потом тихонько вышли. Дэвид прошел по каменной террасе и заглянул в окно. Кэтрин спала, и дыхание ее было ровным. Он принес два стула и столик, и они сели в тени под окном Кэтрин так, чтобы меж сосен было видно синее море.

– Что скажешь? – спросил Дэвид.

– Не знаю. Сегодня утром она выглядела довольной.

– А сейчас?

– Возможно, это реакция на вчерашнее. Она такая непосредственная, Дэвид, и это так понятно.

– Вчера мне показалось, я люблю кого-то, кого уже нет, – сказал он. – Так нельзя.

Он встал, подошел к окну и заглянул в комнату. Кэтрин спала все в той же позе.

– Она крепко спит, – сказал он девушке. – Может, ты тоже вздремнешь?

– Пожалуй.

– Я пойду к себе в рабочую комнату, – сказал он. – Там есть дверь к тебе, которая запирается с двух сторон.

Он прошел по каменным плитам террасы и, войдя в комнату, отодвинул задвижку со своей стороны двери в смежную комнату. Постоял и подождал, пока не услышал, как отодвинули задвижку с другой стороны, и дверь открылась. Они сели рядом на кровать, и он обнял ее.

– Поцелуй меня, – сказал Дэвид.

– Как приятно целовать тебя, – сказала она. – Мне очень нравится тебя целовать. Но больше ничего нельзя.

– Нет?

– Нет.

Потом она сказала:

– Мне так стыдно, но большего я не могу себе позволить. Ты ведь знаешь, от этого будут одни неприятности.

– Просто полежи рядом.

– Хорошо.

– Делай что хочешь.

– Хорошо, – сказала она. – Ты тоже, пожалуйста. Будем делать только то, что можно.

Кэтрин проспала всю вторую половину дня, чуть не до самого вечера. Дэвид и девушка сидели в баре, и девушка сказала:

– Зеркало они так и не принесли.

– Ты просила старика Ороля?

– Да. Ему эта идея понравилась.

– Может быть, заплатить ему за то, что мы принесли с собой шампанское?

– Я дала ему четыре бутылки и еще две бутылки очень хорошего бренди. С ним все в порядке. Вот мадам могла поднять шум.

– Ты все сделала правильно.

– Я не хочу неприятностей, Дэвид.

– Я вижу.

Официант принес еще льда, и Дэвид, приготовив два мартини, передал один девушке. Официант положил в стакан вымоченные в чесночном соусе оливки и ушел на кухню.

– Пойду взглянуть, как там Кэтрин, – сказала девушка. – Возможно, все образуется само собой?

Ее не было минут десять, и он отпил из ее стакана, а потом решил выпить все, пока мартини не стал теплым. Он поднес стакан к губам и, коснувшись стекла, вдруг почувствовал, что ему приятно пить из ее стакана. Ощущение было вполне отчетливым. «Вот и все, что тебе нужно, – подумал он. – Все, что нужно для полного счастья. Любить обеих. Что произошло с тобой с прошлого мая? В кого ты превратился?» Он снова поднес стакан к губам и испытал то же чувство. «Ну ладно, – сказал он себе, – только не забывай о работе. Работа – это все, что осталось. И нужно пошевеливаться».

Девушка вернулась, и, увидев ее счастливое лицо, он перестал сомневаться в своих чувствах к ней.

– Она одевается, – сказала девушка. – И самочувствие отличное. Правда же, чудесно?

– Да, – сказал он, радуясь за Кэтрин, как обычно.

– А где мой мартини?

– Я выпил, – сказал он. – Потому что это был твой мартини.

– Правда, Дэвид? – Она зарделась счастливым румянцем.

– На большее моего красноречия не хватает, – сказал он. – Вот, я приготовил тебе еще.

Она пригубила мартини и, тронув краешек стакана губами, передала ему. Он повторил ее движение и сделал большой глоток.

– Ты восхитительна, – сказал он. – Я люблю тебя.

Глава пятнадцатая

Он услышал, как завели «бугатти», и даже вздрогнул от неожиданности, потому что в том краю, куда перенес его рассказ, автомобилей не было. Он полностью отрешился от всего, кроме рассказа, в который по мере работы вживался все глубже. Он постепенно справлялся с самыми трудными местами, которые раньше доставляли ему более всего беспокойства. Теперь ему все удавалось: описание людей, и природы, и дней, и ночей, и какая была погода. Он продолжал работать и чувствовал такую усталость, точно и правда всю ночь пробирался по испещренной впадинами вулканической пустыне, и солнце настигло его и спутников на полпути, а впереди еще переход через высохшие грязно-серые озера. Он ощущал тяжесть двустволки, которую нес на плече, придерживая рукой дуло, и вкус гальки во рту. За поблескивавшими впадинами пересохших озер он видел далекий голубой склон горы. Впереди не было никого, а за ним тянулась длинная цепочка носильщиков, понимавших, что они вышли в этот район с трехчасовым опозданием.

Конечно, его не было там в то утро; он даже никогда не носил той потрепанной, заплатанной вельветовой, выгоревшей до белизны куртки, со сгнившими от пота подмышками, которую потом снял и отдал своему слуге и брату из племени камба, разделившему с ним вину и ответственность за опоздание; тот вдохнул кислый, уксусный запах, с отвращением тряхнул головой, а потом усмехнулся и, ухватив куртку за рукав, перекинул ее через свое черное плечо, и они двинулись вперед по сухой, запекающейся от грязи дороге, положив стволы ружей не на плечи дулом вперед, а тяжелыми прикладами в сторону носильщиков.

Это был не Дэвид, но, когда он писал, ему казалось, что это о нем, и то же должен почувствовать каждый, кто прочтет рассказ и узнает, что они обнаружили, достигнув склона горы, – если только они его достигнут. А он должен привести их туда не позднее полудня, и тогда тот, кто прочтет рассказ, переживет все, что пережили они, и запомнит это навсегда.

«Все, что открывал твой отец, он открывал и для тебя, – думал он, – хорошее, удивительное, плохое, очень плохое, по-настоящему скверное и отвратительное. Как обидно, что человек, умевший так радоваться и горевать, ушел из жизни так, как ушел отец». Воспоминания об отце всегда согревали его, и он знал, что отцу понравился бы рассказ.

Приближался полдень, когда он закончил работать, вышел из комнаты

и пошел босиком по каменным плитам внутреннего дворика к входу в гостиницу. В зале рабочие вешали зеркало на стену за стойкой бара. Месье Ороль и молодой официант стояли рядом, и он, поболтав с ними, отправился на кухню к мадам.

– У вас найдется пиво? – спросил он.

– Mais certainement, Monsieur Bourne,[24](#) – сказала она и достала из холодильного шкафа бутылку холодного пива.

– Я выпью из бутылки, – сказал он.

– Как будет угодно, месье, – сказала она. – Дамы, по-моему, уехали в Ниццу. Месье хорошо работалось?

– Отлично.

– Месье слишком много работает. Нельзя забывать о завтраке.

– Не осталось ли в банке икры?

– Конечно, осталось.

– Я бы съел ложечку-другую.

– Месье такой странный, – сказала мадам. – Вчера запивал икру шампанским. Сегодня пивом.

– Сегодня я один, – сказал Дэвид. – Не знаете, мой велосипед по-прежнему в remise[25](#)?

– Где ж ему быть, – сказала мадам.

Дэвид взял ложечку икры и предложил банку мадам.

– Попробуйте. Это очень вкусно.

– Ну что вы, – удивилась она.

– Бросьте, – сказал ей Дэвид. – Попробуйте. Возьмите с гренком. И выпейте шампанского. Там еще есть.

Мадам взяла ложечку икры, положила ее на оставшийся после завтрака гренок и налила себе стаканчик вина.

– Замечательно, – сказала она. – А остальное давайте спрячем.

– На вас хоть немного подействовало? – спросил Дэвид. – Я съем еще ложечку.

– Ах, месье. Не нужно так шутить.

– Почему? – спросил Дэвид. – С кем же мне шутить, когда все уехали? Если эти красотки вернутся, скажите им, что я на море, хорошо?

– Обязательно. Та, что поменьше, настоящая красавица. Конечно, не так хороша, как мадам.

– Да, недурна, – сказал Дэвид.

– Настоящая красавица, месье, и очень мила.

– Сойдет, пока ничего другого не подвернется, – сказал Дэвид. – Раз уж вы находите ее хорошенькой.

– Месье, – произнесла мадам с глубочайшим укором.
– А что это у нас за архитектурные новшества? – спросил Дэвид.
– Новое зеркало в баре? Какой очаровательный подарок.
– Все кругом так и тают от очарования, – сказал Дэвид. – Сплошь очарование и осетрины яйца. Пожалуйста, попросите прислугу проверить шины, пока я надену что-нибудь на ноги и отыщу кепи.
– Месье любит ходить босиком. Я тоже люблю летом.
– Как-нибудь мы побродим босиком вместе.
– Ну, месье, – сказала она, вложив в эти слова все, что могла.
– Ороль ревнив?
– Sans blague,[26](#) – сказала она. – Я скажу вашим прелестным дамам, что вы на море.

– Спрячьте икру от Ороя, – сказал Дэвид. – А bientôt, chere Madame.[27](#)

– A tout a l'heure, Monsieur.[28](#)

Выехав из отеля на заезженное до блеска черное шоссе, петляющее среди сосен по холмам, он почувствовал, как напряглись мышцы рук и плеч и как уперлись ступни в тугие округлые педали, когда он под палящим солнцем одолевал подъем за подъемом, вдыхая запах сосен и моря, принесенный легким бризом. Он пригнулся вперед, перенес нагрузку на руки и наконец вошел в ритм, который поначалу был неровным, но постепенно установился, когда он миновал стометровые каменные отметки, а потом и первый и второй километровые столбики с красной макушкой. На мысу дорога пошла под уклон вдоль берега моря, и он притормозил, слез с велосипеда, вскинул его на плечо и стал спускаться по тропинке к пляжу. Прислонив велосипед к сосне, от которой в жаркий день пахло смолой, он спустился на прибрежные камни, разделся, положил эспадрильи на шорты, рубашку и кепи и нырнул с камней в глубокое, прозрачное, холодное море. Вода понемногу светлела, когда он плыл к поверхности, и, вынырнув, он потрянул головой, чтобы вода не попала в уши, и поплыл от берега. Он лежал на спине и, покачиваясь на волнах, смотрел на небо и принесенные бризом первые белые облака.

Потом он поплыл назад к бухте и, выбравшись на бурые камни, уселся на солнце, вглядываясь в море. Хорошо было одному, особенно когда удавалось сделать все намеченное на день. Потом, как всегда после работы, подступило чувство одиночества, он стал думать о девушках и затосковал сразу по обеим. Он думал о них, но не о том, что такое любовь – увлечение или долг или что произошло и что ждет их впереди, а просто о том, что ему их недостает. Он скучал по обеим. По каждой в отдельности и обеим

вместе.

Греясь на солнце на камнях и глядя на море, он понимал, что это скверно. «Ни с одной из них ничего хорошего не получится, да и от себя хорошего не жди, – подумал он. – Только не пытайся обвинять тех, кого любишь, или распределять вину между всеми тремя. Не ты, а время назовет виноватых».

Он смотрел на воду и пытался осмыслить случившееся, но ничего не получалось. Хуже всего то, что произошло с Кэтрин. Скверно и то, что ему понравилась другая. Незачем было копаться в собственном сознании, чтобы понять, что он любит Кэтрин, что любить двух женщин плохо и ни к чему хорошему это не приведет. Он еще не понимал, насколько все скверно, но ничего хорошего уже не ждал. «Мы и так связаны, точно три шестерни, вращающие одно колесо, – подумал он, – но на одной из шестерен уже сорвана резьба, и она никуда не годится». Он глубоко нырнул в прозрачную холодную воду, в которой тонула его тоска по кому бы то ни было, и, вынырнув, тряхнул головой, поплыл далеко в море, а потом вернулся к берегу.

Он оделся, не обсыхая, сунул кепи в карман, выбрался на дорогу, сел на велосипед и поехал вверх на невысокий холм. Мышцы бедер ныли без тренировки, но он налег на педали, постепенно набирая темп, точно гонщик и его велосипед слились воедино, превратились в некий живой механизм. Потом он покатыл по крутому спуску вниз свободным колесом, едва касаясь тормозов и не замедляя на поворотах, пронесся по черной, бегущей меж сосен дороге и свернул по тропинке на задний двор гостиницы, откуда было видно поблескивающее из-за деревьев по-летнему синее море.

Девушки еще не вернулись. Он прошел к себе, принял душ, надел свежую рубашку и шорты и вышел в бар, где уже красовалось новое зеркало. Он позвал официанта, попросил принести лимон, нож и лед и показал ему, как делается коктейль «Том Коллинз». Потом сел на табурет у стойки и, глядя на себя в зеркало, поднял высокий стакан. «Не знаю, стал бы я пить с тобой месяца четыре назад», – подумал он. Официант принес «Эклерёр де Нис», и Дэвид стал читать, чтобы скоротать время. Он расстроился, не застав девушек по возвращении, без них было тоскливо, и он начал волноваться.

Когда они наконец вернулись, Кэтрин была очень возбуждена и весела, а Марита подавлена и молчалива.

– Привет, милый, – сказала Кэтрин Дэвиду. – Ты посмотри на зеркало! Они все-таки его повесили. И какое красивое! Только слишком уж

правдивое. Пойду приму душ перед обедом. Извини за опоздание.

– Мы заехали в город и зашли выпить, – сказала девушка Дэвиду. – Прости, что заставили тебя ждать.

– Выпить? – переспросил Дэвид.

Она потянулась к нему, поцеловала и убежала. Дэвид снова принялся за газету.

Когда Кэтрин вернулась, на ней были темно-синяя льняная рубашка, которая так нравилась Дэвиду, и брюки. Она сказала:

– Я надеюсь, дорогой, ты не сердишься. Мы тут ни при чем. А я встретила Жана и пригласила его выпить с нами, он согласился и был очень мил.

– Парикмахер?

– Жан? Разумеется. Какой еще Жан мог встретиться мне в Каннах? Он был просто очарователен и даже спрашивал о тебе. Можно мне martini, дорогой? Я выпила только один.

– Сейчас уже будем обедать.

– Ну хотя бы один, дорогой. Мы только и делаем, что едим.

Дэвид не торопясь готовил два martini, когда вошла девушка. На ней было белое платье из плотной ткани, и выглядела она свежей и бодрой.

– Можно и мне martini, Дэвид? Ужасно жаркий был день. А как ты здесь?

– Оставалась бы дома и ухаживала за ним, – сказала Кэтрин.

– Я сам управился, – сказал Дэвид. – Море было хорошим.

– Какое яркое прилагательное, – сказала Кэтрин. Так и представляешь себе все в красках.

– Извини, – сказал Дэвид.

– Вот еще классное словечко, – сказала Кэтрин. – Объясни своей новой подружке, что такое класс, дендикласс, Дэвид. Это американизм.

– По-моему, я знаю, – сказала девушка. – Это третье слово из «Янки Дудл Денди». Не заводись, Кэтрин.

– Я не заводжусь, – сказала Кэтрин. – Но еще пару дней назад, когда ты заигрывала со мной, это считалось просто денди-класс, а сегодня, если мне хочется пококетничать с тобой, ты делаешь вид, будто я бог знает кто.

– Прости, Кэтрин, – сказала девушка.

– Опять прости-извини, – буркнула Кэтрин.

– Может быть, пообедаем? – сказал Дэвид. – День был жарким, и ты устала:

– Я устала от всех, – сказала Кэтрин. – Пожалуйста, не обращайтесь внимания.

– Не за что извиняться, – сказала девушка. – Я не хотела бы быть занудой. Я не для того здесь осталась.

Она подошла к Кэтрин и поцеловала ее нежно и легко.

– Ну, будь умницей, – сказала она. – Пойдем к столу?

– Разве мы еще не обедали? – спросила Кэтрин.

– Нет, дьяволенок, – сказал Дэвид. – Только собираемся.

Когда обед подходил к концу, Кэтрин, которая, несмотря на некоторую рассеянность, держалась хорошо, сказала:

– Пожалуйста, извините меня, но я должна прилечь.

– Можно мне помочь тебе? – спросила девушка.

– Действительно, я выпила лишнее, – сказала Кэтрин.

– Я тоже вздремну, – сказал Дэвид.

– Нет, пожалуйста, Дэвид. Приходи, когда я засну, если хочешь, – сказала Кэтрин.

Примерно через полчаса девушка вернулась.

– С ней все в порядке, – сказала она. – Но нам нужно быть повнимательнее к ней.

Когда Дэвид вошел в комнату, Кэтрин еще не спала, и он присел на кровать рядом с ней.

– Не думай, я не развалина, просто я выпила лишнее, – сказала она. – Я знаю, я виновата. Я солгала тебе. Как я могла, Дэвид?

– Ты сама не знаешь, что делаешь.

– Нет. Я нарочно. Ты вернешься ко мне? Я не буду тебя терзать.

– Ты и так со мной.

– Если ты вернешься, мне больше ничего не надо. Я буду предана тебе, правда-правда буду. Ты хотел бы этого?

Он поцеловал ее.

– Поцелуй по-настоящему, – сказала она. – Пожалуйста, подольше.

Они плавали в бухте, которую обнаружили в первый день. Дэвид хотел было отправить женщин на море, а сам отогнать старенькую «изотту» в Канны, чтобы отрегулировать тормоза и проверить зажигание. Но Кэтрин уговорила его искупаться с ними, а машиной заняться завтра. После сна она казалась такой счастливой, здоровой и веселой, да еще Марита, взглянув на него серьезно, сказала: «Ну пожалуйста, пошли». Он уступил, довез их до ведущей к бухте тропинки, демонстрируя по дороге, как опасно ездить с такими тормозами.

– Когда-нибудь ты убьешься на этой машине, – сказал он Марите. – Преступление так запустить ее.

– Может быть, купить новую? – спросила она.
– Да нет же! Для начала дай хотя бы тормоза отрегулировать.
– Нам нужна машина побольше, чтобы всем места хватило, – сказала Кэтрин.

– Отличная машина, – сказал Дэвид. – Только повозиться с ней надо как следует. А так в самый раз для тебя.

– Посмотрим, сумеют ли они привести ее в порядок, – сказала девушка. – А если нет, купим такую, как ты захочешь.

Потом они загорали на пляже, и Дэвид лениво предложил:

– Пойдем поплаваем?

– Плесни на меня воды, – сказала Кэтрин. – Я положила кружку в рюкзак. Ой, как хорошо! Можно еще? На лицо, пожалуйста.

Кэтрин осталась загорать, лежа на белом халате, расстеленном на плотном песке, а Дэвид и девушка поплыли в море, за камни у входа в бухту. Девушка плыла первой, но Дэвид догнал ее. Он поймал ее за лодыжку, притянул к себе, обнял, и они поцеловались, стараясь удержаться на воде. Она выскальзывала из его рук и, когда они целовались и тела их были совсем рядом, казалась одного роста с ним и какой-то другой. Марита нырнула, Дэвид отплыл в сторону, и она вынырнула, смеясь. Волосы у нее были гладкие, лоснящиеся, как у тюленя. Тряхнув головой, она снова прижала свои губы к его губам, и они целовались, пока вода не накрыла их обоих. Качаясь на волнах и соприкасаясь телами, они целовались крепко и весело и снова ныряли.

– Теперь я ничего не боюсь, – сказала она. – И ты не должен.

– Не буду, – сказал он.

Они поплыли к берегу.

– Пойди окунись, дьяволенок, – позвал Дэвид Кэтрин. – Перегреешься.

– Хорошо. Пойдем вместе, – сказала она. – Пусть теперь наследница загорает. Сейчас я ее смажу бальзамом.

– Только чуть-чуть, – сказала девушка. – Можно и мне воды?

– Ты и так насквозь мокрая, – сказала Кэтрин.

– Я только хотела попробовать, – сказала девушка.

– Зайди подальше, Дэвид, и зачерпни воды похолоднее, – сказала Кэтрин.

Дэвид медленно вылил прозрачную, холодную воду на голову Мариты, и девушка повернулась на живот, опустив голову на руки. Дэвид и Кэтрин плыли легко, точно морские животные, и Кэтрин сказала:

– Как было бы славно, не будь я сумасшедшей?

– Ты не сумасшедшая.

– Сегодня нет, – сказала она. – По крайней мере сейчас. Поплывем дальше?

– Мы и так далеко заплыли, дьяволенок.

– Ладно. Повернем к берегу. Но там, на глубине, вода кажется такой прекрасной.

– Хочешь, поплывем под водой перед тем, как возвращаться?

– Только раз, – сказала она. – Тут, где поглубже.

– Будем плыть насколько хватит сил, так, чтобы во время вынырнуть.

Глава шестнадцатая

Он проснулся, когда рассвело уже настолько, что были видны стволы сосен, и тихонько, стараясь не потревожить Кэтрин, поднялся, нашел шорты и пошел вдоль всей гостиницы по мокрым от росы плитам к рабочей комнате. Открывая дверь, он почувствовал легкое дуновение ветра с моря, обещавшее жаркий день.

Когда он сел за стол, солнце еще не взошло, и ему показалось, что он немного наверстал время, упущенное им в рассказе. Но как только он перечитал написанные его аккуратным, разборчивым почерком строки и слова перенесли его в другую страну, ощущение это исчезло, и ему снова предстояло решать ту же задачу. Когда солнце поднялось из-за моря, он этого даже не заметил, потому что уже давно пробирался по солнцепеку через грязно-серые, высохшие, потрескавшиеся озера и ботинки его побелели от солончаковой пыли. Солнце обжигало голову, шею, спину. Рубашка стала мокрой, и он почувствовал, как пот течет по спине и ногам. Отдыхал он стоя, не двигаясь, и, откинув с плеч рубашку, чувствовал, как солнце быстро сушит ее, оставляя на материи белые солевые разводы. Он видел себя стоящим на этой жаре и знал, что у него нет другого выхода, как только идти вперед.

К половине одиннадцатого он пересек озера и оставил их далеко позади. Он уже вышел к реке и роще фиговых деревьев, где они собирались разбить лагерь. Кора на деревьях была зеленовато-желтая, а ветви – густыми. Дикими фигами питались бабуины, и повсюду на земле валялись обезьяний помет и обкусанные фиги. Пахло гнилью.

Здесь, в рабочей комнате, где он сидел за столом, чувствуя прикосновение бриза с моря, часы показывали половину одиннадцатого, а по-настоящему в рассказе наступил вечер, и он, расчистив себе место под деревом, сидел со стаканом виски с водой, опершись спиной о грязно-желтый ствол, и смотрел, как носильщики разделяют тушу антилопы конгони, подстреленную им в первой же заросшей травой болотистой низине, что повстречалась на пути к реке.

«Я оставляю их здесь с мясом, – подумал он, – и что бы ни случилось потом, сегодня вечером в лагере все будут довольны». Он спрятал карандаши и тетради, запер чемодан, вышел из комнаты и прошел по уже сухим и нагретым плитам во внутренний дворик гостиницы.

Девушка сидела за столиком и читала книгу. На ней были полосатая

рыбацкая блуза, теннисная юбка и эспадрильи. Заметив Дэвида, она подняла голову, ему показалось, что она вот-вот зальется румянцем. Но Марита лишь сказала:

– Доброе утро, Дэвид. Хорошо поработал?

– Да, моя прелесть.

Она встала, чмокнула его в щеку.

– Очень рада. Кэтрин уехала в Канны. И велела сказать, что на море с тобой пойду я.

– Она не взяла тебя с собой?

– Нет. Она просила меня остаться. Она сказала, ты очень рано начал работать и, возможно, тебе будет одиноко, когда ты закончишь. Заказать тебе завтрак? Нельзя же постоянно не завтракать.

Девушка ушла на кухню и вернулась с oeufs au plat avec jambon²⁹ и английской горчицей.

– Тебе было трудно сегодня? – спросила она.

– Нет, – сказал он. – Это всегда и трудно, и легко. Идет неплохо.

– Жаль, я не могу помочь.

– Никто не может, – сказал он.

– Но я могу помочь в чем-то другом?

Он хотел было сказать, что ничего другого не существует, но сдержался и сказал лишь:

– Ты и так помогаешь.

Он собрал кусочком хлеба остатки яичницы и горчицы с плоской тарелки и выпил чай.

– Как тебе спалось? – спросил он.

– Очень хорошо, – сказала девушка. – Надеюсь, тебя это не обидит?

– Нет. Ты поступила разумно.

– Может, не будем чопорными? – спросила девушка. – До сих пор все было так просто и хорошо.

– Давай не будем. Забудем все, и чепуху вроде «я не могу, Дэвид» тоже.

– Ну ладно, – сказала она и встала. – Если соберешься купаться, я буду у себя.

Он поднялся следом.

– Пожалуйста, не уходи. Я постараюсь не язвить.

– Ради меня не надо жертв, – сказала она. – О, Дэвид, и как мы только могли затеять такое? Бедняга. Достаётся тебе от женщин. – Она гладила его по голове и улыбалась. – Я возьму купальник, а то вдруг мы захотим поплавать.

– Хорошо, – сказал он. – Я только надену эспадрильи.

Они лежали на песке возле бурого камня, в тени которого Дэвид расстелил пляжные халаты и полотенца, и девушка сказала:

– Иди в море первым, а я потом.

Оторвавшись от нее, он медленно поднялся, пробежал, увязая в песке, по пляжу и отмели, нырнул там, где море стало глубоким и холодным, и поплыл под водой. Вынырнув, он сначала поплыл навстречу ветру, а потом повернул к берегу, где, стоя по пояс в воде, его ждала Марита. Ее темные мокрые волосы блестели, и по загорелой коже стекали капли воды. Он крепко обнял ее, и волны разбивались об их тела.

Они поцеловались, и она сказала:

– Вот море все и смыло.

– Пора возвращаться.

– Давай окунемся разок вместе, обнявшись.

Кэтрин еще не вернулась в гостиницу, и Дэвид с Маритой успели принять душ, переодеться, выйти в бар и приготовить мартини. Они видели друг друга в зеркале, и, глядя на Мариту, Дэвид подмигнул ей, чтобы не вешала нос. Девушка покраснела.

– Хочу, чтобы у нас было больше общего, – сказала она. – Того, о чем знаем только я и ты, чтобы я не ревновала.

– Не стоит торопиться, – сказал он. – Потом не распутаеть.

– Я обязательно придумаю что-нибудь, лишь бы ты остался со мной.

– Какая практичная, славная наследница, – сказал он.

– Не нравится мне это прозвище. Я бы поменяла его, ты не против?

– Клички прилипчивы.

– Тем более давай сменим. Неужели тебе нравится?

– Нет... Хайя.[30](#)

– Ну-ка, повтори еще разок?

– Хайя.

– А это хорошо?

– Очень. Так буду звать тебя только я.

– А что это значит?

– Краснеющая девушка. Скромница.

Он крепко прижал ее к себе, и она прильнула к нему и положила голову на его плечо.

– Поцелуй меня, – сказала она.

Кэтрин вернулась взъерошенная, возбужденная, довольная

собственным совершенством.

– Значит, ты все-таки сводила его на море, – сказала она. – Выглядите вы неплохо, хотя и не просохли после душа. Ну-ка покажитесь.

– Покажись-ка лучше ты, – сказала девушка. – Что это за цвет?

– Gendre,³¹ – сказала Кэтрин. – Нравится? Жан экспериментирует с новой краской.

– Великолепно, – сказала девушка.

Волосы Кэтрин смотрелись необычно вызывающе на фоне ее загорелого лица. Она взяла бокал у Мариты и, потягивая мартини, оглядела себя в зеркале, а потом спросила:

– Позабавились на пляже?

– Мы хорошо поплавали, – сказала Марита. – Но не так долго, как вчера.

– Отличный напиток, Дэвид, – сказала Кэтрин. – Мартини у тебя почему-то получается лучше всего.

– Из-за джина, – сказал Дэвид.

– Сделаешь мне?

– Пожалуй, тебе не стоит пить, дьяволенок. Скоро будем обедать.

– А я хочу, – сказала она. – После обеда буду спать. Ужасно устала от этих крашений и перекрашиваний.

– И какого же ты теперь цвета? – спросил Дэвид.

– Светло-пепельная, почти белая, – сказала она. Ты привыкнешь. Я хочу походить так. Посмотрим, как долго продержится этот цвет.

– Будешь совсем светлой? – спросил Дэвид.

– Как обмылок, – сказала она. – Помнишь?

В тот вечер Кэтрин была совершенно неузнаваемой. Когда они вернулись с пляжа, она сидела в баре. Марита задержалась у себя в комнате, а Дэвид прошел в зал.

– Что ты с собой сделала, дьяволенок?

– Смыла шампунем всю эту ерунду, – сказала она. – От нее оставались грязные пятна на подушке.

Выглядела она поразительно – волосы были очень светлые, почти бледно-серебристые, и от этого лицо казалось еще смуглее.

– Ты чертовски красива, – сказал он. – Но лучше бы у тебя были прежние волосы.

– Об этом поздно жалеть. Хочешь, я тебе еще кое-что скажу?

– Конечно.

– С завтрашнего дня я ничего не пью, начинаю учить испанский,

читать и перестая думать только о себе.

– Бог мой, – сказал Дэвид. – У тебя был важный день. Подожди, дай мне только выпить и переодеться.

– Я буду здесь, – сказала Кэтрин. – Надень темно-синюю рубашку, ладно? Из тех, что я купила для нас обоих.

Дэвид не торопясь принял душ и переоделся, а когда вернулся, женщины были в баре, и он пожалел, что не может нарисовать их обеих.

– Я уже рассказала наследнице, что начинаю новую страницу в моей жизни, – сказала Кэтрин. – Я только что ее открыла и хочу, чтобы ты любил Мариту тоже, ты даже можешь жениться на ней, если она согласна.

– Я мог бы на ней жениться в Африке, если бы принял магометанство. Им можно иметь трех жен.

– Как было бы хорошо, если бы все мы могли пережениться, – сказала Кэтрин. – Тогда никто не смотрел бы на нас косо. Ты пошла бы за него, наследница?

– Да, – сказала девушка.

– Очень хорошо, – сказала Кэтрин. – Я так переживала, а оказывается, все просто.

– Ты серьезно? – спросил Дэвид Мариту.

– Да, – сказала она. – Сделай мне предложение.

Дэвид посмотрел на нее. Марита была очень серьезна и возбуждена. Он вспомнил ее лицо с закрытыми от солнца глазами, темную головку на белом махровом халате, расстеленном на желтом песке, на берегу, где они впервые любили друг друга.

– Я сделаю предложение, – сказал он. – Только не в этом чертовом баре.

– Чем тебе не нравится бар? – спросила Кэтрин. – Это наш семейный бар, и зеркало купили мы сами.

– Не говори чепухи, – сказал Дэвид.

– Это не чепуха, – сказала Кэтрин. – Я вполне серьезно. Нет, правда.

– Хочешь выпить? – спросил Дэвид.

– Нет, – сказала Кэтрин. – Я хочу договорить до конца. Посмотри на меня.

Марита опустила голову, а Дэвид посмотрел на Кэтрин.

– Я все обдумала сегодня днем, – сказала она. – Я действительно все обдумала. Я тебе говорила, Марита?

– Говорила.

Дэвид понял, что Кэтрин не шутит и что они договорились о чем-то, чего он не знал.

– Я пока твоя жена, – сказала Кэтрин. – Пусть так. Но я хочу, чтобы и Марита была твоей женой и помогла мне разобраться во всем, а потом она унаследует мое место.

– Почему она должна что-то наследовать?

– Пишут же люди завещания, – сказала Кэтрин. – А тут кое-что поважнее.

– Ну, что скажешь? – спросил Дэвид Мариту.

– Я сделаю все так, как ты захочешь.

– Славно, – сказал он. – Для начала я хотел бы выпить.

– Выпей, пожалуйста, – сказала Кэтрин. – Нельзя, чтобы ты страдал от того, что я ненормальная и не могу определиться. Но ущемлять себя я тоже не стану. Я так решила. Она любит тебя, а ты ее, немножко. Это же видно. Другой такой тебе не найти, а я не хочу, чтобы после меня ты достался какой-нибудь стерве или остался один.

– О чем ты? Выше голову, – сказал Дэвид. – Ты здорова, как лошадь.

– Точка. Так мы и сделаем, – сказала Кэтрин. – Надо только тщательно все обдумать.

Глава семнадцатая

Солнце ярко осветило комнату, и начался новый день. «Пора работать, – сказал он себе. – Все равно ничего не повернешь назад. Только Кэтрин могла бы все изменить, но и она не знает, с какой ноги встанет и на каком она свете. Чувства твои не имеют значения. Лучше садись работать. Только в этом есть какой-то смысл. В остальном его маловато. Тут уж ничто не поможет. Это было ясно с самого начала».

Когда он наконец вернулся к рассказу, солнце уже стояло высоко, и он забыл про обеих женщин. Нужно было представить, о чем думал в тот вечер его отец, сидя возле зеленовато-желтого ствола фигового дерева с эмалированной кружкой виски в руке. Отец легко расправлялся со злом. Не давая ему ни малейшей власти над собой, он обращался со злом точно со старым закадычным приятелем, и зло, нанося удар, не достигало цели. Отец, в отличие от многих знакомых ему людей, был неуязвим, и убить его могла только смерть. В конце концов Дэвид понял, о чем мог думать его отец, и все же не стал писать об этом в рассказе. Он написал лишь о том, что сделал отец, что он чувствовал, и тогда снова вошел в образ, а слова отца, обращенные к Моло, стали его словами. Он хорошо выпался, лежа на земле под деревом, и, проснувшись, слышал, как кашляет леопард. Больше леопарда не было слышно, но он знал, что зверь где-то поблизости, и снова заснул. Леопарда привлек запах мяса, но мяса у них было много, так что беспокоиться было не о чем. Утром, перед рассветом, сидя подле тлеющего костра с чаем в эмалированной кружке с отбитыми краями, он спросил Моло, добрался ли леопард до мяса. Моло ответил: «Ндио»,³² – и тогда он сказал: «Там, куда мы идем, мяса будет вдоволь. Поднимай людей, пора начинать восхождение».

Вот уже второй день как они шли по лесистому, напоминающему парк склону горы, но только теперь, довольный лесом, погодой и пройденным расстоянием, он решил остановиться. Он унаследовал от отца умение забывать о проблемах и не страшиться предстоящего. Он провел в этом горном районе двое суток и еще прошлую ночь, а впереди был еще один день и еще одна ночь.

Когда он оставил этот лес, отец все еще был рядом с ним, и они вместе заперли дверь и прошли через зал к бару.

Он сказал официанту, что не будет завтракать, и попросил принести виски с содовой и утреннюю газету. Время перевалило за полдень, и он

собирался отогнать старенькую «изотту» в Канны для ремонта, но было поздно, и гаражи, должно быть, уже закрывались. Он решил остаться в баре, потому что в такой час отца скорее всего можно было застать именно там, и, хотя Дэвид только что вернулся из горного леса, он уже успел соскучиться по отцу. Небо здесь напоминало небо Африки. Оно было высокое и голубое, с белыми кучевыми облаками. Ему хотелось, чтобы отец был здесь, в этом баре, но, посмотрев в зеркало, он увидел, что рядом с ним никого нет. Он хотел бы задать отцу два вопроса. Отец, совершенно не умеющий управляться с собственной жизнью, всегда давал поразительно дельные советы. Он извлекал их из горькой мешанины прошлых ошибок, приправленной свежими и предстоящими ошибками, и выдавал их точно и метко, как человек, который знает цену всем пророчествам, даже самым страшным, но придает им не больше значения, чем набранным мелким шрифтом предписаниям на билете на трансатлантический пароход.

Дэвид пожалел, что отца не было с ним, но совет он расслышал достаточно хорошо и улыбнулся. Отец мог бы ответить ему и точнее, но Дэвид перестал писать, потому что устал и не мог передать то, что хотел сказать отец. По правде говоря, редко кто мог понять отца, да он порой и сам себя не понимал. Во всяком случае, теперь Дэвид яснее, чем когда-либо, сознавал, почему он откладывал этот рассказ. Прервав работу, он должен постараться забыть о рассказе, иначе он никогда не сможет его закончить.

«Думай о нем только во время работы. Тебе повезло, что рассказ получается, и не нужно его мусолить. Не уважаешь себя, умей по крайней мере уважать свое ремесло. Уж в своем-то деле ты разбираешься. Но рассказ получается страшный».

Он потягивал виски с содовой и смотрел в открытую дверь на летние сумерки. Как обычно, он постепенно приходил в себя после работы, и виски помогало ему. Хотелось бы знать, куда подевались женщины. Они снова задержались, и он надеялся, что на этот раз ничего плохого не случится. В трагики он не годится, особенно после общения с отцом и работы, а после виски ему и вовсе стало не до переживаний.

Каждое утро он просыпался с ощущением радости, пока гнусная реальность дня не вытесняла эту радость, и тогда он принимал новый день с тем же безразличием, что и все предыдущие. Он утратил, или это ему только казалось, способность переживать за себя, и настоящую боль ему могли причинить только чужие беды. Он верил в это, не зная, что ошибается, потому что еще не понимал, насколько может измениться его собственная восприимчивость или окружающие люди. Но так ему было

удобнее. Он вспомнил о девушках, и ему захотелось, чтобы они поскорее вернулись. Поплавать до обеда они уже не успеют, но ему хотелось скорее их увидеть. Он ушел в комнату, принял душ и побрился. Заканчивая бриться, он услышал шум мотора приближающейся машины и неожиданно ощутил какую-то пустоту внутри. Потом раздались их голоса и смех, он натянул чистые шорты и рубашку и вышел, не зная, что его ждет.

Все трое молча выпили по коктейлю и пообедали. Обед был вкусный, но легкий, и они запивали еду тавельским, а когда подали сыр и фрукты, Кэтрин спросила:

– Сказать ему?

– Как хочешь, – сказала девушка. Она взяла свой стакан и сделала глоток.

– Я забыла, что нужно сказать, – сказала Кэтрин. – Мы так долго собирались.

– Может быть, вспомнишь! – сказала девушка.

– Нет. Я все забыла, а жаль, это было замечательно. Дэвид налил себе еще тавельского.

– Нельзя ли по существу? – спросил он.

– Можно по существу, – сказала Кэтрин. – Вчера ты провел сиесту со мной, а потом отправился к Марите, а сегодня ты можешь сразу пойти к ней. Но я сама все испортила, и, может быть, нам провести сиесту всем вместе.

– Это уже будет не сиеста, – буркнул Дэвид.

– Да, наверное, – сказала Кэтрин. – Я сама не знаю, что говорю, но сдерживаться не умею.

В комнате он сказал Кэтрин:

– Ну ее к черту.

– Нет, Дэвид. Она хотела сделать лишь то, о чем я ее попросила.

– А ну ее...

– Это твое дело, – сказала она. – Пойди поговори с ней и, если хочешь, можешь с ней переспать, сделай одолжение.

– Нельзя ли без грубостей?

– Ты сам начал. Я просто вернула подачу, как в теннисе.

– Ну хорошо, – сказал Дэвид. – Что она должна сказать мне?

– То, что хотела сказать я, но забыла. Ну, не злись, а то я тебя не отпущу. Ты необыкновенно хорош в гневе. Иди, пока она тоже не передумала.

– К черту тебя.

– Так-то лучше. Легкомысленным ты мне нравишься больше. Поцелуй

меня на прощание. Тебе пора, а то она вправду все позабудет. Видишь, какая я рассудительная и добрая.

– Ты не добрая и не рассудительная.

– Но я тебе нравлюсь.

– Да.

– Хочешь, открою один секрет?

– Что-нибудь новенькое?

– Старенькое.

– Давай.

– Тебя ничего не стоит совратить, и смотреть на это ужасно забавно.

– Тебе виднее.

– Я пошутила. Никто никого не совращает. Мы просто развлекаемся.

Иди, и пусть она скажет все, пока не забыла. Иди и будь умницей, Дэвид.

Лежа на постели в комнате Мариты, в дальнем конце гостиницы, Дэвид спросил:

– Что, собственно, она хочет?

– Только то, о чем говорила вчера вечером, – сказала девушка. – У нее просто навязчивая идея.

– Ты рассказала ей, что мы были вместе?

– Нет.

– Она все знает.

– На нее подействовало?

– Ей все равно.

– Выпей вина, Дэвид, и отдохни. Мне не все равно, сказала она. – Надеюсь, ты понимаешь.

– Мне тоже, – сказал Дэвид.

Их губы встретились, он ощутил прикосновение ее тела, груди, ее раскрытых губ, и дыхание стало частым...

Глава восемнадцатая

Они лежали на пляже, и Дэвид смотрел на плывущие по небу облака и старался ни о чем не думать. Размышления до добра не доводят, и если бы он поменьше рассуждал, то, возможно, все плохое ушло бы само собой. Девушки о чем-то болтали, но он не прислушивался. Он продолжал смотреть в сентябрьское небо, а когда девушки замолчали, не поворачиваясь к ним, спросил Мариту:

- О чем ты думаешь?
- Ни о чем, – ответила она.
- Спроси меня, – сказала Кэтрин.
- Я догадываюсь, о чем ты думаешь.
- Нет, не догадываешься. Я думала о музее «Прадо».
- Ты была там? – спросил Дэвид Мариту.
- Нет еще.
- Сходим, – сказала Кэтрин. – Когда мы сможем выехать, Дэвид?
- Когда угодно, – сказал Дэвид. – Я только закончу рассказ.
- А ты бы приналег на работу.
- Я так и делаю. Скорее не получается.
- Я не имела в виду скорее.
- А я и не стану торопиться, – сказал он. – Если вам стало скучно, можете ехать вдвоем, а я присоединюсь к вам попозже.
- Я так не хочу, – сказала Марита.
- Не будь глупенькой, – сказала Кэтрин. – Он всего лишь играет в благородство.
- Нет. Вы можете ехать.
- Без тебя нам неинтересно, – сказала Кэтрин. – Сам знаешь. Мы вдвоем в Испании? Не смешно.
- Но ведь он работает, Кэтрин, – заметила Марита.
- Он может писать и в Испании, – ответила Кэтрин. – Мало ли испанских писателей работали в Испании. Будь я писателем, уверена, и мне бы писалось там легко.
- Я могу писать и в Испании, – сказал Дэвид. Когда ты хочешь ехать?
- Черт возьми, Кэтрин, – сказала Марита. – У него же работа в самом разгаре.
- Он уже пишет этот рассказ целых шесть недель, сказала Кэтрин. – Почему бы нам не переехать в Мадрид?

– Я же сказал, мы можем ехать.
– Не смей этого делать, – сказала Марита Кэтрин. – Даже не думай. У тебя совесть есть?

– Кто бы говорил о совести, – сказала Кэтрин.
– Иногда я поступаю по совести.
– Рада за тебя. А теперь постарайся быть вежливой и не вмешивайся, если кто-то хочет сделать лучше для всех.

– Я иду плавать, – сказал Дэвид.
Девушка поднялась и пошла за ним, и, когда они заплыли за камни, Марита сказала:

- Она не в себе.
- Значит, и винить ее не в чем.
- И что же ты собираешься делать? – спросила Марита.
- Закончу рассказ и начну новый.
- А что тогда делать нам?
- Только то, что можно.

Он закончил рассказ за четыре дня. Ему удалось передать то напряжение, которое он испытывал, пока писал, и тем не менее он, как всегда, сомневался: может быть, рассказ не так хорош, как ему кажется? Но холодный рассудок подсказывал, что рассказ получился.

- Как сегодня работалось? – спросила Марита.
- Я закончил.
- Можно прочесть?
- Если хочешь.
- Ты правда не против?
- Возьми две тетради в чемоданчике.

Он протянул ей ключ, а потом пошел в бар, выпил виски с содовой и просмотрел утреннюю газету. Она вернулась, села неподалеку на высокий стул и стала читать.

Дочитав до конца, она принялась читать снова, а он налил себе еще виски и наблюдал за ней. Когда она прочла рассказ второй раз, он спросил:

- Тебе понравилось?
- Это не может нравиться или не нравиться, – сказала она. – Ведь это о моем отце.
- Да.
- Ты уже не любил его тогда?
- Нет. Я всегда любил его. Просто тогда я наконец узнал его.
- Страшный рассказ и прекрасный.
- Рад, что он тебе понравился, – сказал он.

– Я отнесу тетради, – предложила она. – Люблю ходить к тебе, когда дверь закрыта.

– Она закрыта.

Когда они вернулись с пляжа, Кэтрин была в саду.

– Итак, вы вернулись, – сказала она.

– Да, – ответил Дэвид, – мы отлично поплавали. Жаль, тебя не было.

– Жаль, если ты успел это заметить.

– Где ты была? – спросил Дэвид.

– Ездила в Канны по делу. Вы оба опоздали к обеду.

– Извини, – сказал Дэвид. – Хочешь что-нибудь выпить перед обедом?

– Извини, Кэтрин, – сказала Марита. – Я буду через минуту.

– Ты по-прежнему пьешь до обеда? – спросила Кэтрин Дэвида.

– Да, – ответил он. – Думаю, это не страшно, если много двигаешься.

– Когда я пошла, на стойке стоял пустой стакан из-под виски.

– Да, – сказал Дэвид. – По правде говоря, я выпил пару стаканчиков.

– «По правде говоря», – передразнила его Кэтрин. – Каков аристократ!

– Аристократ? Что-то я не ощущаю себя аристократом. Скорее, туземцем-простофилей.

– Меня раздражает твоя манера говорить, – сказала она. – Твои словечки.

– Понятно, – сказал он. – Не хочешь ли махнуть, пока не принесли жратву?

– Не паясничай.

– Лучшие из клоунов обходятся без слов, – сказал он.

– А кто сказал, что ты лучший? Да, я хотела бы выпить, если тебе не трудно поухаживать за мной.

Он приготовил три мартини, отмерив равные порции в кувшин со льдом.

– Кому третий мартини?

– Марите.

– Твоей потаскухе?

– Кому-кому?

– Потаскухе.

– Наконец-то, – сказал Дэвид. – Никогда не слышал этого слова и думал, так и умру, не узнав, что это такое. Ты великолепна.

– Самое заурядное слово.

– Так-то оно так, – сказал Дэвид. – Но какое же нужно мужество, чтобы произнести его так вот запросто. Ну, дьяволенок, будь умницей. Почему бы не сказать «твоей смуглолицей любовнице»?

Кэтрин взяла стакан и отвернулась.

– И этот шут мне когда-то нравился, – сказала она.

– Попробуем держаться в рамках? – спросил Дэвид. – И ты, и я.

– Нет, – ответила она. – Вот идет твоя – не знаю уж, как назвать, а на вид, как всегда, мила и невинна. Дорогая, скажи мне, Дэвид работал сегодня, перед тем как приложиться к виски?

– Ты работал, Дэвид?

– Я закончил рассказ, – сказал Дэвид.

– Полагаю, Марита его уже прочла?

– Да, прочла.

– А вот я никогда не читала рассказов Дэвида. Не люблю мешать. Я лишь старалась обеспечить ему экономическую возможность писать как можно лучше.

Дэвид сделал глоток и взглянул на нее. Кэтрин была все так же очаровательна, смугла и красива, и светлая, цвета слоновой кости, полоска волос, точно шрам, пересекала лоб. Только глаза стали другими, да еще губы произносили чужие для нее слова.

– По-моему, это очень хороший рассказ, – сказала Марита. – Необычный и, как бы это сказать, *pastorale*.³³ А под конец делается жутко. Мне трудно объяснить. Он по казался мне *manifique*.³⁴

– Что ж, – сказала Кэтрин, – поговорим по-французски. По-французски можно выразить столько необыкновенных чувств.

– Рассказ меня очень взволновал, – сказала Марита.

– Потому что его написал Дэвид или рассказ действительно первоклассный?

– И то и другое, – ответила девушка.

– Что ж, – сказала Кэтрин, – почему бы и мне не прочесть это великое произведение? В конце концов, я его субсидировала.

– Что ты сделала? – спросил Дэвид.

– Возможно, я не точно выразилась. Женившись на мне, ты получил полторы тысячи долларов, да еще твоя книга о сумасшедших летчиках разошлась, не так ли? Правда, ты не сказал мне, сколько заработал. Но и я немало потратилась. Признайся, ты жил поприличнее, чем до женитьбы.

Марита молчала, а Дэвид не отрываясь смотрел на официанта, накрывавшего стол на террасе. Он посмотрел на часы. До обеда оставалось минут двадцать.

– Мне бы хотелось принять душ, если можно, – сказал он...

– Нельзя ли обойтись без этой идиотской фальшивой вежливости? – сказала Кэтрин. – Почему я не могу прочесть рассказ?

– Я писал карандашом и даже не успел переписать. Тебе будет трудно читать его в таком виде.

– Но Марита прочла.

– Хорошо. Прочтешь после обеда.

– Я хочу прочесть рассказ сейчас, Дэвид.

– Я бы не советовал читать его до обеда.

– Он так отвратителен?

– Это рассказ об Африке еще до войны четырнадцатого года. Действие происходит во времена войны Маджи-Маджи, восстание девятьсот пятого года в Танганьике.

– А я и не знала, что ты пишешь исторические романы.

– Оставим это, – сказал Дэвид. – Рассказ об Африке, и мне тогда было около восьми лет.

– Я хочу прочесть его.

Дэвид сел у другого конца стойки и стал бросать кости из кожаной коробочки. Марита села на высокий табурет рядом с Кэтрин, и Дэвид видел, что она следит за выражением ее лица.

– Начало очень хорошее, – сказала Кэтрин. – Хотя почерк у тебя ужасный. Природа великолепна. Особенно тот отрывок, что Марита ошибочно назвала «pastorale».

Она отложила первую тетрадь, и Марита тут же подхватила ее и положила на колени, по-прежнему не спуская с Кэтрин глаз.

Кэтрин читала молча. Она уже прочла половину второй тетради. Затем неожиданно разорвала ее пополам и швырнула на пол.

– Отвратительно, – сказала она. – Гадость какая-то. Вот, значит, каким был твой отец.

– Нет, – сказал Дэвид. – Это только одна его черта. Ты же не дочитала.

– Ни за что не стану дочитывать.

– Я тебя предупреждал.

– Нет. Вы нарочно все подстроили и заставили меня прочесть.

– Дай мне, пожалуйста, ключ, Дэвид. Я спрячу тетради, – попросила девушка. Она подобрала с пола разорванные половинки: Кэтрин разорвала тетрадь по сгибу.

Дэвид дал Марите ключ.

– В школьной тетрадке это выглядит еще отвратительнее, – сказала Кэтрин. – Ты просто чудовище.

– Это было необычное восстание, – сказал Дэвид.

– Тем более странно, что ты взялся писать о нем.

– Я же просил тебя не читать.

Кэтрин заплакала.

– Я тебя ненавижу, – процедила она.

Поздно вечером они лежали в постели у себя в комнате.

– Она уедет, и ты избавишься от меня или упрячешь куда-нибудь, – сказала Кэтрин.

– С чего ты взяла?

– Ты же сам предложил поехать в Швейцарию.

– Мы можем посоветоваться с врачом, если тебя что-то беспокоит. Ничего страшного, все равно что пойти к дантисту.

– Нет. Они упрячут меня. Я знаю. Нам это кажется безобидным, а они решат, что я сумасшедшая. Я знаю, как поступают в таких заведениях.

– Это будет приятное и прекрасное путешествие. По едем через Эксан-Прованс, потом по каналу Сен-Реми и вверх по Роне до Лиона и в Женеву. Зайдем к доктору, получим дельный совет, а заодно и развлечемся в дороге.

– Я не поеду.

– Хороший, толковый врач, который...

– Я не поеду. Ты что, не слышишь? Я не поеду. Не поеду. Обязательно доводить, до крика?

– Ладно. Не думай об этом сейчас. Постарайся уснуть.

– Обещай, что мы не поедем.

– Не поедем.

– Тогда я посплю. Ты будешь работать утром?

– Почему бы и нет?

– Работай хорошо. Я знаю, ты можешь. Спокойной ночи, Дэвид. Ты тоже поспи.

По ночам он долго не мог заснуть. А когда засыпал, видел сны об Африке. Это были хорошие сны, и однажды он даже проснулся от такого сна и тут же сел работать. К тому времени, когда рассвело, он написал приличный кусок нового рассказа и даже не заметил, каким красным было в то утро солнце. В рассказе он ждал появления луны и ощущал, как становится дыбом шерсть собаки, когда он гладил ее, стараясь успокоить, и они вместе всматривались и вслушивались в темноту, пока не взошла и не разбросала тени луна.

Он обнял собаку за шею и ощутил ее дрожь. Ночные звуки стихли. Они не слышали слона, Дэвид заметил его, только когда собака повернула голову и плотно прижалась к мальчику. В этот момент их накрыла тень слона, когда тот бесшумно прошел мимо, и легкий ветерок с горы обдал их

его запахом. Запах был сильный, но старческий и кислый, и, когда слон прошел, Дэвид заметил, какой у него длинный, чуть не до самой земли, левый бивень. Они затаились, но слон больше не показывался, и тогда они пустились следом за ним в лунную ночь. Собака бежала сзади и, когда Дэвид останавливался, тыкалась носом ему под коленку. Дэвиду нужно было еще раз взглянуть на самца, и он наконец настиг его у самой кромки леса. Слон уходил в сторону горы и постепенно оказался в полосе ровного ночного ветра. Дэвид подошел так близко, что слон снова заслонил от него луну и обдал кислым запахом старости, но правого бивня Дэвид так и не разглядел. Подходить ближе с собакой было рискованно, и Дэвид отвел ее назад, стараясь держаться в полосе ветра, и заставил собаку лечь за стволом дерева. Дэвид надеялся, что собака послушается и останется на месте, но, как только он направился к темной громаде слона, он снова ощутил под коленкой толчок влажной морды.

Они шли по следу, пока не оказались на поляне. Здесь слон застыл неподвижно и только шевелил огромными ушами. Его тело оставалось в тени, но луна освещала его голову. Дэвид зашел сзади и, осторожно зажав пасть собаки рукой, стараясь не дышать, стал обходить слона справа, так чтобы щекой постоянно чувствовать дыхание ночного ветра и ни в коем случае не оказаться с подветренной стороны от слона, пока не рассмотрел его голову и медленнодвигающиеся уши. Правый бивень был толщиной с бедро Дэвида и загибался до самой земли.

Дэвид с собакой отступили назад, и теперь ветер дул ему в затылок, и они отходили до тех пор, пока не вышли из зарослей к открытому, похожему на парк лесу. Собака бежала впереди и остановилась подле тропы, где они вышли на след слона и где Дэвид оставил охотничьи копыя. Он перекинул перевязанные кожаным ремнем копыя через плечо и, взяв в руки свое любимое, с которым никогда не расставался, направился в сторону шамба. Луна стояла высоко, и он не понимал, почему из деревни не доносится барабанный бой. Что-то случилось, раз его отец был в шамба, а барабан молчал.

Глава девятнадцатая

Они загорали на твердом песчаном пляже в самой маленькой из бухт, куда ездили только вдвоем, и Марита сказала:

– Она не поедет в Швейцарию.

– В Мадрид ей тоже не нужно ехать. Испания не самое подходящее место для расставания.

– У меня такое чувство, точно мы женаты всю жизнь и у нас постоянно какие-то трудности. – Она откинула ему волосы со лба и поцеловала его. – Хочешь поплавать?

– Да. Давай прыгнем с высокого камня. С самого высокого.

– Ты прыгай, – сказала она. – Я поплыву, а ты прыгнешь через меня.

– Хорошо. Только не двигайся, когда я нырну.

– Посмотрим, как точно ты прыгаешь.

Глядя вверх, она видела, как он балансировал, стоя на высоком камне, потом коричневая фигура изогнулась на фоне голубого неба. Дэвид полетел к ней, и вода у нее за спиной поднялась фонтаном из глубины. Дэвид перевернулся в воде, вынырнул прямо перед нею и тряхнул головой.

– Я прыгнул слишком близко, – сказал он.

Они проплыли до входа в бухту и назад, вытерли друг друга насухо и оделись на берегу.

– Тебе правда понравилось, что я прыгнул так близко?

– Очень.

Он поцеловал ее. Кожа у нее была свежая и прохладная и пахла морем.

Кэтрин застала их в баре. Вид у нее был усталый, но держалась она спокойно и просто. За обедом она сказала:

– Я ездила в Ниццу, по дороге остановилась за Вильфранш посмотреть, как входит в порт крейсер, и немножко опоздала.

– Ты приехала почти вовремя, – сказала Марита.

– Но у меня было очень странное ощущение, – сказала Кэтрин. – Краски казались слишком яркими. Даже серые тона. Оливковые деревья просто сверкали на солнце.

– Так бывает при полуденном свете, – сказал Дэвид.

– Нет. Не думаю, – ответила она. – В этом было что-то неприятное. Зато, когда я остановилась посмотреть на корабль, было очень красиво. Правда, он показался мне маленьким и совсем не воинственным.

– Пожалуйста, возьми мясо, – сказал Дэвид. – Ты ведь почти ничего не

ела.

– Прости, – сказала она. – Очень вкусно. Я люблю tournedos³⁵.

– Хочешь что-нибудь вместо мяса?

– Нет. Я поем салат. Можно попросить бутылку «Перье-Жуэ»?

– Конечно.

– Мне всегда нравилось это вино, – сказала она. – Мы пили его, когда были счастливы.

Позже, в комнате, Кэтрин сказала:

– Ты только, пожалуйста, не волнуйся, Дэвид. Но за последнее время мне стало хуже.

– Как хуже? – спросил Дэвид. Он погладил ее по голове.

– Не знаю. Сегодня утром мне вдруг почудилось, что я состарилась и даже время года изменилось. Потом краски стали неестественными. Я расстроилась и подумала, что нужно позаботиться о тебе.

– Ты и так обо всех чудесно заботишься.

– Нет, я должна, но я так устала, да и времени не было. Но я понимаю, это будет унижительно для тебя, если деньги кончатся и тебе придется одалживать, а я из-за своей небрежности ничего не устроила и не оформила бумаги. И все из-за моей несобранности. И потом я очень боюсь за твою собаку.

– Мою собаку?

– Да, ту, что осталась в рассказе, в Африке. Я пошла в твою комнату посмотреть, не нужно ли тебе чего-нибудь, и прочла рассказ. Вы с Маритой говорили о чем-то в соседней комнате. Но я не слушала. Ты оставил ключи в шортах, когда переодевался.

– Я написал только половину рассказа.

– Прекрасный рассказ, – сказала она. – Но мне страшно. Слон ведет себя так странно, и твой отец тоже. Он мне и раньше не нравился, зато собака мне нравится больше всех, конечно, не считая тебя, Дэвид, и я так боюсь за нее.

– Отличная была собака. Зря ты за нее боишься.

– Можно, я прочту, что с ней случилось сегодня?

– Конечно. Если хочешь. Но сейчас она в шамба, и можно о ней не беспокоиться.

– Раз она в безопасности, я подожду читать. Кибо. Какое славное имя.

– В Африке есть такая гора. А другая ее часть называется Мавензи.

– Ты и Кибо. Я так вас люблю. Вы так похожи.

– Тебе получше, дьяволенок?

– Наверное, – сказала Кэтрин. – Я надеюсь. Но надолго ли? Сегодня

утром за рулем мне было так хорошо, и вдруг я почувствовала себя старухой, такой дряхлой, что все стало безразлично.

– Ну какая ты старуха?

– Нет, старуха. Дряхлее одежды, оставшейся после моей матери, и я не переживу твою собаку. Даже в рассказе.

Глава двадцатая

Закончив писать, Дэвид почувствовал пустоту и усталость, а все потому, что не сумел вовремя поставить точку. Правда, в то утро это было не так важно. Там, в Африке, начался самый изнурительный день, и, как только они взяли след, он сразу же понял, как устал. Поначалу он держался молодцом и был в лучшей форме, чем двое мужчин, и даже нервничал от того, что преследование шло очень медленно, а отец ровно каждый час устраивал привал. Казалось, он мог бы идти много быстрее, чем Джума и отец, но, когда Дэвид стал уставать, они продолжали идти, не сбавляя темп, и даже в полдень отдыхали только положенные пять минут, а Джума еще прибавил шаг. Возможно, это было не так. Возможно, они шли не быстрее. Но помет стал более свежим, хотя и недостаточно теплым на ощупь. Когда они последний раз наткнулись на кучу помета, Джума дал ему винтовку, но час спустя, взглянув на Дэвида, снова забрал ее. Все время они поднимались вверх по склону горы, но потом следы повернули вниз, и за лесной прогалиной им открылась вражеская местность.

– Вот где будет по-настоящему трудно, Дэви, – сказал отец.

Лишь сейчас, как только он вывел их на следы, отец понял, что Дэвида следовало бы отправить назад в шамба. Джума и раньше так думал. Отец же понял это только теперь, но делать было нечего. Он совершил еще одну ошибку и вынужден был идти на риск. Дэвид увидел огромный, вдавленный, круглый след, оставленный слоном, подметил, где смят папоротник, а где сохнет надломленный стебель цветущего дикого табака. Джума поднял сухой стебель и посмотрел на солнце, затем отдал сломанный стебель отцу Дэвида, и тот растер его на ладони. Заметил Дэвид и поникшие, засыхающие белые цветы, но солнце еще не совсем высушило их стебли, и лепестки не опали.

– Похоже, нам придется туго, – сказал отец. – Пошли.

С наступлением сумерек они все еще пробирались через овраги. Его клонило в сон, и, глядя на взрослых, он понимал, что сейчас главный враг – сонливость, и старался не отстать, сбросить сковывающую его дремоту. Мужчины попеременно прокладывали путь, и тот, кто шел вторым, следил, чтобы Дэвид не потерялся. Когда стемнело, они наспех устроились на ночлег в лесу, и Дэвид заснул, едва коснувшись земли, а проснулся лишь от того, что Джума стягивал с него мокасины и ощупывал ступни ног, проверяя, нет ли волдырей. Отец накрыл Дэвида своей курткой и сидел

рядом, приготовив для него кусок холодного жареного мяса и две галеты. Он дал Дэвиду глотнуть холодного чая из бутылки.

– Слон обязательно остановится где-нибудь попасться, Дэви, – сказал отец. – Ноги у тебя в порядке. Не хуже, чем у Джумы. Поешь не торопясь, выпей еще чая и поспи. У нас все хорошо.

– Прости меня, но мне так хотелось спать.

– Ты и Кибо охотились всю ночь. Еще бы тебе не хотелось спать. Возьми мяса.

– Я не голоден.

– Хорошо. Нам хватит еды дня на три. Завтра снова выйдем к воде. С горы стекает много речушек.

– Куда он идет?

– Кажется, Джума знает.

– Это плохо?

– Не очень, Дэви...

– Я посплю еще, – сказал Дэвид. – Можешь забрать куртку.

– О нас с Джумой не волнуйся, – сказал отец. – Ты же знаешь, я не мерзну во сне.

Отец не успел даже пожелать ему спокойной ночи, как Дэвид заснул. Однажды он проснулся от лунного света и вспомнил о слоне, как тот стоял в лесу, опустив голову под тяжестью бивней. Тогда, ночью, думая о слоне, он вдруг ощутил пустоту внутри, но решил, что это от голода. В последующие три дня он понял, что ошибся.

Работая, Дэвид еще раз пытался представить себе слона в ту ночь, когда он и Кибо увидели его при свете луны. «Может быть, я смогу, – думал Дэвид. – Может быть, смогу». Но, убрав тетради в чемодан и выйдя из комнаты, он подумал: «Нет, не сможешь. Слон был слишком стар, и если бы не твой отец, его убил бы кто-нибудь другой. Тебе остается только рассказать все, как было. Постарайся с каждым днем писать лучше, и пусть теперешние невзгоды помогут тебе понять, как подступает первая грусть. Никогда не забывай того, во что верил, и тогда это останется в твоих произведениях, и ты ничего не предашь. Работа – твое единственное будущее».

За стойкой бара Дэвид нашел бутылку виски и недопитую бутылку холодной минеральной воды, налил себе и пошел на кухню к мадам. Он сказал ей, что собирается в Канны и к обеду не вернется. Мадам поругала его за то, что он пьет натошак, и тогда он попросил что-нибудь из холодных закусок, чтобы отправить их в пустой желудок вместе с виски. Мадам принесла холодного цыпленка, порезала его на тарелке и

приготовила салат из листьев эндивия. Он сходил в бар, налил себе еще виски, вернулся и сел за кухонный стол.

– Не пейте, пока не поели, месье, – сказала мадам.

– Мне это только на пользу, – ответил он. – На фронте во время мессы мы пили виски вместо вина.

– Удивительно, что вы не стали пьяницами.

– Как французы, – сказал он. И они заспорили о питейных традициях французского рабочего класса, и тут мадам с ним согласилась, но, чтобы поддразнить, ехидно заметила, что женщины бросили его навсегда. Он ответил, что обе ему надоели, и спросил, не согласна ли она занять их место. Нет, ответила она, чтобы вызвать какие-то чувства у французенки, да еще южанки, он еще должен доказать, что он действительно настоящий мужчина. Дэвид ответил, что поедет в Канны, там наконец поест как следует, вернется, точно лев, и тогда держитесь все южанки.

Они нежно расцеловались, как подобает любимому постояльцу и brave femme,[36](#) и Дэвид отправился принимать душ, бриться и переодеваться.

После разговора с мадам и душа он повеселел. «Интересно, что бы она сказала, узнав, что происходит на самом деле, – думал он. – После войны многое изменилось, и оба они, и мадам и месье, умели жить и старались идти в ногу с переменами. Мы для них – три постояльца и des gens tres bien.[37](#) А почему бы и нет – доход приносим, не буяним. Русские сюда больше не приезжают, англичане беднеют потихоньку, немцы разорены, и тут появляемся мы, игнорируя заведенные порядки. Но кто знает, может быть, в этом и есть спасение всего побережья. Мы – первооткрыватели летнего сезона, а приезжать сюда летом по-прежнему считается сумасшествием». Он побрил одну щеку и взглянул на себя в зеркало. «Хоть ты и первооткрыватель, – подумал он, внимательно и с отвращением рассматривая в зеркале свои белые, почти серебристого цвета волосы, – но не настолько, чтобы брить лишь пол-лица».

От раздумий его отвлек гул мотора поднимающегося по отлогому склону автомобиля. Он услышал, как зашуршали по гравию колеса и машина остановилась.

В комнату вошла Кэтрин. На голове у нее был шарф, а лицо закрывали темные очки. Она сняла очки и поцеловала Дэвида. Он обнял ее и спросил:

– Ну, как ты?

– Неважно, – ответила она. – Слишком жарко. – Она улыбнулась и положила голову ему на плечо. – Как хорошо дома.

Он вышел, приготовил коктейль «Том Коллинз» и принес его Кэтрин, которая только что приняла холодный душ. Она взяла высокий запотевший

стакан, отпила немного и прижала стакан к гладкой темной коже живота. Потом коснулась стеклом груди и сделала еще глоток, снова прижала холодный стакан к животу.

– Чудесно, – сказала она.

Он поцеловал ее, и она повторила:

– О, как приятно. А я совсем забыла об этом. Почему бы нам не вспомнить все, а?

– Нет.

– И все-таки, – сказала она. – Я вовсе не намерена уступать тебя кому бы то ни было раньше времени. Это слишком глупо.

– Оденься и пойдем, – сказал Дэвид.

– Нет. Я хочу побыть с тобой, как раньше.

– Это как же?

– Сам знаешь. Как ты любишь.

– Как я люблю?

– А так.

– Осторожно, – сказал он.

– Ну, пожалуйста.

– Ладно.

– Помнишь, как это было впервые в Гро-дю-Руа?

– Раз ты хочешь...

– Спасибо, что не упрямишься, потому что...

– Молчи.

– Все как в Гро-дю-Руа, только еще лучше, потому что меня с тобой не было. Пожалуйста, не спеши, не спеши, не спеши...

– Да...

– Тебе хорошо?

– Да.

– Нет, правда?

– Да, раз тебе хорошо.

– О, мне очень хорошо, и тебе... и мне, пожалуйста, не спеши...

– Не буду.

– Да... Так. Пожалуйста, давай вместе. Пожалуйста...

Потом они лежали на простынях, и Кэтрин, касаясь его ступни кончиками пальцев загорелой ноги, оторвалась от его губ и спросила:

– Ты рад, что я вернулась?

– Ты, – произнес он. – Ты вернулась.

– А ты и не надеялся? Еще вчера все было кончено, и вот я снова с

тобой. Ты счастлив?

– Да.

– Помнишь, когда-то я хотела лишь одного – побольше загореть. И вот я – самая смуглая в мире белая женщина.

– И самая белокурая. Ты такого же цвета, как бивни. Так мне всегда казалось. И кожа у тебя такая же гладкая.

– Я счастлива, и я хочу любить тебя, как раньше. Я не отдам тебя ей, ничего не оставив себе. С этим покончено.

– Ну, тут пока не все ясно, – сказал Дэвид. – Но тебе правда лучше, да?

– Правда, – ответила Кэтрин. – Нет больше удрученной, жалкой, страдающей Кэтрин.

– Ты снова славная и очаровательная.

– Все прекрасно, и все изменилось. И мы меняемся, – сказала Кэтрин. – Сегодня и завтра ты мой. Марите принадлежат следующие два дня. Боже, как я голодна. Первый раз за эту неделю я так хочу есть.

Во второй половине дня, после купания, Дэвид и Кэтрин поехали в Канны купить парижские газеты, а потом, перед тем как вернуться домой, сидели в кафе, читали и весело разговаривали.

Переодевшись, Дэвид нашел Мариту в баре за книгой. Это была его книга, которую она еще не читала.

– Хорошо поплавали? – спросила она.

– Да. Заплыли далеко-далеко.

– Ты нырял с камней?

– Нет.

– Очень рада, – сказала она. – Как Кэтрин?

– Лучше.

– Да. Она знает, чего хочет.

– Ты-то как? Все в порядке?

– Все хорошо. Вот читаю.

– Ну и как?

– Скажу послезавтра. Я читаю медленно, чтобы не закончить раньше времени.

– У вас что, сговор?

– Возможно. Но не беспокойся, я не изменила отношения к тебе и к твоей книге...

– Ладно, – сказал Дэвид. – Но мне очень не хватало тебя утром.

– Послезавтра, – сказала она. – И не волнуйся.

Глава двадцать первая

На следующий день, перенесясь в Африку, Дэвид почувствовал себя совсем скверно. Еще утром он понял, что потребность во сне не единственное, что отличает мальчика от мужчины. Первые три часа он чувствовал себя бодрее мужчин, но, когда он попросил у Джумы винтовку 303-го калибра, Джума только покачал головой. Он даже улыбнулся, а ведь Джума был лучшим другом Дэвида и сам научил его охотиться. «Вчера он предложил мне винтовку, – подумал Дэвид. – Но сегодня я чувствую себя куда лучше, чем вчера». Однако к десяти часам он уже понимал, что сегодня ему достанется и, пожалуй, даже больше, чем вчера. Рассчитывать, что он может охотиться наравне с отцом, было так же глупо, как если бы он дерзнул помериться с ним силами в рукопашной. И дело тут не только в том, что они взрослые. Они – профессиональные охотники. Вот почему Джума зря не тратил силы даже на улыбку. Они знали все, что делал слон, молча указывая друг другу на оставленные им следы, и, если прокладывать путь было особенно трудно, отец уступал это Джуме. Когда они остановились у ручья пополнить запасы воды, отец сказал:

– Продержись до конца дня, Дэви. Потом, когда они наконец выбрались из оврагов и стали подниматься по склону в сторону леса, следы слона повернули вправо, к старой, протоптанной стадом тропе. Отец и Джума остановились, что-то долго объясняя друг другу, и, поравнявшись с ними, он увидел, как Джума оглянулся назад на сделанный ими путь, а потом посмотрел на лежавший далеко впереди посреди пустынной местности островок каменистых холмов, так, точно мысленно прочерчивал азимут от островка к вершинам трех далеких голубых холмов на горизонте.

– Джума знает, куда идет, – объяснил отец. – Он и раньше догадывался, пока слон не свернул к оврагам. – Отец посмотрел назад, на овраги, через которые они пробирались весь день. – Добраться туда несложно, но придется подниматься в гору.

Они взбирались в гору до наступления темноты, а потом разбили еще один лагерь далеко от воды. Дэвид подстрелил из рогатки двух турачей из небольшой стаи, пересекавшей тропу перед самым закатом. Птицы гуськом, вразвалочку вышли на старую слоновую тропу, чтобы почистить перья, и когда голыш перебил хребет одной из птиц, она задергалась, забила крыльями, поднимая пыль, другая птица бросилась к ней и стала клевать ее. Дэвид взял еще один камень, натянул резинку, выстрелил и

попал ей в ребра. Как только он подбежал к подбитым птицам, стоя с шумом поднялась в воздух. Джума обернулся, взглянул на Дэвида и на сей раз улыбнулся, а Дэвид подхватил теплых, увесистых, покрытых гладкими перьями птиц и стукнул их о рукоять своего охотничьего ножа.

Устроившись для ночного привала, отец сказал Дэvidу:

– А я и не знал, что турачи забираются так высоко. Ты подстрелил их очень кстати. Молодец.

Джума насадил птиц на палку и зажарил на низком, едва поднимавшемся над углями огне. Пока Джума поджаривал птиц, отец выпил разбавленного виски из металлического колпачка, надевавшегося на фляжку. Потом Джума положил им по грудной части с сердцем, а сам съел обе шейки, спинки и ножки.

– Это очень хорошо, Дэви, – сказал отец. – Теперь нам надолго хватит съестных запасов.

– Мы сильно отстали от слона? – спросил Дэвид.

– Нет, мы почти настигли его, – ответил отец. – Все зависит от того, далеко ли он уходит, когда пасется ночью после восхода луны. Сегодня луна появится на час позже, чем вчера, и на два часа позже, чем в ту ночь, когда ты выследил его.

– Откуда Джуме знать, куда он идет?

– Как-то неподалеку отсюда Джума ранил слона и убил его аскари³⁸.

– Когда?

– Он говорит, лет пять назад, а значит, и сам толком не помнит. Говорит, ты был тогда еще крошкой.

– И с тех пор слон один?

– Джума так считает. Он не встречал его с тех пор.

Только слышал.

– А что, слон очень большой?

– Бивни фунтов по двести. Мне такие не попадались. Джума рассказывает, был один слон еще крупнее нашего и тоже из этих мест.

– Пожалуй, я посплю, – сказал Дэвид. – Может быть, завтра мне будет легче.

– Ты держался молодцом, – сказал отец. – Я гордился тобой. И Джума тоже.

Проснувшись среди ночи после восхода луны, Дэвид не сомневался, что гордиться им было рано, ну разве чуть-чуть, за его проворство с птицами. Он выследил слона ночью, убедился, что оба бивня на месте, и навел мужчин на его следы. За это они, несомненно, благодарны ему. Но как только началось изнурительное преследование, Дэвид только мешал и

мог испортить все дело, как Кибо той ночью, когда он слишком близко подошел к слону. Дэвид понимал, что они злятся на себя за то, что вовремя не отправили его назад. Бивни слона весили по двести фунтов каждый. Должно быть, на слона охотились с тех самых пор, как его бивни выросли до необычных размеров, и вот теперь они втроем убьют его. Они наверняка убьют его, потому что он, Дэвид, сумел продержаться до ночи, хотя уже в полдень совершенно выбился из сил. Возможно, и за это они тоже были ему благодарны. Но для преследования Дэвид был только обузой, и без него они бы управились намного быстрее. Как часто днем он жалел, что предал слона, а к вечеру даже подумал, что лучше бы он вовсе не встречал его. Проснувшись ночью, он понял, что это неправда.

Все утро, работая над рассказом, Дэвид пытался вспомнить, что он чувствовал и что же произошло в тот день. Самое трудное было точно передать его ощущения – такими, какими они были тогда, без налета более поздних переживаний. Детали природы он помнил отчетливо и ясно, как и утро того дня, пока не приступил к описанию длительного, изнуряющего перехода, но и это ему удалось. Передать отношение к слону было сложнее, и, возможно, ему придется отложить работу на время, чтобы суметь точно рассказать, что он чувствовал, и не позже, а именно в тот день. Дэвид вспомнил, что он тогда испытывал, но он слишком устал, чтобы точно передать это чувство в рассказе.

Он думал об охоте и мысленно продолжал жить в рассказе даже тогда, когда запер чемодан, вышел из комнаты и направился по выложенной каменными плитами дорожке к террасе, где под сосной, повернувшись лицом к морю, сидела Марита. Она читала и не могла слышать шагов его босых ног. Увидев ее, Дэвид обрадовался, но потом вспомнил об их нелепом уговоре и ушел в свою комнату. Кэтрин не было, и он вернулся на террасу поговорить с Маритой. Он по-прежнему жил той, настоящей, жизнью, которую оставил в рассказе об Африке, а все окружающее казалось неестественным и фальшивым.

– Доброе утро, – сказал он. – Ты не видела Кэтрин?

– Она куда-то уехала, – ответила девушка. – И велела передать тебе, что вернется.

Неожиданно все стало на свои места.

– Не знаешь, куда она поехала?

– Нет, – сказала девушка. – Она взяла велосипед.

– Бог мой, – сказал Дэвид. – Она же не ездила на нем с тех пор, как мы купили машину.

– Так она и сказала. Она решила вспомнить, как это делается. Ты

хорошо поработал?

– Не знаю. Завтра станет ясно.

– Завтракать будешь?

– Не знаю. Поздновато.

– Лучше поешь.

– Пойду приведу себя в порядок, – сказал он.

Он уже принял душ и начал бриться, когда появилась Кэтрин. На ней были купленная в Гро-дю-Руа блуза и короткие холщовые брюки до колен. Было жарко, и блуза насквозь промокла от пота.

– Чудесно, – сказала она. – Только болят мышцы бедер при подъеме в гору.

– Ты далеко заехала, дьяволенок?

– Шесть километров, – сказала она. – Пустяки, но здесь столько подъемов и спусков.

– Страшная жара. Кататься можно разве что ранним утром, – сказал Дэвид. – Но я рад, что ты вспомнила про велосипед.

Она пошла в душ, а когда вернулась, сказала:

– Смотри, какие мы оба смуглые. Как раз такие, как нам хотелось.

– Ты – темнее.

– Ненамного. Ты тоже очень загорел. Посмотри на нас вместе.

Они подошли к высокому зеркалу.

– Ну, как мы тебе? – сказала она. – Очень красиво. Мне нравится.

Она стояла прямо перед ним, и он дотронулся до ее груди.

– Правда, странно, наши мокрые волосы кажутся бесцветными. Тусклыми, как водоросли.

Она взяла расческу и зачесала волосы назад, точно только что вышла из моря.

– Теперь снова буду носить их так. Помнишь, какие у меня были волосы в Гро-дю-Руа и потом, когда мы жили здесь весной.

– Мне нравится, когда они чуть-чуть спадают на лоб.

– А мне так надоело. Но раз тебе нравится... Может быть, поедem в город и позавтракаем?

– Ты еще не ела?

– Хотела подождать тебя.

– Ладно, – сказал он. – Поедем и позавтракаем. Я тоже голоден.

Они отлично позавтракали *café au lait, brioche* с клубничным джемом и *oeufs au plat avec jambon*, а когда поели, Кэтрин спросила:

– Ты не пойдешь со мной к Жану? Я хочу вымыть голову и подстричься.

- Я подожду тебя здесь.
- Ну, пожалуйста, пойдем со мной. Ты же был там раньше, и хуже от этого никому не стало.
- Нет, дьяволенок. Один раз я уступил, но только раз. Это все равно, что сделать татуировку или еще что-нибудь в этом роде. Не уговаривай.
- Но это так важно для меня. Я хочу, чтобы мы были одинаковыми.
- Мы не можем быть одинаковыми.
- Нет, можем, если ты согласишься.
- Я сказал – нет.
- Даже если это – мое единственное желание?
- Если бы!
- Но мне так хочется, чтобы мы были похожи. Ты уже почти такой, как я, осталось совсем чуть-чуть. Море постаралось за нас.
- Пусть оно и дальше старается.
- Но я хочу сегодня же.
- И тогда, надеюсь, ты будешь довольна?
- Я уже довольна, потому что ты соглашаешься. Я счастлива. Я же тебе нравлюсь. Сам знаешь. Считай, что это ради меня.
- Это глупо.
- Нет, не глупо, раз ты делаешь это для меня.
- Очень расстроишься, если я откажусь?
- Не знаю. Наверное, очень.
- Ладно, – сказал он. – Тебе это правда так важно?
- Да, – сказала она. – Спасибо тебе. Это займет не много времени. Я предупредила Жана, что мы зайдем, и он будет ждать.
- Ты всегда так уверена, что я все сделаю для тебя?
- Я знала, что ради меня ты согласишься.
- Но я не хотел. Не надо было уговаривать.
- Тебе же все равно. Пустяк, а зато потом как забавно. О Марите не беспокойся.
- При чем здесь Марита?
- Она сказала, что если ты не сделаешь этого для меня, то, может быть, сделаешь для нее.
- Не выдумывай.
- Да. Она сказала так сегодня утром.

- Жаль, ты не можешь на себя посмотреть, – сказала Кэтрин.
- Слава Богу, не могу.
- Ну, посмотри в зеркало.

– Не хочу.

– Тогда на меня. Ты теперь совсем такой же, хочешь не хочешь. Вот какой ты.

– Это невозможно, – сказал Дэвид. – Я не могу быть похожим на тебя.

– И все же, – сказала Кэтрин, – мы похожи. Лучше, если ты поймешь это поскорее.

– Это невозможно, дьяволенок.

– Все возможно. Сам знаешь. Просто не хочешь на себя посмотреть. Теперь мы оба хороши. Так я была одна, а теперь нас двое. Посмотри на меня.

Дэвид посмотрел в ее глаза, которые так любил, на ее смуглое лицо, на неправдоподобно однотонные, цвета слоновой кости, волосы и, видя, как она счастлива, понял, какую невероятную глупость он совершил.

Глава двадцать вторая

В то утро он боялся, что не сможет продолжить работу над рассказом, и действительно, поначалу у него ничего не получалось. Но в конце концов он заставил себя писать, и вот они снова шли в лесу по следу вдоль старой, проложенной слонами дороги. Дорога была такой вытоптанной, что казалось, будто слоны ходили здесь с тех самых пор, как остыла стекавшая с горы лава, и лес вокруг стоял высокий и густой. Джума преследовал уверенно, и теперь они шли очень быстро. Ни отец, ни Джума не сомневались в успехе, а потому переход по тропе то тёмным лесом, то солнечными прогалинами был несложным, и Джума снова дал ему винтовку 303-го калибра. Но потом они натолкнулись на свежие, еще курившиеся кучи помета и плоские круглые отпечатки, оставленные стадом слонов, вторгшихся на тропу откуда-то слева из леса, и потеряли следы своего слона. Джума, разозлившись, отобрал у него винтовку. Только к полудню им удалось настигнуть стадо и обойти его, слушая и наблюдая из-за деревьев, как шевелятся огромные уши, сворачиваются и вытягиваются, обыскивая кроны, хоботы, трещат сломанные ветви и поваленные деревья, утробно урчат слоны и глухо шлепают о землю кучи помета.

Наконец они обнаружили следы старого самца, и, когда они вывели их на тропу, протоптанную другим слонем, поменьше, Джума усмехнулся, обнажив белый ряд зубов, а отец кивнул головой. Казалось, они знали какую-то скверную тайну, как в ту ночь, когда он нашел их в шамба.

Разгадка не заставила себя долго ждать – они свернули направо в лес, и следы старого самца привели прямо к тому месту, где лежал большой, достающий до груди Дэвида, белый от дождей и солнца череп. Во лбу была глубокая вмятина, и от белых глазниц книзу торчали похожие на трубы две кости, на концах которых, где отрубили бивни, зияли неровные дыры. Джума показал, где стоял, глядя вниз на череп, преследуемый ими гигант, и где он слегка сдвинул череп хоботом с наложенного места, и где его бивни коснулись земли. Он показал Дэвиду круглое отверстие в глубокой вмятине на белой лобной кости и еще четыре близко посаженных отверстия в кости возле ушной раковины. Он усмехнулся, посмотрев на Дэвида и его отца, достал из кармана пулю 303-го калибра и вставил ее острым концом в отверстие лобной кости.

– Сюда Джума ранил большого самца, – сказал отец. Это был его

аскари. А точнее, друг, потому что он тоже был крупным самцом. Он напал первым, и Джума сбил его с ног, а потом прикончил выстрелом в ухо.

Джума показывал на разбросанные кости, и видно было, как ступал между ними большой самец. И Джума, и отец Дэвида были очень довольны своей находкой.

– Как, по-твоему, они с другом долго были вместе? – спросил Дэвид отца.

– Понятия не имею, – ответил отец. – Спроси Джуму.

– Спроси сам, пожалуйста.

Отец немного поговорил с Джумой. Джума посмотрел на Дэвида и рассмеялся.

– Он говорит, возможно, в четыре или пять раз больше, чем прожил ты, – сказал отец Дэвида. – Точно он не знает, да ему и безразлично.

«Мне не безразлично, – подумал Дэвид. – Я видел его при свете луны, и он был совсем один, а со мной был Кибо. У Кибо есть я. Самец никому не причинил вреда, и вот мы настигли его там, куда он пришел навестить своего мертвого друга, и теперь мы собираемся убить и его. Я виноват. Я предал его».

Но Джума уже снова пошел по следу, он подал знак отцу, и они двинулись дальше.

«У отца нет нужды убивать слонов, чтобы заработать на жизнь, – подумал Дэвид. – Если бы я не нашел его тогда, Джума ни за что бы не выследил слона. Он уже охотился на него, но лишь ранил самца и убил его друга. Мы с Кибо обнаружили слона, и я должен был сохранить это в тайне и ничего не говорить им, и пусть бы они накачивались пивом со своими биби39. Джума был так пьян, что мы с трудом разбудили его. Теперь я буду все держать в тайне. Больше я им ничего не скажу. Если они убьют его, проклятый Джума пропьет свою долю слоновой кости или купит себе еще одну жену. Почему ты не помог слону, ведь ты же мог? Нужно было только сказать на следующий день, что ты не можешь идти. Нет, это бы их не остановило. Джума не отказался бы от преследования. Нельзя было ничего говорить им. Нельзя, нельзя было говорить. Заруби себе на носу. Никогда ничего никому не рассказывай. Никому, ничего...»

Отец подождал, пока Дэвид поравняется с ним, и мягко сказал:

– Здесь он отдыхал. Он больше не уйдет далеко. Мы настигнем его в любую минуту.

– К черту охоту на слонов, – очень тихо сказал Дэвид.

– Что? – спросил отец.

– К черту охоту на слонов, – повторил Дэвид.

– Смотри, не испорти все дело, – сказал отец и пристально посмотрел на него.

«Ну и пусть, – подумал Дэвид. – Его не проведешь. Теперь он все понял и не будет мне доверять. И не надо. А я никогда больше ничего не скажу ни ему, ни кому другому. Никогда, никогда, никогда».

В то утро он прервал работу над рассказом об охоте на этом месте. Он понимал, что у него еще не все получилось. Он не сумел рассказать, каким чудовищным показался им череп, когда они наткнулись на него в лесу, и какие туннели прорыли под ним жуки, и как эти туннели открылись им, напоминая брошенные штреки или катакомбы, после того как слон сдвинул череп. Ему не удалось передать, каким большим был участок, на котором лежали белые кости, и как следы слона кружили вокруг места, где был убит его друг; идя по ним, он мог представить себе, как бродил здесь слон и что он видел. Он не рассказал ни о широкой, протоптанной слоном тропе, которая походила на проложенную в лесу дорогу, ни об отполированных до блеска стволах деревьев, о которые чесались слоны, ни о том, как пересекались, напоминая схему парижского метро, тропы других слонов. Он не передал, как темно было в лесу, когда смыкались кроны деревьев, и еще многое другое, о чем надо было рассказать не так, как он помнил, а так, как это было на самом деле. Расстояния не так важны, они остаются такими, как ты их запомнил. Зато передать, как менялось его отношение к Джуме и отцу, к самой охоте, было труднее всего, потому что воспоминания истощили его. Но с усталостью приходило понимание. Работая над рассказом, он постепенно начинал осознавать, что же произошло. Еще надо было передать реальное ощущение отвратительности происходящего, и сделать это он мог, только отказавшись от стилистических красот через описание действительных, запомнившихся ему деталей. Завтра он все поправит и потом будет писать дальше.

Он убрал тетради с рукописью в чемоданчик, запер его, вышел из своей комнаты и прошел вдоль гостиницы туда, где читала Марита.

– Будешь завтракать? – спросила она.

– Пожалуй, лучше выпью что-нибудь.

– Тогда пойдем в бар, – сказала она. – Там прохладнее.

Они сели на высокие табуреты, Дэвид налил виски и разбавил его минеральной водой.

– Что Кэтрин?

– Уехала очень довольная и веселая.

– А ты?

– Счастливая, застенчивая и спокойная.

– Такая застенчивая, что и поцеловать тебя нельзя?

Они обнялись, и он почувствовал, как глубока была его раздвоенность. Работа помогала ему собраться, обрести некий внутренний стержень, который нельзя ни расколоть, ни повредить. Он это знал, в этом и была его сила. Во всем остальном с ним можно было делать что угодно.

Пока официант накрывал на стол, они сидели в баре. И даже здесь и потом за столом под соснами в воздухе чувствовалась первая осенняя прохлада, принесенная бризом с моря.

– Этот холодный ветер дует от самого Курдистана, – сказал Дэвид. – Скоро придет пора экваториальных штормов.

– Сегодня все спокойно, – сказала девушка. – Сегодня нам не о чем беспокоиться.

– Ветра не было с тех пор, как мы познакомились.

– У тебя такая хорошая память?

– Мне кажется, это было еще до войны.

– А я последние три дня была на войне, – сказала девушка. – И вернулась только сегодня утром.

– Я стараюсь о ней не думать, – ответил Дэвид.

– Наконец я прочла про войну, – сказала Марита, – мне только непонятно, что думаешь ты. Из книги это не ясно.

Он налил ей и заново наполнил свой стакан.

– Я сам разобрался только потом, – сказал он. – Поэтому я и не притворялся, что понимаю. Я старался ни о чем не думать, пока шла война. Я лишь чувствовал, наблюдал, действовал и еще решал боевые задачи. Вот почему книга не так хороша. Тогда я еще мало что понимал.

– Книга очень хорошая. Особенно описание полетов и людей.

– Да, у меня хорошо получают люди и всякие технические и тактические детали, – сказал Дэвид. – Поверь, это не болтовня и не бахвальство. Но, Марита, когда человек по-настоящему воюет, ему не до себя. Собственная персона не имеет значения. Стыдно было бы даже думать о себе.

– Но потом все понимаешь?

– Конечно. Но не всегда.

– Можно, я прочту твои записи о нас?

Дэвид подлил в стаканы еще вина.

– И много она тебе рассказала?

– Говорит, что все. Она ведь хорошая рассказчица.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты читала, – сказал Дэвид. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Я писал, еще не зная, что появишься ты. Я не

могу запретить ей рассказывать тебе, но читать все это тебе ни к чему.

– Значит, не нужно?

– По-моему, нет. Но запретить я не могу.

– Тогда я должна сознаться, – сказала девушка.

– Она дала тебе прочесть?

– Да. Она сказала, мне это необходимо.

– Черт бы ее побрал.

– Она не хотела никому зла. В то время она очень переживала.

– Так ты все прочла?

– Да. И это прекрасно. Намного лучше последней книги, а новые рассказы еще лучше.

– И даже часть про Мадрид?

Он посмотрел на нее. Она выдержала его взгляд и, не отводя глаз, медленно произнесла:

– Мне все это очень близко, потому что я отношусь ко всему так же, как ты.

Когда они остались вдвоем, Марита спросила:

– А ты думаешь о ней, когда ты со мной?

– Нет, глупышка.

– Хочешь, чтобы я была такой же, как она? У меня получится.

– Давай помолчим.

– Я все умею лучше, чем она.

– Помолчи.

– Ты можешь не заставлять себя.

– Никто никого не заставляет, но я же с тобой.

Они лежали, крепко обнявшись. Позже, когда их тела лишь едва касались друг друга, Марита сказала:

– Я выйду ненадолго. Ты поспи.

Она поцеловала его и вышла, а когда вернулась, он уже спал. Дэвид хотел дождаться ее, но не смог. Она легла рядом и снова поцеловала его, но он не шелохнулся. Марита тоже попыталась заснуть. Сон не шел, и она еще раз поцеловала Дэвида, едва коснувшись губами, и прижалась к нему. Он повернулся во сне, и голова ее оказалась на уровне его груди.

Полдень выдался прохладный, сиеста затянулась, и Дэвид проснулся поздно. Мариты уже не было рядом, и с террасы доносились женские голоса. Он поднялся, перешел к себе в комнату для работы, а потом на улицу. На террасе никого не было, только официант убирал со стола после чая. Женщин Дэвид нашел в баре.

Глава двадцать третья

Кэтрин и Марита пили шампанское. Обе выглядели свежими и хорошенькими.

– Мне это напоминает свидание с бывшим супругом. Чувствуешь себя жутко искушенной, – сказала Кэтрин. Она держалась необыкновенно весело и непринужденно. – Надо сказать, тебе эта роль подходит. – Она посмотрела на Дэвида с насмешливым одобрением.

– Как он тебе? – спросила Марита, взглянув на Дэвида, и покраснела.

– И краснеть еще не разучилась, – сказала Кэтрин. Ты только посмотри на нее, Дэвид.

– Она прекрасно выглядит, – сказал Дэвид. – И ты тоже.

– На вид ей лет шестнадцать, – сказала Кэтрин. – Итак, она созналась, что прочла твои записи?

– Ты бы могла спросить разрешения, – сказал Дэвид.

– Конечно, могла бы, – сказала Кэтрин. – Но я начала читать и так увлеклась, что решила дать почитать и наследнице.

– Я бы не разрешил.

– Помни, Марита, – сказала Кэтрин, – когда он говорит «нет», не обращай внимания. Это ровным счетом ничего не значит.

– Неправда, – сказала Марита. Она улыбнулась Дэвиду.

– А все от того, что последнее время он не вел свой дневник. Как только он его допишет, ты сама все поймешь.

– С записями покончено, – сказал Дэвид.

– Так нечестно, – сказала Кэтрин. – Я ими жила, и это было наше общее дело.

– Ты не должен бросать, Дэвид, – сказала девушка. – Ты ведь напишешь, правда?

– Она хочет попасть в роман, Дэвид, – сказала Кэтрин. – Да и с появлением темноволосой подружки повествование станет повеселее.

Дэвид налил себе шампанского. Он заметил предупреждающий взгляд Мариты и сказал, обращаясь к Кэтрин:

– Я продолжу писать, как только закончу рассказы. А теперь Расскажи, как ты провела день.

– Прекрасно провела. Принимала решения и строила планы.

– О Боже, – вздохнул Дэвид.

– Вполне невинные планы, – сказала Кэтрин. – Можешь не стонать.

Ты же занимался весь день тем, что тебе нравится. Я очень рада, но и я имею право что-нибудь придумать.

– Ну и что это за планы? – спросил Дэвид с безразличным видом.

– Во-первых, нужно начинать что-то делать для выхода книги. Я собираюсь отдать рукопись перепечатать, все страницы, сколько есть, и позабочусь об иллюстрациях. Мне надо встретиться с художниками и обо всем договориться.

– Ты, должно быть, устала сегодня, – сказал Дэвид. – Надеюсь, ты понимаешь, что прежде чем начать печатать, автор должен закончить рукопись.

– Не обязательно. Мне нужен всего лишь черновой вариант, чтобы показать художникам.

– Понятно. А если я пока не хочу ее перепечатывать?

– Ты что, не хочешь, чтобы книга вышла? А я хочу. Должен же хоть кто-нибудь заниматься настоящим делом.

– Каким же художникам ты хочешь ее отдать?

– Разным. Мари Лоренсен, Пасхину, Дерену, Дюфи или Пикассо. Каждому по кусочку.

– И Дерен сюда же!

– Представь себе картину Лоренсен – Марита и я в машине. Помнишь, когда мы остановились по дороге в Ниццу?

– Об этом никто не написал.

– Так напиши. Наверняка это интереснее и познавательнее, чем писать о куче аборигенов Центральной Африки в краале, или как там это у тебя называется, облепленных мухами и покрытых струпьями. Или о том, как твой подвыпивший папаша, разя перегаром, бродит среди них, гадая, кого из этих маленьких уродцев он породил.

– Ну, началось, – сказал Дэвид.

– Что ты сказал, Дэвид? – спросила Марита.

– Я сказал, благодарю за удовольствие отобедать вместе со мной, – ответил ей Дэвид.

– Почему бы тебе не поблагодарить ее и за все остальное. Должно быть, она сотворила нечто невероятное, раз ты спал как убитый чуть не до вечера. Поблагодари ее хотя бы за это.

– Спасибо, что ты плавала со мной, – сказал Дэвид Марите.

– О, так вы плавали? – сказала Кэтрин. – Как мило.

– Мы заплывали очень далеко, – сказала Марита. – А потом отлично пообедали. А ты хорошо пообедала, Кэтрин?

– Кажется, да, – сказала Кэтрин. – Не помню.

– Где ты была? – мягко спросила Марита.

– В Сен-Рафаэле, – сказала Кэтрин. – Помню, я там останавливалась, но про обед не помню. Вот так всегда, когда я ем одна. Нет, я точно там обедала. Для этого я и остановилась.

– Приятно было ехать назад? – спросила Марита. – День такой чудесный, нежаркий.

– Не помню, – сказала Кэтрин. – Не заметила. Я думала, как быть с книгой, чтобы поскорее издать ее. Мы должны ее издать. Не понимаю, почему Дэвид заупрямился именно теперь, когда я взялась наводить порядок. Последнее время наша жизнь была такой беспорядочной, что мне вдруг стало стыдно за нас.

– Бедняжка, – сказала Марита. – Но зато сейчас ты все спланировала, и тебе легче.

– Да, – сказала Кэтрин. – Я была так счастлива, когда вернулась. Я думала, что обрадую вас, сделав что-то полезное, и вот Дэвид ведет себя так, словно я – идиотка или прокаженная. Что ж делать, если я практична и разумна.

– Знаю, дьяволенок, – сказал Дэвид. – Просто не хотелось вносить путаницу в работу.

– Ты же сам все и запутал, – сказала Кэтрин. – Неужели не видишь? Мечешься туда-сюда, пишешь какие-то рассказы, когда нужно продолжить повесть. Это важно для всех нас. У тебя хорошо получалось, и ты как раз дошел до самого интересного. Должен же хоть кто-нибудь сказать тебе, что твои рассказы всего лишь повод уклониться от настоящего дела.

Марита снова взглянула на него, он понял ее взгляд и сказал:

– Мне нужно привести себя в порядок. Расскажи все это Марите, а я скоро вернусь.

– По-твоему, нам больше не о чем говорить? Прости, я нагрубила тебе и Марите. На самом деле я очень рада за вас.

Дэвид ушел, но даже в ванной, принимая душ и переодеваясь в свежестырированный рыбацкий свитер и брюки, он думал об этом разговоре.

Вечерами становилось довольно прохладно, и Марита ушла в бар и сидела там, листая «Вог».

– Кэтрин пошла прибрать у себя в комнате, – сказала она.

– Как она?

– Откуда мне знать, Дэвид? Теперь она – крупный издатель. С сексом покончено. Он ее больше не интересуется. Говорит, все это глупости. Она даже не понимает, как секс мог вообще занимать ее.

– Вот уж не думал, что этим кончится.

– И не думай, – сказала Марита. – Что бы ни случилось, я люблю тебя, и завтра ты снова будешь писать. Войдя в бар, Кэтрин обратилась к ним нарочито весело: – Вы чудесно смотрите вместе. Я за вас рада. У меня такое чувство, точно это я вас создала. Каков он был сегодня, Марита?

– Мы прекрасно пообедали вместе, – сказала Марита. – Пожалуйста, Кэтрин, не надо так.

– О, я знаю, он хороший любовник, – сказала Кэтрин. – Он во всем такой. Готовит ли мартини, плавает ли, катается ли на лыжах или что там еще, ах да – летает. Ни разу не видела его в самолете. Хотя, говорят, он был великолепен. Должно быть, это что-то вроде акробатики и такая же скука.

– Спасибо, что ты позволила нам провести вместе целый день, – сказала Марита.

– Можете не расставаться до гроба, – сказала Кэтрин. – Если не наскучите друг другу. Вы оба не нужны мне больше.

Дэвид посмотрел на Кэтрин в зеркало и не заметил ничего необычного. Вид у нее был естественный и спокойный. Он отметил, что Марита как-то грустно смотрит на нее.

– Правда, мне пока еще хочется видеть и слышать тебя, если ты не разучился говорить.

– Как поживаешь? – спросил Дэвид.

– Слава Богу, пересилил себя, – сказала Кэтрин. – Очень хорошо.

– Какие у тебя еще планы? – спросил Дэвид. У него было такое ощущение, точно он окликает проходящее судно.

– Только те, которыми я уже поделилась, – ответила Кэтрин. – Думаю, дел мне пока хватит.

– Что ты там болтала о другой женщине?

Он почувствовал, как Марита толкнула его ногой.

– Это не болтовня, – сказала Кэтрин. – Хочу еще попробовать, вдруг я что-то упустила. Всякое бывает.

– Никто не застрахован от ошибок, – сказал Дэвид, и Марита снова толкнула его.

– Рискну, – сказала Кэтрин, – теперь я в этом кое-что понимаю и могу сравнить. За свою темноволосую подружку не бойся. Она совершенно не в моем вкусе. Она – твоя. Тебе нравятся такие, и прекрасно. Это не для меня. Уличные мальчишки меня не интересуют.

– Возможно, я и беспризорник... – сказала Марита.

– Мягко говоря.

– Но я все-таки в большей степени женщина, чем ты, Кэтрин.

– Ну же, покажи Дэвиду, каким ты можешь быть мальчишкой. Ему понравится.

– Он знает, какой я могу быть женщиной.

– Чудненько. Наконец-то оба разговорились. Страсть, как люблю поговорить.

– По правде говоря, ты даже не женщина, – сказала Марита.

– Знаю, – сказала Кэтрин. – Сколько раз я пыталась втолковать это Дэвиду. Правда, Дэвид?

Дэвид молча посмотрел на нее.

– Правда?

– Да, – сказал он.

– Я старалась. В Мадриде я из кожи вон лезла, изображая женщину, и все напрасно. От меня ничего не осталось. Вы – настоящие мужчина и женщина. Настоящие. Вам не надо ни в кого превращаться, и вам от этого не тошно. А мне тошно. И вот я – ничто. Я хотела одного: чтобы Дэвид и ты были счастливы. Все остальное я выдумала.

– Знаю, – сказала Марита, – и я стараюсь объяснить Дэвиду.

– Да, ты стараешься. Только не пытайся хранить мне верность или что-то в этом роде. Не надо. Правда, никто не хранит, да и ты, наверное, тоже. Но я сама прошу тебя, не надо. Я хочу, чтобы ты была счастлива и сделала счастливым его. Ты можешь, я знаю. А я – нет.

– Ты очень хорошая, – сказала Марита.

– Нет. Со мной все кончено, и давно.

– Я виновата, – сказала Марита. – Я вела себя глупо, отвратительно.

– Напротив. Все, что ты сказала, – правда. И давайте прекратим болтать и будем друзьями. Разве нельзя?

– А разве можно? – спросила ее Марита.

– Я бы хотела, – сказала Кэтрин. – И не будем ломать комедию. Пожалуйста, Дэвид, пиши свою книгу столько, сколько хочешь. Знаешь, я хочу только, чтобы ты писал как можно лучше. С этого все у нас началось. Будем считать, что ничего не случилось.

– Ты просто устала, – сказал Дэвид. – И наверное, не обедала.

– Может быть, нет, – сказала Кэтрин. – А может быть, да. Можем мы обо всем забыть и остаться друзьями?

«Итак, мы – друзья, что бы это ни значило», – подумал Дэвид. Он старался не думать, а только отвечать и слушать, замороженный нереальностью происходящего. Он слышал, как они говорили друг о друге, и, конечно же, обе знали, что они думают на самом деле и что рассказывают ему о себе. В этом смысле они действительно были друзьями.

– понимая друг друга, расходились в главном, доверяли друг другу, но подозрениям не было конца, и при этом им было хорошо вместе. Ему тоже было хорошо с ними, но на сегодня хватит.

Завтра он вернется в свою далекую страну, ту, к которой Кэтрин его ревновала, а Марита любила и понимала. Он был счастлив в той, оставшейся в рассказе, стране, но знал, что счастье это не может быть долгим, и ему приходилось отрываться от всего, что он любил, и возвращаться к удушающей пустоте сумасшествия, которое теперь приняло форму неумолимого желания практической деятельности. Он устал и от того, что Марита помогала сопернице. Ему Кэтрин не враг, ну разве что в минуты тех бесплодных, бессмысленных любовных поисков, когда она пыталась стать им и таким образом оборачивалась врагом самой себе.

«Но ей так необходим соперник, что она должна постоянно держать кого-либо возле себя, а ближе и беззащитнее, чем она сама, знающая все слабые и сильные стороны и бреши в нашей обороне, никого нет. Она искусно обходит меня с флангов и вдруг обнаруживает, что это ее же собственный фланг, и последняя схватка всегда в вихре пыли, только пыль эта – наша собственная».

После ужина Кэтрин и Марита решили сыграть в триктрак. Они всегда играли всерьез, и, как только Кэтрин пошла за доской, Марита сказала Дэвиду:

- Пожалуйста, хотя бы сегодня ночью не приходи ко мне.
- Хорошо.
- Ты меня понимаешь?
- Это слово здесь неуместно, – сказал Дэвид. Чем меньше времени оставалось до начала работы, тем суше был его тон.
- Ты сердишься?
- Да, – ответил Дэвид.
- На меня?
- Нет.
- Нельзя сердиться на больных.
- Поживешь с мое, – сказал Дэвид, – поймешь, что только на них и сердятся. Заболеешь сама, тогда поймешь.
- Надеюсь, на меня ты не будешь злиться.
- Лучше бы я вообще вас не знал.
- Пожалуйста, не надо так, Дэвид.
- Ты же знаешь, что это не так. Я лишь настраиваюсь на рабочий лад.

Он ушел в спальню и, включив настольную лампу со своей стороны постели, улегся поудобнее и стал читать одну из книг У. Г. Хадсона. Книга

называлась «Природа холмистых местностей», и он выбрал ее для чтения за самое скучное название. Возможно, чтобы успокоиться, и потому он старался отложить самые интересные на потом. Но, кроме названия, в книге не было ничего скучного. Он читал с удовольствием и незаметно перенесся в лунную ночь, где вместе с Хадсоном и его братом скакал верхом через белые заросли высокого, достающего до груди, чертополоха, но постепенно стук костяшек и приглушенные женские голоса вернули его к реальности. Спустя некоторое время, когда он вышел из комнаты, чтобы приготовить себе виски с содовой и снова уйти читать, они даже показались ему обычными людьми, занятыми обыкновенной игрой, а не персонажами некой невероятной пьесы, в которой и его заставили играть странную роль.

Он вернулся в спальню, почитал еще, не торопясь выпил виски, выключил свет и задремал, когда услышал, как в комнату вошла Кэтрин. Ему показалось, что она долго возилась в ванной, прежде чем лечь рядом, и он, боясь шевельнуться, старался дышать ровно, надеясь, что сможет заснуть.

- Ты не спишь, Дэвид? – спросила она.
- Кажется, нет.
- Не просыпайся, – сказала она. – Спасибо, что лег здесь.
- Я всегда тут сплю.
- Но ведь ты не обязан.
- Я тут сплю.
- Я рада, что ты пришел. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи...
- Ты не поцелуешь меня перед сном?
- Конечно, – сказал он.

Он поцеловал ее, и она показалась ему прежней Кэтрин, такой, какой она время от времени возвращалась к нему.

- Прости, я опять вела себя глупо.
- Не будем об этом.
- Ты меня ненавидишь?
- Нет.
- Мы можем начать все сначала?
- Не думаю.
- Тогда зачем ты здесь?
- Тут мое место.
- Только и всего?
- Я подумал, тебе, должно быть, одиноко.

– Да.

– Нам всем одиноко, – сказал Дэвид.

– Ужасно. Лежать в одной постели и быть одинокими.

– Выхода нет, – сказал Дэвид. – Твои планы, твои затеи – все пустое.

– Но я же еще ничего не сделала.

– Сплошное сумасбродство, с самого начала. Мне надоели безумные затеи. Не только у тебя может лопнуть терпение.

– Я знаю. Но почему бы нам не рискнуть еще раз, а я постараюсь быть послушной. Я смогу. У меня почти получилось.

– Мне все надоело, дьяволенок. Опротивело до мозга костей.

– Ну попробуй еще. Ради нее и ради меня.

– Ничего не выйдет. Надоело.

– Она сказала, что ты прекрасно провел день, был весел и тебя ничто не мучило. Попробуй еще раз, ради нас обоих. Мне так этого хочется.

– Тебе всего очень хочется, а стоит добиться своего – и, конечно, уже на все наплевать.

– На этот раз я вела себя слишком самонадеянно и нагло. Пожалуйста, попробуем еще раз?

– Давай спать, дьяволенок, и не будем об этом.

– Поцелуй меня еще, пожалуйста, – сказала Кэтрин. – Я засну, потому что знаю – ты слушаешь меня. Ты всегда делаешь так, как я прошу, потому что на самом деле хочешь того же.

– Ты думаешь только о себе.

– Неправда, Дэвид. Я – это и ты и она одновременно. Поэтому все так получилось. Ты ведь меня понимаешь, правда?

– Спи, дьяволенок.

– Сейчас. А ты поцелуешь меня еще, чтобы нам не чувствовать себя такими одинокими?

Глава двадцать четвертая

Утром он снова был на дальнем склоне горы. Слон больше не уходил от погони, а бесцельно бродил по окрестностям, останавливаясь время от времени, чтобы попасть, и Дэвид знал, что скоро они его настигнут. Он пытался вспомнить, что он тогда чувствовал. Он еще не полюбил слона. Об этом он должен помнить. Он испытывал только жалость, потому что устал сам и понял, каково приходится старикам. Он был очень молод, но уже смог понять, что значит глубокая старость. Он тосковал без Кибо и, думая о том, как Джума убил друга его – слона, невзлюбил Джуму, а слон стал ему братом. Он понял, как много значила для него та лунная ночь, когда они с Кибо шли за слоном и, настигнув его у лесной прогалины, увидели огромные бивни. Но тогда он еще не догадывался, что больше ничего хорошего его не ждет. Теперь же он понимал, что они убьют слона и он не сможет помешать.

Он предал слона, когда вернулся в деревню и рассказал о нем. «Они убили бы и меня, и Кибо, будь у нас слоновая кость», – подумал он и тут же понял, что это не так. Может быть, слон хочет найти место, где он родился, и они убьют его там. Это все, что им надо для полной удачи.

Еще они хотели бы убить слона там же, где убили его друга. Это было бы забавно. Они были бы очень довольны. Проклятые убийцы друзей.

Они подошли к краю густого леса, и теперь слон был совсем близко. Дэвид почувствовал его запах и слышал треск ветвей. Отец положил руку на плечо Дэвида, чтобы он отошел и подождал в стороне, а потом достал из лежавшего в кармане кисета щепотку пепла и подбросил его в воздух. Падавший пепел слегка отнесло ветром в их сторону, и отец кивнул Джуме и, пригнувшись, пошел за ним в заросли. Дэвид смотрел, как исчезали в зарослях их спины. Они шли совершенно бесшумно.

Дэвид стоял, не шелохнувшись, и слушал, как пасется слон. Он чувствовал его запах, такой же сильный, как в ту лунную ночь, когда он подобрался близко к слону и увидел великолепные бивни. Потом стало тихо, и запах слона больше не доносился до Дэвида. Потом раздался пронзительный вопль, грохот и выстрел из ружья 303-го калибра, и сразу за ним два раскатистых выстрела из отцовской двустволки 450-го калибра, потом снова постепенно стихающий шум и треск сломанных веток. Дэвид кинулся в заросли и увидел Джуму, ошеломленного, с окровавленным лицом, и отца, белого от ярости.

– Он напал на Джуму и сбил его с ног, – сказал отец. – Джума выстрелил ему в голову.

– А ты куда стрелял?

– Куда мог, черт побери, туда и стрелял, – сказал отец. – Ищи эти проклятые следы крови.

Крови было много. Одна яркая струя забрызгала стволы, листья деревьев и кустарник примерно на уровне головы Дэвида, другая, потемнее, с остатками содержимого желудка, брызнула гораздо ниже.

– Ранение в легкие и живот, – сказал отец. – Я надеюсь, черт побери, мы найдем его мертвым или парализованным, – добавил он.

Они нашли его в беспомощном оцепенении, скованного болью и отчаянием. Слон напролом пронесся по служившим ему пастбищем зарослям, пересек участок редкого леса, и Дэвиду с отцом пришлось бежать по залитой кровью тропе. Потом слон снова углубился в густой лес, и внезапно Дэвид увидел его перед собой. Серый и огромный, он стоял, прислонившись к стволу дерева. Поначалу Дэвид видел его только сзади, потом отец выступил вперед, Дэвид пошел за ним, они обошли неподвижного, как корабль, слона, и Дэвид заметил, как струится и стекает по его бокам кровь. Отец поднял ружье и выстрелил, а слон повернул голову, и бивни тяжело и медленно проплыли в воздухе. Когда отец выстрелил второй раз, слон качнулся, точно срубленное дерево, и с шумом рухнул в их сторону. Но он не был мертв. Он был парализован и лежал с перебитой лопаткой. Он был неподвижен, но глаза его не потухли, они смотрели на Дэвида. У слона были очень длинные ресницы, и за всю свою жизнь Дэвид не видел ничего более живого, чем эти глаза.

– Прикончи его выстрелом в ухо, – сказал отец. Ну, давай.

– Стреляй сам, – сказал Дэвид.

Хромая, подошел окровавленный Джума, кожа со лба закрыла его левый глаз, у переносицы была видна кость, ухо надорвано. Он молча взял у Дэвида винтовку, яростно дергая затвор. При первом выстреле глаза снова широко открылись, потом стали стекленеть, и из уха хлынула и потекла по серой морщинистой шкуре кровь. Кровь была не такого цвета, как раньше, и Дэвид подумал, что должен точно все запомнить, и запомнил, только ему это больше не пригодилось. Все величие и красота покинули слона, и он превратился в огромную сморщенную грудку.

– Ну что ж, с ним покончено, Дэви, благодаря тебе, сказал отец. – Теперь разведем костер, и я немного подремонтирую Джуму. Подойди ко мне, горе Шалтай-Болтай. Эти бивни тебе запомнятся.

Джума подошел, усмехаясь, в руке он держал голый хвост слона. Они

отпустили по этому поводу грязную шутку, и отец быстро заговорил на суахили. Он спрашивал, далеко ли вода, сколько потребуется времени, чтобы позвать носильщиков, которые вынесут отсюда бивни, как чувствует себя Джума и что у него, балбеса, сломано.

Послушав, что ответил Джума, отец сказал:

– Мы с тобой вернемся туда, где бросили рюкзаки, когда вошли за слоном в заросли. Джума пока соберет хворост и разведет костер. Медицинские инструменты в моем рюкзаке. Надо вернуться до наступления темноты. Заражение ему не грозит. Это не то что рана от когтей. Пошли.

Отец знал, как переживал Дэвид из-за слона, и постарался в тот вечер и последующие несколько дней если не разубедить сына, то хотя бы помочь ему стать тем же мальчиком, каким он был раньше, до того, пока не возненавидел охоту на слонов. В рассказе Дэвид ничего не писал об этом, он лишь описал все события и свое отвращение и передал ощущение бойни, и то, как отрубали бивни, и как наспех оперировали Джуму, стараясь, за неимением наркотиков, смягчить и сдержать боль то добродушными насмешками, то бранью.

Дэвид лишь вскользь коснулся в рассказе ответственности за убийство слона, подчеркнутой доверительности Джумы и отца, которую он не принял. Он попытался точно передать, как лежал под деревом скованный предсмертной агонией, захлебывающийся кровью гигант, той самой кровью, которую слон так часто видел на своем теле, но раньше кровотечение всегда останавливалось. Теперь же он захлебывался кровью, а огромное сердце все продолжало и продолжало качать ее, пока он следил за подошедшим прикончить его человеком. Дэвид гордился слоном, который все же почуял Джуму и внезапно напал на него. Не выстрели отец, слон убил бы Джуму, швырнув его хоботом на деревья. Слон атаковал, хотя смерть уже впилась в него. Поначалу рана показалась незначительной, пока кровь не заполнила легкие и стало невозможно дышать. В тот вечер, сидя у костра, Дэвид смотрел на Джуму, на шрамы на его лице, видел, как осторожно, чтобы не болели сломанные ребра, он дышит, и думал о том, что слон, возможно, узнал его и потому попытался убить. Хорошо, если это было так. Теперь слон стал его героем, каким долгое время был отец. «Трудно поверить, – думал Дэвид, – что, несмотря на старость и усталость, слон оказался способен на такое. Он бы точно убил Джуму. Но когда он смотрел на меня, в его взгляде не было ненависти. Там была только грусть, такая же, какую чувствовал я сам. И еще: в день гибели он навестил своего старого друга».

«Это история, рассказанная мальчиком», – подумал Дэвид, когда закончил писать. Он перечитал рассказ и заметил все огрехи, которые надо было исправить, чтобы читатель почувствовал, как все было на самом деле, и пометил эти места на полях.

Он помнил, как слон утратил свою величавость, когда потух его взгляд, и как вздулась, несмотря на вечернюю прохладу, туша, когда они с отцом вернулись к нему с рюкзаками. Это был уже не слон, а лишь серая, морщинистая, разбухшая туша с огромными, в коричневых крапинках, желтыми бивнями, из-за которых его убили. На бивнях запеклась кровь, и Дэвид скovyрнул ногтем большого пальца несколько засохших, похожих на застывшие кусочки сургуча капель и положил их в карман рубашки. Это все, что осталось у него на память о слоне, если не считать проснувшегося понимания одиночества.

Вечером у костра, после того как разделали тушу, отец попытался заговорить с ним.

– Он был убийцей, Дэвид, – сказал он. – Джума говорит, никто не знает, сколько людей он погубил.

– Но ведь они все пытались убить его, так?

– Еще бы! – сказал отец. – Такие бивни.

– Тогда как можно назвать его убийцей?

– Ну, как хочешь, – сказал отец. – Жаль, что ты так переживаешь из-за него.

– Жаль, что он не убил Джуму, – сказал Дэвид.

– Ну, это уж слишком, – сказал отец. – Джума – твой друг.

– Уже нет.

– Хотя бы ему не говори.

– Он знает, – сказал Дэвид.

– По-моему, ты несправедлив к нему, – сказал отец, и больше они об этом не говорили.

Позже, когда они благополучно добрались с бивнями до деревни и поставили их, соединив верхние концы, у стены слепленной из веток и глины хижины, и бивни были настолько высокие и толстые, что, даже потрогав их, никто не верил, что такие бывают, и никто, в том числе и его отец, не мог дотянуться до верхней точки в изгибе бивней, когда Джума, и отец, и он сам, и принесшие бивни, подвыпившие и продолжавшие праздновать мужчины стали героями, а Кибо – собакой героя, отец сказал:

– Хочешь помириться, Дэви?

– Ладно, – согласился он, потому что уже решил, что больше он отцу никогда ничего не расскажет.

– Я очень рад, – сказал отец. – Так намного проще и лучше.

Потом их посадили в тени большой смоковницы на предназначенные для старейшин стулья, а бивни по-прежнему стояли у стены хижины, и они пили местное пиво из тыквенных плошек, которое подавали молоденькая девушка и ее младший брат, превратившиеся из надоедливых приставал в слуг героев, и сидели они здесь же, на земле, рядом с отважной собакой героя, а сам герой держал в руках старого петушка, только что повышенного в звании до любимого бойцового петуха героев. Пока они сидели и пили пиво, кто-то ударил в большой барабан и начался нгома⁴⁰.

Он вышел из комнаты, чувствуя себя счастливым, голодным и гордым. Марита ждала его на террасе, греясь под ярким солнцем раннего осеннего утра, о наступлении которого он и не подозревал. Утро было прекрасное, тихое и прохладное. Море внизу было зеркально-гладким, и по ту сторону залива белым изгибом вытянулся город Канны, за которым темнели горы.

– Я очень люблю тебя, – сказал он смуглой девушке, когда она поднялась ему навстречу. Он обнял ее и поцеловал, и она спросила:

– Ты закончил рассказ?

– Конечно, – сказал он. – Почему бы нет?

– Я люблю тебя и страшно горжусь тобой, – сказала она. Обнявшись, они прошли по террасе, глядя на море.

– Как ты? – спросил он.

– Мне очень хорошо, и я счастлива, – сказала Марита. – Ты действительно любишь меня или это просто утро такое хорошее?

– Должно быть, утро, – сказал Дэвид и поцеловал ее еще раз.

– Можно прочесть рассказ?

– Не стоит портить такой день.

– Разреши я прочту, чтобы чувствовать то же, что и ты, а не просто радоваться за тебя, точно я – твоя собачонка.

Он дал ей ключи, и она принесла тетради и прочла рассказ в баре. Дэвид, сидя рядом, перечитывал его вместе с ней. Он понимал, что это плохо и глупо. Раньше он никогда не поступал так, это было против его правил. Но он забыл об этом, как только обнял Мариту и увидел строчки на разлинованной бумаге. Он не мог удержаться, чтобы не прочесть рассказ вместе с ней и не поделиться тем, чем, как ему прежде казалось, нельзя и не следует делиться.

Закончив читать, Марита обняла Дэвида и так крепко поцеловала его, что он почувствовал кровь на губе. Он посмотрел на нее, рассеянно слизнул кровь и улыбнулся.

– Прости, Дэвид, – сказала она. – Пожалуйста, прости. Я так счастлива и так горжусь тобой.

– Тебе понравилось? – спросил Дэвид. – Ты почувствовала аромат шамба, и как пахнет чистотой в хижине, как стерты до блеска стулья старейшин? Знаешь, в хижине очень чисто, земляной пол постоянно подметают.

– Конечно. Ты писал об этом в другом рассказе. Я даже вижу, как держал голову Кибо, твой героический пес. Ты мне тоже понравился. Скажи, у тебя в кармане остались следы крови?

– Да, комочки размякли от пота.

– Пойдем в город и отметим этот день, – сказала Марита. – Сегодня нам все позволено.

Дэвид зашел в бар, налил виски с содовой и взял стакан к себе в комнату, где отпил половину виски и принял холодный душ. Потом он надел брюки, рубашку и alpargatas⁴¹, чтобы ехать в город. Рассказ ему нравился, но еще больше нравилась Марита. И хотя теперь его восприятие снова обострилось, ни рассказ, ни Марита не казались от этого хуже, ясность мысли вернулась без обычной печали.

Кэтрин делает что хочет, и хорошо. Он давно не ощущал себя счастливым и беззаботным. В такой день хорошо летать... Жаль, здесь нет аэродрома, он бы взял напрокат самолет и поднял Мариту в небо и показал ей, как можно радоваться такому дню. Ей бы понравилось. Но аэродрома здесь нет, нечего и мечтать об этом. А было бы здорово. Еще хорошо бы прокатиться на лыжах. Впрочем, это можно осуществить через пару месяцев, если захочется. Как хорошо, что рассказ закончен сегодня и что рядом она, Марита, и нет проклятой ревности к работе, и она понимает, что ты хочешь сказать и что тебе удалось. Она действительно понимает, а не притворяется. «Я люблю ее и призываю в свидетели тебя, виски, и тебя „Перье“, старина, – думал он, – ведь я оставался верен тебе, слышишь? Хорошо, когда на душе легко. Дурацкое ощущение, но вполне соответствует настроению дня».

– Пошли, девочка, – сказал он Марите, остановившись у дверей в ее комнату. – Что тебя задерживает, кроме твоих прелестных ножек?

– Я готова, Дэвид, – сказала она.

На ней были облегающий свитер и брюки, и лицо ее светилось радостью. Она причесала свои темные волосы и посмотрела на Дэвида.

– Как хорошо, когда ты такой веселый.

– Прекрасный день, – сказал он. – И мы с тобой счастливы.

– Ты так думаешь? – спросила она по дороге к машине. – Ты правда

думаешь, что мы будем счастливы?

– Да, – ответил он. – Все изменилось сегодня утром, а может быть, еще ночью.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава двадцать пятая

Когда они вернулись, машина Кэтрин стояла на подъездной аллее, с правой стороны посыпанной гравием дороги. Дэвид поставил «изотту» рядом. Они вышли и молча прошли мимо маленького голубого авто, а потом по выложенной каменными плитами дорожке подошли к гостинице.

Дверь в комнату Дэвида была заперта, а окна открыты. Около своей двери Марита остановилась и сказала:

– До свидания.

– Что будешь делать после обеда? – спросил он.

– Не знаю, – сказала она. – Буду у себя.

Дэвид вернулся назад через внутренний дворик гостиницы и вошел в дом через главный вход. Кэтрин сидела в баре и читала «Геральд». Перед ней на стойке стояли стакан и наполовину пустая бутылка вина. Она подняла на него глаза.

– Изволили вернуться? – спросила она.

– Мы пообедали в городе, – сказал Дэвид.

– Как поживает твоя шлюха?

– Еще не обзавелся.

– Ну как же, а эта, для кого ты пишешь свои рассказы?

– Ах, рассказы.

– Да, рассказы. Жалобные рассказы о твоей юности и папаше, – пьянице и мошеннике.

– Ну, уж мошенником-то он не был.

– А разве он не надул жену и друзей?

– Нет. Только себя самого.

– Какой-то он жалкий в этих твоих зарисовках, на бросках, или, лучше сказать, бессмысленных анекдотах!

– Ты хочешь сказать, в рассказах.

– Ты называешь это рассказами? – спросила Кэтрин.

– Да, – сказал Дэвид и налил себе стакан дивного холодного вина. День стоял ясный и солнечный, и в симпатичной гостинице было чисто, уютно и светло, но все равно вино не смогло согреть его сердце.

– Хочешь, я позову наследницу? – спросила Кэтрин. – А то она еще

решит, что мы забыли, чей сегодня день, или, чего доброго, снова стали пить только вдвоем.

– Незачем звать ее, раз тебе не хочется.

– Нет, позову. Сегодня она заботилась о тебе, а не я. Поверь, Дэвид, я не такая уж дрянь, какой кажусь.

В ожидании возвращения Кэтрин Дэвид выпил еще шампанского и прочел парижское издание «Нью-Йорк геральд», оставленное Кэтрин на стойке бара. В одиночку вино казалось совершенно непонятным на вкус, и он нашел на кухне пробку, чтобы закупорить бутылку и положить ее в холодильник. Но бутылка почему-то была очень легкой, и, посмотрев ее на свет, проникавший через окно, он решил допить остаток вина, а пустую бутылку поставить на плиточный пол. Последний стакан он выпил залпом, но и на этот раз ничего не почувствовал.

Слава Богу, теперь рассказы у него получались. Книга получилась, потому что ему хорошо удались люди, о которых он писал, и еще детали, делавшие книгу правдоподобной. На самом деле ему нужно было только постараться вспомнить всё точно, как было, и решить, что следует опустить, тогда оставшееся обретало форму. Потом он мог, регулируя яркость световых лучей, как в фотокамере, высветить и усилить детали, так, чтобы чувствовался зной и было видно, как поднимается над землей марево. Он знал, что теперь это у него получается.

Слова, сказанные Кэтрин о его рассказах для того, чтобы причинить ему боль, вернули его к воспоминаниям об отце и обо всем, что было связано с ним. «Теперь, – сказал он себе, – постарайся снова стать взрослым и относиться к происходящему, не раздражаясь и не переживая из-за того, что кто-то не понимает и не ценит написанного тобой. Она все меньше и меньше понимает твою работу. Но ты работал на совесть, и, пока можешь писать, ничего тебе не страшно. Помоги ей, а о себе не думай. Завтра нужно еще раз пройти по тексту и отточить рассказ».

Дэвид старался не думать о рассказе. Писать он любил больше всего на свете, а ведь он любил многое. Он понимал, что, работая над произведением, важно не переусердствовать. Осторожнее – словно приоткрываешь дверь темной комнаты ровно на столько, чтобы взглянуть, как проявляется негатив. «Дай рассказу отлежаться, – говорил он себе. – В жизни ты – совершеннейший дурак, но в этом кое-чему научился».

Он стал думать о девушках и не мог решить, стоит ли ему выяснять, чем они собираются заниматься и не хотят ли поехать на море. В конце концов, сегодняшний день принадлежал ему и Марите, и, должно быть, она ждет его. Возможно, день еще неокончательно потерян для всех троих.

Наверное, они уже что-то придумали. Нужно пойти и спросить. «Иди же тогда, – сказал он себе. – Не стой в нерешительности. Пойди разыщи».

Дверь в комнату Мариты была закрыта, но из-за двери были слышны их голоса. Когда Дэвид постучал, голоса смолкли.

– Кто там? – спросила Марита.

Он услышал смех Кэтрин и ее голос:

– Кто бы ты ни был, входи.

Потом что-то сказала Марита, и Кэтрин крикнула:

– Входи, Дэвид.

Он открыл дверь. Девушки лежали в постели, укрывшись простыней.

– Милости просим, – сказала Кэтрин. – Тебя-то нам и не доставало.

Дэвид молча смотрел на девушек, грустную темноволосую и смеющуюся белокурую. Марита пыталась подать ему глазами знак. Кэтрин продолжала хохотать.

– Ну, что же ты не идешь к нам, Дэвид?

– Я зашел спросить: вы пойдете купаться?

– Не хочется, – сказала Кэтрин. – Наследница спала, и я забралась к ней. Но она оказалась очень добропорядочной и попросила меня уйти. Совершенно не желает изменять тебе. Может быть, ты придешь к нам, чтобы мы могли сохранить верность друг другу?

– Нет, – сказал Дэвид.

– Ну, пожалуйста, Дэвид, – сказала Кэтрин. – Не порти такой чудесный день.

– Пойдешь на море? – спросил Дэвид Мариту.

– С удовольствием, – ответила девушка, глядя на него поверх простыни.

– Ну же, вы, пуритане, – сказала Кэтрин. – Будьте умницами. Иди к нам, Дэвид.

– Я хочу плавать, – сказала Марита. – Пожалуйста, выйди, Дэвид.

– Уж и посмотреть на тебя нельзя? – сказала Кэтрин. – Он же видел тебя на пляже.

– Посмотрит в бухте, – сказала Марита. – Пожалуйста, Дэвид, выйди.

Он вышел, не оборачиваясь, и закрыл за собой дверь, слыша, как Марита выговаривала что-то Кэтрин, а та смеялась. Он прошел по каменным плитам террасы до угла гостиницы и стал смотреть на море. Дул легкий бриз. Три французских эсминца и крейсер, черные, четкие силуэты которых были точно выгравированы на голубой поверхности, шли боевым порядком, отрабатывая какой-то маневр. Корабли были далеко в море, и опознать их можно было только по размерам силуэтов. Потом они

прибавили скорость, меняя порядок, и на носовой части обозначились различительные белые полосы. Пока девушки не вышли к нему, Дэвид наблюдал за кораблями.

– Пожалуйста, не дуйся, – сказала Кэтрин.

Они были в пляжных костюмах, и Кэтрин поставила на железный стул сумку с полотенцами и халатами.

– Ты тоже идешь купаться? – спросил Дэвид.

– Если ты не сердишься на меня.

Дэвид промолчал и продолжал смотреть на меняющие курсы корабли. Еще один эсминец резко повернул, показав белую полосу на носовой части. Эсминец задымил, и черный, постепенно расползающийся дымовой плюмаж потянулся за шедшим по флангу кораблем.

– Я пошутила, – сказала Кэтрин. – Мы ведь с тобой и не такое придумывали. Ты и я.

– Что они делают, Дэвид? – спросила Марита.

– Это противолодочный маневр, – сказал он. – Возможно, они работают вместе с подлодками. Наверное, пришли сюда из Тулона.

– Я видела их в Сен-Максиме или Сен-Рафаэле, сказала Кэтрин. – Только вчера.

– Из-за дымовой завесы непонятно, что они делают, – сказал Дэвид. – Должны быть еще корабли, но нам их не видно.

– А вот и самолеты, – сказала Марита. – Какие красивые!

Три крошечных, изящных гидроплана вынырнули из-за мыса и шли низко над морем.

– Помнишь, в начале лета у них были учебные стрельбы, вот был грохот, – сказала Кэтрин. – Стекла дрожали. Как ты думаешь, Дэвид, они будут бросать глубинные бомбы?

– Не знаю. Думаю, нет, потому что в маневрах участвуют настоящие подлодки.

– Я тоже поплаваю, можно, Дэвид, пожалуйста, – сказала Кэтрин. – Я сразу же уйду, и вы останетесь на море совсем одни.

– Я же позвал тебя купаться, – сказал Дэвид.

– И то правда, – сказала Кэтрин. – Позвал. Тогда пошли вместе и будем друзьями, и пусть всем будет хорошо. Если самолеты пролетят низко, летчики непременно увидят нас в бухте, и это поднимет им настроение.

Самолеты действительно пролетели низко над бухтой, пока Дэвид и Марита плавали вдали от берега, а Кэтрин загорала на песке. Самолеты пронеслись над пляжем – три звена по три машины в каждом, и рев

моторов оглушил бухту, а потом стих, и гидропланы ушли в направлении Сен-Максима.

Дэвид и Марита поплыли назад к берегу и сели на песок рядом с Кэтрин.

– Даже не взглянули на меня, – сказала Кэтрин. – Какие деловые ребята.

– А чего ты ждала? Аэрофотосъемки? – спросил Дэвид.

После того как они вышли из гостиницы, Марита вообще мало говорила, и на сей раз она тоже промолчала.

– А забавно было, когда Дэвид еще был со мной, сказала, обращаясь к Марите, Кэтрин. – Помню даже, я любила все, что любил он. И ты должна попробовать полюбить все это. Слышишь, наследница? Правда, если он еще сам не все разлюбил.

– Ты не все еще разлюбил, Дэвид? – спросила Марита.

– Он все променял на свои рассказы, – сказала Кэтрин. – А раньше он сколько всего любил. Надеюсь, тебе нравятся его рассказы, наследница?

– Нравятся, – сказала Марита. Она смотрела мимо Дэвида, куда-то в море, но он видел ее безмятежное лицо, мокрые волосы, шелковистую кожу и красивое тело.

– Это хорошо, – лениво произнесла Кэтрин, так же лениво и глубоко вздохнула и откинулась на халат, расстеленный на еще теплом от полуденного солнца песке. – Потому что это все, на что ты можешь рассчитывать. Раньше он многим увлекался, и у него все великолепно получалось. Замечательная была жизнь, а теперь он думает только об Африке, папаше-пьянице и газетных вырезках. Ох уж эти вырезки. Он тебе их еще не показывал, наследница?

– Нет, – сказала Марита.

– Значит, покажет, – сказала Кэтрин. – Он как-то пытался подсунуть их мне в Ле-Гро-дю-Руа, но я не поддалась. Там были сотни газетных вырезок; и почти все с его фотографией, везде одинаковой. Уж лучше таскать с собой неприличные открытки. По-моему, он перечитывает их, оставшись наедине, и даже изменяет мне с ними. Должно быть, для этого у него и стоит мусорная корзина. Он с ней не расстаётся. Он сам говорил, что для писателя нет ничего важнее...

– Пойдем плавать, Кэтрин, – сказала Марита. – Я что-то замерзла.

– Я хочу сказать, для писателя корзина важнее всего, – сказала Кэтрин. – Я даже думала, не приобрести ли для него что-нибудь этакое, достойное его таланта. Но он никогда не выбрасывает свои произведения в корзину. Он пишет в смехотворных детских тетрадочках и ничего не

выбрасывает. Он только зачеркивает написанное и пишет на полях. Сплошное надувательство. И еще делает орфографические ошибки и грамматические тоже. Ты разве не знала, Марита, что он с грамматикой не в ладах?

– Бедный Дэвид, – сказала Марита.

– Французский, конечно, он знает еще хуже, – сказала Кэтрин. – Ты бы видела, как он пишет по-французски. Диалог еще туда-сюда, нахватался немного. Но, по правде говоря, он абсолютно безграмотный.

– Жуть, – сказал Дэвид.

– И я им восторгалась, – сказала Кэтрин, – пока не обнаружила, что он не в состоянии написать без ошибок даже простой записки. Правда, ты сможешь писать за него по-французски.

– Та queue, [42](#) – весело сказал Дэвид.

– Вот это у него получается, – сказала Кэтрин. – Схватит несколько ходовых жаргонных словечек, которые устаревают еще до того, как он их выучит. С разговорным французским дело обстоит неплохо, но писать на языке он не может. Он и вправду неграмотный, Марита, и ты это еще почувствуешь. Почерк у него тоже отвратительный. Не может ни писать, ни говорить, как порядочный человек, ни на одном языке. Особенно на родном.

– Бедный Дэвид, – повторила Марита.

– Не могу сказать, чтобы я отдала ему лучшие годы, – сказала Кэтрин, – поскольку живу с ним только с марта, но лучшие месяцы – наверняка. Самые интересные месяцы, хочешь не хочешь, и в этом есть и его заслуга. Жаль, все кончилось полным разочарованием. Но что поделаешь, если человек оказывается неграмотным, да еще грешит наедине с мусорной корзиной, набитой вырезками из газет! Кто тут не разочаруется, и, откровенно говоря, я тоже не намерена с этим мириться.

– Возьми вырезки и сожги, – сказал Дэвид. – Это будет самое разумное. А теперь, дьяволенок, не хочешь ли поплавать?

– Как ты догадался, что я это сделала? – спросила она.

– Что сделала?

– Сожгла вырезки.

– Правда, Кэтрин? – спросила Марита.

– Конечно, – сказала Кэтрин.

Дэвид встал и молча посмотрел на нее. Внутри у него все похолодело. Такое ощущение бывает в горах, когда за крутым поворотом дорога неожиданно обрывается и дальше ничего, кроме бездны. Марита тоже встала. Кэтрин смотрела на них, и лицо ее оставалось невозмутимо-

спокойным.

– Пойдем плавать, – сказала Марита. – Мы только до края бухты и обратно.

– Наконец-то вы соизволили пригласить меня, – сказала Кэтрин. – Я уже давно хочу в воду. Становится прохладно. Мы забываем, что уже сентябрь.

Глава двадцать шестая

Они оделись на пляже. Дэвид взял сумку с купальными принадлежностями, и они вскарабкались по крутой тропинке вверх, к сосновому лесу, туда, где оставили старенький автомобиль. Дэвид сел за руль, и к наступлению ранних вечерних сумерек они вернулись в гостиницу. В машине Кэтрин сидела спокойно, и прохожим могло показаться, что они просто возвращаются после полуденного купания с одного из диких пляжей. Когда они оставили машину на подъездной аллее, боевых кораблей уже не было видно, и море за кронами сосен было синее и тихое. Вечер был хороший и свежий, как утро.

Они вошли в гостиницу. Дэвид занес сумку с вещами в кладовую и бросил ее там.

– Дай мне вещи, – сказала Кэтрин. – Их надо просушить.

– Извини, – сказал Дэвид. Он повернулся, вышел из кладовой и прошел в дальнюю комнату, где работал. Войдя в комнату, он открыл чемодан с рукописями. Стопка тетрадей с рассказами исчезла. Вместе с ними исчезли четыре пухлых конверта с газетными вырезками, присланные из банка. Тетради с зарисовками об их путешествии были в целости и сохранности. Он закрыл и запер чемодан, перерыл все ящики в шкафу, перетряхнул все в комнате. Он не верил, что рассказы могли исчезнуть. Он не мог поверить, что она способна уничтожить их. На пляже он вдруг подумал, что она могла бы это сделать, но мысль показалась невероятной, и он сам себе не поверил. Он был спокоен, осмотрителен и сдержан, каким его учили быть в случае опасности, чрезвычайных обстоятельств или катастрофы. Но трудно было предположить, что такое могло произойти.

Он все еще надеялся, что это просто страшная шутка. С замершим, похолодевшим сердцем он снова открыл чемодан, перерыл его, запер и еще раз обыскал комнату.

Не было ни опасности, ни чрезвычайных обстоятельств. Произошла катастрофа. Нет, не может быть. Наверное, она просто спрятала бумаги где-нибудь – в кладовой, в спальне или у Мариты в комнате. Не могла же она на самом деле все уничтожить. Он этого не заслужил. Он все еще не верил в случившееся, но одна мысль об этом вызвала приступ тошноты. Он вышел из комнаты и запер дверь.

Девушки сидели в баре. Марита, едва взглянув на него, сразу поняла,

что произошло. Кэтрин, не поворачиваясь, следила за ним в зеркало.

– Где ты их спрятала? – спросил Дэвид.

Она отвернулась от зеркала и посмотрела на него.

– Не скажу, – ответила она. – Я о них позаботилась.

– Лучше скажи, – сказал Дэвид. – Они очень нужны мне.

– Нет, не нужны, – сказала она. – Никчемные были рассказы. Я их терпеть не могла.

– Ну, а тот, про Кибо? – спросил Дэвид. – Ты ведь любила Кибо. Неужели не помнишь?

– Он тоже должен был погибнуть. Я хотела вырвать рассказ про Кибо, но не нашла его. Впрочем, какая разница, ты же сказал, что он умер.

Дэвид видел, как Марита посмотрела на Кэтрин, отвернулась и снова посмотрела на нее:

– Где ты их сожгла?

– И тебе я ничего не скажу, – сказала Кэтрин. – Ты с ним заодно.

– Ты сожгла их вместе с вырезками? – спросил Дэвид.

– Не скажу. Ты говоришь со мной точно полицейский или учитель в школе.

– Скажи, дьяволенок. Я только хочу знать.

– Я за них заплатила, – сказала Кэтрин. – Благодаря моим деньгам ты мог писать.

– Знаю, – сказал Дэвид. – Это было очень великодушно с твоей стороны. Где ты сожгла их, дьявол?

– Я ничего ей не скажу.

– Хорошо. Скажи только мне.

– Пусть она уйдет.

– Мне действительно лучше уйти, – сказала Марита.

– Вот и хорошо, – сказала Кэтрин. – Ты здесь ни при чем, наследница.

Дэвид сел на высокий табурет напротив Кэтрин. Она следила в зеркало, пока Марита не вышла.

– Где ты сожгла их? – повторил Дэвид. – Теперь можешь сказать.

– Она бы не поняла, – сказала Кэтрин. – Поэтому я попросила ее уйти.

– Знаю, – сказал Дэвид. – Где ты их сожгла?

– В железном ящике с дырочками, в котором мадам сжигает мусор, – сказала Кэтрин.

– Все сгорело?

– Да. Я подлила немного керосина из бидона, который взяла в сарае. Вспыхнуло высокое пламя, и все сгорело. Я сделала это ради тебя, Дэвид, ради всех нас.

– Не сомневаюсь, – сказал Дэвид. – Значит, все сгорело?

– О да. Можно пойти взглянуть, если хочешь, но нет нужды. Бумага прогорела до золы, и я перемешала ее палкой.

– Пойду посмотрю, – сказал Дэвид.

– Но ты вернешься? – спросила Кэтрин.

– Конечно.

Она сожгла их в ящике для мусора, сделанном из старой цилиндрической канистры для бензина, продырявленной в нескольких местах. Золу она перемешала ручкой от метлы, которой и раньше пользовались для этой цели. Бидон с керосином действительно стоял в каменном сарае. В ящике Дэвид нашел несколько обуглившихся кусочков знакомой зеленой обложки от тетрадей, клочки обгоревших газетных вырезок и два почерневших куска розовой бумаги, оставшихся от бланка службы по рассылке вырезок «Ромейке». На одном из них он мог разобрать строчку «Провиденс, Род-Айленд». Золу тщательно перемешали, но если бы у него хватило терпения внимательно перебрать обгоревшие тетради, то наверняка нашлись бы еще уцелевшие клочки. Он разорвал на мелкие кусочки розовую бумажку с надписью «Провиденс, Род-Айленд» и бросил их назад в железный ящик, который поставил вертикально на землю. Дэвид подумал, что никогда не был в Провиденс на Род-Айленд. Он поставил палку на место в каменный сарай, где стоял и его гоночный велосипед, которому надо было бы подкачать шины, прошел через пустую кухню и вернулся в бар к Кэтрин.

– Убедился, что все так, как я сказала? – спросила Кэтрин.

– Да, – сказал Дэвид. Он облокотился на стойку.

– Наверное, достаточно было сжечь только газетные вырезки, – сказала Кэтрин. – Но я решила уничтожить все подчистую.

– Да, ты постаралась, – сказал Дэвид.

– Теперь ты можешь спокойно работать над повестью о нашем путешествии, и тебе ничто не мешает.

– Конечно, – сказал Дэвид.

– Хорошо, что ты рассуждаешь здраво, – сказала Кэтрин. – Ты даже не представляешь себе, какие они были плохие. Я должна была доказать тебе.

– Разве нельзя было сохранить хотя бы рассказ про Кибо? Он же тебе нравился.

– Я же сказала, что пыталась найти рассказ. Но если хочешь написать заново, я могу повторить его слово в слово.

– Любопытно получится.

– Действительно любопытно. Увидишь. Могу пересказать тебе его

прямо сейчас. Начнем, если хочешь.

– Нет, – сказал Дэвид. – Не сейчас. Может быть, ты его запишешь?

– На бумаге у меня ничего не получается. Ты же знаешь. А пересказать могу в любой момент. Ведь другие рассказы тебе ни к чему? Они были совсем никудышные.

– Все-таки зачем ты это сделала?

– Чтобы помочь тебе. Ты поедешь в Африку и напишешь все заново. Теперь ты стал взрослым и сумеешь во всем разобраться. Природа не могла сильно измениться. Впрочем, лучше бы ты написал что-нибудь об Испании. Ты говорил, что природа там напоминает Африку, но зато в Испании говорят на нормальном языке.

Дэвид налил себе виски, отыскал бутылку минеральной воды и долил немного в стакан. Он вспомнил тот день и то место в долине по дороге в Ле-Гро-дю-Руа, когда они набрали в бутылки такой же минеральной воды и как...

– Давай не будем говорить о писательстве, – сказал он Кэтрин.

– Но я хочу, – сказала Кэтрин. – Только о настоящей, нужной работе. У тебя так хорошо получалось, пока ты не начал писать эти рассказы. Отвратительнее всего было читать о грязи, о мухах, о жестокости и зверствах. Ты, похоже, просто погряз в них. А эта ужасная сцена бойни в кратере и бессердечность твоего отца?

– Можно сейчас не говорить об этом? – спросил Дэвид.

– Нет, я буду говорить, – сказала Кэтрин. – Я хочу, чтобы ты понял, почему я должна была их сжечь!

– Напиши все, что хочешь сказать, – сказал Дэвид. Я бы предпочел тебя не слышать.

– На бумаге у меня ничего не получится, Дэвид.

– Получится.

– Нет. Но я могу пересказать их кому-нибудь, кто сможет записать, – сказала Кэтрин. – Если бы ты относился ко мне получше, ты бы сам записал. Если бы ты любил меня, то был бы рад помочь.

– У меня только одно желание – убить тебя, – сказал Дэвид. – И я не делаю этого только потому, что ты – сумасшедшая.

– Ты не смеешь так говорить со мной, Дэвид.

– Неужели?

– Нет. Не смеешь. Не смеешь. Слышишь?

– Слышу.

– Тогда запомни, ты не смеешь говорить мне такое. Не смеешь говорить такие гадости.

– Слышу, слышу, – сказал Дэвид.
– Не смеешь. Я не потерплю. Я разведусь с тобой.
– Буду только рад.
– Тогда я останусь и не дам тебе развода.
– Тоже неплохо.
– Я сделаю с тобой все, что захочу.
– Уже сделала.
– Я убью тебя.
– Наплевать, – сказал Дэвид.
– Даже в такую минуту ты не способен выражаться как джентльмен.
– Интересно, что сказал бы джентльмен в такую минуту?
– Что он сожалеет.
– Ладно, – сказал Дэвид. – Я сожалею... Я сожалею, что встретил тебя.
Я сожалею, что женился на тебе.
– Я тоже.
– Заткнись, будь добра. Расскажи это кому-нибудь другому, кто сможет изложить все на бумаге. Я сожалею, что твоя мать встретила твоего отца и они зачали тебя. Я сожалею, что ты родилась и выросла. Я сожалею обо всем, что мы делали вместе, – и плохом, и хорошем...
– Неправда.
– Ладно, – сказал он. – Заткнусь я. Я не собираюсь произносить речей.
– Тебе просто жаль самого себя.
– Возможно, – сказал Дэвид. – Но, черт возьми, дьяволенок, зачем тебе понадобилось их сжигать? Мои рассказы?
– Я должна была, Дэвид, – сказала она. – Жаль, если ты не понимаешь.
На самом деле он все понял еще раньше, и его вопрос, теперь это было ясно, был чисто риторическим. Он не любил пустых фраз, не доверял фразерам, и ему стало стыдно за свою слабость. Он неторопливо пил виски с содовой, думая о том, как ошибаемся мы, считая, что, поняв, можно все простить, и постарался внутренне собраться, как в былые времена, когда вместе с механиком и каптенармусом проверял перед вылетом самолет, его мотор и вооружение. Тогда в этом не было необходимости, потому что они и так превосходно делали свое дело, но для него это был способ не думать о предстоящем и, как ни сентиментально это звучит, хоть как-то утешало. Сейчас это было необходимо, потому что он искренне был готов убить Кэтрин. Ему было стыдно за последовавшую за этими словами тираду. Но все сказанное было правдой, и теперь нужно было взять себя в руки на случай, если он вдруг начнет терять контроль над собой. Он налил еще виски, добавил минеральной воды и стал смотреть, как поднимаются и

лопаются крошечные пузырьки воздуха. «Чтоб ее черти взяли», – подумал он, но вслух сказал:

- Извини, я погорячился. Конечно же, я понимаю.
- Очень рада, Дэвид, – сказала она. – Утром я уезжаю.
- Далеко?
- В Андай, а оттуда в Париж, чтобы найти художников для книги.
- Вот как?
- Да. По-моему, надо ехать. Мы и так потеряли много времени, а сегодня мне столько удалось сделать, что не хочется сбавлять темп.
- Как ты поедешь?
- На «бугатти».
- Не стоит ехать одной.
- Но я хочу.
- Не стоит, дьяволенок, поверь мне. Я не отпущу тебя.
- А поездом можно? Есть поезд прямо до Байонна. А там или в Биаррице я могу взять напрокат машину.
- Давай поговорим об этом утром.
- Но я хочу сейчас.
- Тебе не следует ехать, дьяволенок.
- Я поеду, – сказала она. – И ты меня не остановишь.
- Я только думаю о том, как тебе лучше добраться.
- Нет. Неправда. Ты не хочешь, чтобы яехала.
- Если подождешь немного, мы можем поехать вместе.
- Я не хочу ехать вместе. Я хочу поехать завтра на машине. Если ты против, я поеду поездом. Ты не можешь помешать мне уехать на поезде. Я уже достаточно взрослая, а быть твоей женой еще не значит быть твоей рабой или твоей собственностью. Я еду, и ты меня не остановишь.
- Ты вернешься?
- Думаю, да.
- Понятно.
- Ничего тебе не понятно, но это не важно. План очень разумный и правильный. Из него уже ничего не выбросишь...
- В мусорную корзину, – подсказал Дэвид, но тут же вспомнил о самообладании и сделал глоток виски. – Хочешь в Париже посоветоваться со своими адвокатами? – спросил он.
- Если понадобится. Обычно я с ними советуюсь. Раз у тебя нет адвокатов, это еще не значит, что другим возбраняется их иметь. Или ты хочешь обратиться к моим?
- Нет, – сказал Дэвид. – К черту твоих адвокатов.

– Как у тебя с деньгами?

– С деньгами все в порядке.

– Нет, правда, Дэвид? Рассказы, должно быть, немало стоили. Мне это не давало покоя, но я свои обязательства помню. Я все выясню и сделаю что положено.

– Что-что?

– Сделаю все, что положено.

– И что же положено?

– Я оценю их стоимость и перечислю на твой счет в два раза больше.

– Вот это щедрость, – сказал Дэвид. – Ты всегда была бесребреницей.

– Я хочу быть справедливой, Дэвид, и рассказы, возможно, стоят намного больше, чем их могут оценить.

– И кто же назначит цену?

– Найдется кто-нибудь. Есть же люди, знающие цену всему.

– Кто же?

– Ну, не знаю, Дэвид. Наверное, такие, как редактор журнала «Атлантик мансли», или «Харперз», или «Нувель ревью франсэз».

– Пойду-ка пройдуся немного, – сказал Дэвид. – С тобой все в порядке?

– Все, если не считать того, что меня гложет вина за причиненное тебе зло, и я должна это как-то компенсировать, – сказала Кэтрин. – Мне надо в Париж еще и поэтому. Не хотелось говорить тебе.

– Не будем считаться, – сказал Дэвид. – Итак, ты хочешь поехать поездом?

– Нет. Я хочу ехать на машине.

– Ладно. Поезжай на «бугатти». Только будь осторожна и на горной дороге не гони.

– Я поведу машину так, как ты учил меня, буду думать, что ты рядом, и стану болтать с тобой, рассказывать разные истории и еще фантазировать о том, как я спасла тебе жизнь. Это моя любимая тема. Рядом с тобой дорога покажется мне короче и легче, а скорость – не такой большой. Я чудесно доеду.

– Хорошо, – сказал Дэвид. – Не бери в голову. Если не сумеешь выехать рано утром, заночуй в Ниме. В отеле «Император» нас еще не забыли.

– Я думаю доехать до Каркасона.

– Нет, дьяволенок, лучше не надо.

– А вдруг я встану пораньше и доберусь до Каркасона? Я поеду через Арль и Монпелье и не стану терять время на остановку в Ниме.

- Если выедешь поздно, остановись в Ниме.
 - Ребячество какое-то, – сказала она.
 - Я поеду с тобой, – сказал он.
 - Нет, пожалуйста. Мне важно справиться самой. Это действительно так. Мне незачем тебя обманывать.
 - Пусть так, – сказал он. – Но я должен ехать.
 - Ну пожалуйста, не надо. Не бойся за меня. Я поведу машину осторожно и прекрасно доберусь без остановок.
 - Нельзя, дьяволенок. Сейчас рано темнеет.
 - Не волнуйся. Ты – прелесть, что отпускаешь меня. Ты мне все позволял. И ты простишь меня, если я сделаю что-нибудь не так. Я буду очень тосковать по тебе. Я уже тоскую. В следующий раз поедем вместе.
 - У тебя сегодня был трудный день, – сказал Дэвид. – Ты устала. Разреши мне хотя бы проверить твою «бугатти». Я проеду до города и обратно.
- Проходя мимо двери в комнату Мариты, он остановился и сказал:
- Хочешь покататься?
 - Да, – ответила она.
 - Тогда пошли.

Глава двадцать седьмая

Дэвид сел в машину, и Марита устроилась рядом на переднем сиденье. Он вырулил на дорогу, слегка припорошенную прибрежным песком, и поехал, поглядывая то на черное шоссе, то на заросли папируса, начинавшиеся поодаль слева, то направо, на пустынный берег и море. Он ехал прямо по шоссе, пока не показался быстро приближавшийся, окрашенный белой краской мост, и тогда он, рассчитав расстояние, стал сбрасывать скорость – убрал ногу с педали газа и слегка нажал на тормоз. Машина хорошо держала дорогу, при каждом нажатии на педаль равномерно замедляла ход, и при этом ее не заносило и не вело в сторону. Перед мостом он остановился, переключил скорость, а затем под нарастающий мерный рев двигателя снова помчался по шоссе номер шесть в сторону Канн.

– Она все сожгла, – сказал он.

– О, Дэвид, – произнесла Марита.

Когда они въехали в Канн, в городе уже зажглись огни. Дэвид остановил машину под деревьями у входа в то самое кафе, где они впервые встретились.

– Может быть, хочешь пойти в другое кафе? – спросила Марита.

– Все равно, – сказал Дэвид. – Какая, к черту, разница.

– Можем просто покататься, – предложила Марита.

– Нет. Мне нужно немножко остыть, – сказал Дэвид. – Я только хотел проверить машину, перед тем как она уедет.

– Она уезжает?

– Говорит, что да.

Они сидели на террасе в рассеянной тени деревьев. Официант принес Марите коктейль «Дядюшка Пепе», а Дэвиду виски с содовой.

– Хочешь, я поеду с ней? – спросила Марита.

– Думаешь, может что-нибудь случиться?

– Нет, Дэвид. Она и так достаточно навредила.

– Да уж, – сказал Дэвид. – Сожгла, к черту, все, кроме записей о нашем путешествии. Тех, где я пишу о ней.

– Это прекрасный дневник, – сказала Марита.

– Не надо утешать, – сказал Дэвид. – Я написал и это, и то, что она сожгла. Так что не успокаивай.

– Ты можешь все восстановить.

– Нет, – сказал Дэвид. – Если вещь по-настоящему удалась, то по памяти ничего не восстановить. Читаешь и не перестаешь удивляться. Не верится, что ты мог так написать. Уж если что получилось, то повторить это нельзя. Настоящее удастся только однажды. А в жизни каждому отпущено не так уж много.

– Чего не много?

– Настоящих удач.

– Но ты же можешь вспомнить. Ты должен.

– Нет. Это никому не дано. Их нет. Когда рассказ закончен, то дальше он живет сам по себе.

– Как зло она с тобой обошлась.

– Нет, – сказал Дэвид.

– Что же это тогда?

– Спешка, – сказал Дэвид. – Все произошло потому, что ей не хватало терпения.

– Надеюсь, ты будешь так же добр и ко мне.

– Ты, главное, будь рядом, чтобы я не убил ее. Знаешь, что она затеяла? Она хочет расплатиться со мной за рассказы, возместить ущерб.

– Нет.

– Именно так. Ее поверенные должны каким-то невероятным образом оценить их, точно ростовщики, а потом она возместит мне убытки в двойном размере.

– Не может быть, Дэвид, она не могла этого сказать.

– Именно это она и сказала. Осталось только уточнить детали. Больше того, возможность удвоить компенсацию, расплатиться щедро доставляет ей удовольствие.

– Нельзя отпускать ее в машине одну, Дэвид.

– Знаю.

– Что будешь делать?

– Не представляю. Но давай посидим здесь немного, – сказал Дэвид. – Спешить некуда. Она, должно быть, устала и легла спать. Я бы тоже поспал – с тобой, чтобы проснуться, а рукописи на месте и можно продолжать работать.

– Я буду с тобой, и однажды ты проснешься и сможешь работать так же чудесно, как сегодня утром.

– Ты очень славная, – сказал Дэвид. – Но в тот вечер, оказавшись с нами в кафе, ты нажила себе кучу неприятностей, правда?

– Ты меня недооцениваешь, – сказала Марита. – Я прекрасно понимала, что меня ждет.

– Конечно, – сказал Дэвид. – Мы оба понимали. Хочешь еще выпить?
– Как ты, – сказала Марита и добавила: – Когда я пришла, я не понимала, что вступаю в бой.

– Я тоже.

– Твой единственный противник – время.

– Не время, а Кэтрин.

– Это потому, что у нее другой отсчет времени. Она его панически боится. Сегодня ты сказал, что все случилось из-за гонки. Это не так, но многое объясняет. И пока в единоборстве со временем выигрываешь ты.

Уже почти ночью он подозвал официанта, расплатился, оставив солидные чаевые, запустил двигатель, включил фары и, отпуская сцепление, вдруг ясно осознал происшедшее. Он вспомнил все так отчетливо и живо, как в тот момент, когда впервые заглянул в ящик для мусора и увидел там пепел. Он осторожно нащупывал фарами путь из опустевшего, притихшего ночного городка и, миновав порт, выехал на шоссе. Марита сидела, прижавшись к его плечу, и он слышал, как она сказала:

– Я понимаю, Дэвид. Мне тоже было больно.

– Напрасно.

– Нет, не напрасно. Случившегося не вернешь, но мы что-нибудь придумаем.

– Хорошо.

– Правда придумаем. Toi et moi.[43](#)

Глава двадцать восьмая

В гостинице, когда Дэвид и Марита вошли в зал, навстречу им из кухни вышла хозяйка. В руках она держала письмо.

– Мадам уехала поездом в Биарриц, – сказала она. – Вот, оставила письмо для месье.

– Когда она уехала? – спросил Дэвид.

– Тотчас после вашего отъезда, – сказала мадам Ороль. – Она послала прислугу на станцию за билетом в wagon-lit⁴⁴.

Дэвид распечатал письмо.

– Что будете есть? – спросила мадам. – Есть холодный цыпленок и салат. Или омлет для начала? Баранина, если месье пожелает. Что он будет есть, мадам?

Пока мадам Ороль и Марита разговаривали, Дэвид прочел письмо и, спрятав его в карман, повернулся к хозяйке:

– Как, по-вашему, она держалась спокойно, когда уезжала?

– Возможно, не совсем, месье.

– Она вернется, – сказал Дэвид.

– Да, месье.

– Нужно будет ей помочь.

– Да, месье, – всхлипнула хозяйка, выкладывая на тарелку омлет, и Дэвид обнял ее. – Идите, поговорите с мадам, – сказала она, – а я накрою на стол. Ороль и племянник в городе, у них там дела – флирт пополам с политикой.

– Я накрою на стол, – сказала Марита. – Пожалуйста, Дэвид, открой вино. Может быть, выпьем лансонского?

Он захлопнул дверцу ледника и, взяв холодную бутылку, снял сургуч, ослабил проволоку, а затем стал осторожно вынимать пробку, зажав ее большим и указательным пальцами, чувствуя острие металлического ободка пробки и многообещающий холодок округлой высокой бутылки. Он легко вынул пробку, взял три бокала и разлил вино. Мадам отошла от плиты, и они подняли бокалы. Дэвид не знал, за что следует пить, и сказал первые пришедшие в голову слова: «А nous et a la liberte!»⁴⁵

Они выпили, мадам подала омлет, и они выпили еще, но уже молча.

– Поешь, Дэвид, пожалуйста, – сказала Марита.

– Ладно, – ответил он и, выпив еще вина, съел кусочек омлета.

– Поешь хотя бы немного, – сказала Марита. – Тебе будет легче.

Мадам взглянула на Мариту и покачала головой.

– Голод – плохой помощник, – сказала мадам.

– Конечно, – согласился Дэвид. Он ел медленно и пил шампанское, пенившееся всякий раз, как он наполнял бокал.

– Где она оставила машину? – спросил он.

– На вокзале, – сказала мадам. – Посыльный ездил с ней и привез назад ключи. Они в вашей комнате.

– В вагоне было много народа?

– Нет. Он сам посадил ее в поезд. Пассажиров было очень мало. Ей будет удобно.

– Это хороший поезд, – сказал Дэвид.

– Поешьте цыпленка, – сказала мадам, – и выпейте еще вина. Откройте вторую бутылку. Ваших женщин тоже мучает жажда.

– Меня не мучает, – сказала Марита.

– Мучает, мучает, – сказала мадам. – Выпейте и возьмите бутылку с собой. Я-то знаю. Ему хорошее вино только на пользу.

– Сегодня мне не надо много пить, cherie, [46](#) – сказал Дэвид, обращаясь к мадам. – Завтра тяжелый день, и мне нужна ясная голова.

– Не страшно. Я вас знаю. Только поешьте сейчас. Ну, пожалуйста, ради меня.

Через несколько минут она извинилась и вышла. Дэвид наконец осилил цыпленка и съел весь салат, а когда мадам вернулась, они выпили еще по бокалу, пожелали ставшей вдруг очень сдержанной мадам спокойной ночи и вышли на террасу полюбоваться ночью. Им хотелось поскорее остаться вдвоем. Дэвид нес ведро со льдом и начатой бутылкой. Он поставил ведро, привлек к себе Мариту и поцеловал ее. Они постояли молча, обнявшись, а потом пошли в комнату Мариты.

Кровать была постелена на двоих. Дэвид спросил:

– Мадам?

– Да, – сказала Марита. – Кто же еще.

Они лежали рядом. Ночь была ясная и прохладная, и с моря дул легкий ветерок.

– Я люблю тебя, Дэвид, – сказала Марита. – Теперь я в этом уверена.

«Уверена? – подумал Дэвид. – Уверена. Ни в чем нельзя быть уверенным».

– Раньше, – сказала Марита, – когда я не могла оставаться с тобой до утра, я все думала, что тебе не понравится жена, которой не спится одной.

– А какой женой будешь ты?

– Увидишь. Счастливой.

Потом ему показалось, что он еще долго не мог заснуть, но впечатление было ошибочным, заснул он быстро, а проснувшись в предрассветном полумраке и увидев спящую рядом Мариту, почувствовал себя счастливым, пока не вспомнил о том, что произошло. Он не хотел будить ее, но когда она пошевелилась, поцеловал, прежде чем подняться с постели, Марита улыбнулась и сказала:

– Доброе утро, Дэвид.

А он ответил:

– Спи, моя единственная любовь.

– Хорошо, – сказала она и, быстро повернувшись на бок, точно маленький темноволосый зверек, свернулась калачиком и закрыла глаза. Ее длинные темные блестящие ресницы выделялись на фоне розово-коричневой, по-утреннему свежей кожи. Дэвид посмотрел на нее и подумал, что даже во сне она оставалась сама собой. «Она очень красивая, – подумал Дэвид, – и кожа у нее необыкновенно гладкая, как у яванки». За окном быстро светлело, и краски на лице Мариты становились ярче. Дэвид стряхнул сон и, перекинув одежду через левую руку, прикрыл за собой дверь и пошел босиком по мокрым от росы каменным плитам.

В номере, где они жили с Кэтрин, Дэвид принял душ, побрился, нашел свежую рубашку и шорты, оделся, окинул взглядом пустую спальню, где впервые рядом с ним не было Кэтрин, а потом прошел на кухню, достал банку макрели в белом вине, открыл ее и, стараясь не облиться соусом из полной банки, перенес ее и бутылку холодного туборгского пива в бар.

Он открыл бутылку, сплющил колпачок, сдавив его большим и указательным пальцами, и, не найдя корзины для мусора, сунул ее в карман. Потом взял в руку запотевшую бутылку, и капельки влаги покатались по пальцам. Вдыхая пряный запах маринованной макрели из открытой банки, он сделал глоток холодного пива и, поставив бутылку на стойку бара, достал из заднего кармана конверт, раскрыл его и стал перечитывать письмо Кэтрин.

«Дэвид, ты поймешь меня, но я вдруг почувствовала, как это ужасно. Страшнее, чем сбить кого-то, скажем, ребенка, машиной. Что может быть хуже? Глухой, тяжелый удар о крыло или всего лишь легкий толчок, и вот уже остальное происходит само собой, и собирается, ужасаясь, толпа. И французенка пронзительно кричит *ecrasseuse*⁴⁷, даже если виноват был ребенок. Я виновата, я поняла, что виновата, и ничего не поправить. Сознать это ужасно. Но что сделано, то сделано.

Постараюсь быть краткой. Я вернусь, и мы все уладим наилучшим образом. Не беспокойся. Я сообщу о себе телеграммой, напишу письмо и

сделаю все, что нужно для твоей книги, только бы ты ее закончил. Остальное мне пришлось сжечь. Хуже всего оправдываться, но, надеюсь, ты меня понимаешь. Я не прошу простить меня, но, пожалуйста, будь счастлив, а я сделаю все, что от меня зависит.

Наследница не причинила зла ни мне, ни тебе, и мне не за что ее ненавидеть.

На прощание я хотела бы сказать совсем другие слова, но не стану, потому что это покажется совершенно нелепым. И все же я скажу, поскольку я всегда поступала грубо и бесцеремонно, а последнее время, как мы оба знаем, еще и вопреки здравому смыслу. Я люблю тебя и буду любить всегда. Прости меня. Какое бессмысленное слово!

Кэтрин».

Дочитав письмо до конца, он прочел его еще раз. Ему не доводилось раньше читать писем Кэтрин. С того дня, как они познакомились в Париже в баре «Grillon»[48](#), и до самой свадьбы в американской церкви на авеню Хот они виделись ежедневно, и сейчас, читая в третий раз ее первое письмо, он понял, что она волновала и по-прежнему волнует его.

Он спрятал письмо в задний карман, съел из банки еще одну пухленькую рыбешку в ароматном соусе из белого вина и допил холодное пиво. Потом он вернулся на кухню за хлебом, чтобы собрать им винный соус, и прихватил еще бутылку пива. Сегодня он попытается работать, но наверняка из этого ничего не выйдет. Слишком много волнений, слишком много потерь, вообще слишком много всего, и даже новая его привязанность, какой бы логичной она ни казалась, как бы все ни упрощала, давалась ему мучительно тяжело, и письмо Кэтрин лишь обострило это ощущение.

«Будет тебе, Берн, – думал он, начав вторую бутылку пива, – будет убивать время в размышлениях о том, как все плохо. Выбирай одно из трех: либо попытайся восстановить уничтоженное, либо начни писать новую вещь, либо закончи проклятую повесть о путешествии. Подумай как следует и реши, что лучше. Ты же всегда рисковал, когда нужно было ставить на самого себя. „Никогда не полагайся на людей“, – сказал как-то твой отец, а ты добавил: „Кроме тебя“. „Нет, Дэвид, на себя бы я тоже не положился, – сказал отец, – но ты, маленький хладнокровный шельмец, пожалуй, можешь рискнуть“. Отец хотел сказать „бесчувственный“, но пожалел его. А может быть, он именно это и имел в виду. Не обольщайся, накачавшись туборгским.

Итак, выбирай самый верный путь. Пиши новую вещь, и как можно

лучше. И помни, Марита намучилась не меньше тебя. Может, даже больше. Рискуй. Она так же, как ты, переживает утрату».

Глава двадцать девятая

Только в полдень он наконец отказался от попыток работать. Первое предложение он написал сразу же, как только вошел в комнату, но дальше ничего не получалось. Дэвид зачеркнул первую фразу и попробовал начать сначала, и снова – полная пустота. Следующая фраза не шла, хотя он отчетливо слышал ее. Дэвид попытался еще раз начать с простого предложения, и снова – ничего. Ничто не изменилось и через два часа. Дальше первой фразы он так и не двинулся, а все последующие получались чрезвычайно пустыми и бесцветными. Дэвид не сдавался целых четыре часа, пока не понял, что его настойчивость бессильна перед случившимся. Он признал это, но не смирился, закрыл и спрятал тетрадь с зачеркнутыми рядами строчек и отправился на поиски Мариты.

Она читала на террасе, греясь на солнышке, и, едва взглянув на Дэвида, все поняла и спросила:

- Ничего?
- Хуже, чем ничего.
- Совсем-совсем?
- Ни строчки.
- Давай выпьем, – сказала Марита.
- Давай, – согласился Дэвид.

Они вошли в бар, и вслед за ними в открытую дверь проник теплый день. Это был прекрасный день, такой же, как вчера, или даже лучше, потому что лето уже уходило, и каждый погожий день воспринимался как подарок. «Нельзя терять времени, – подумал Дэвид. – Попробуем провести его хорошо, в свое удовольствие». Он смешал мартини, наполнил стаканы, и напиток получился на вкус ледяным и несладким.

– Ты правильно сделал, что начал писать сегодня утром, – сказала Марита. – Но давай пока забудем об этом.

– Хорошо.

Он взял бутылку джина «Гордонз», слил воду из-под оттаявшего льда и стал отмерять напитки, наливая их в пустой стакан.

- Чудесный день, – сказал он. – Что будем делать?
- Пойдем купаться, – сказала Марита. – Жаль терять такой день.
- Хорошо, – сказал Дэвид. – Предупредить мадам, что мы опоздаем к обеду?

– Она уже приготовила для нас холодные закуски, – сказала Марита. –

Я подумала, ты захочешь поплавать в любом случае, как бы тебе ни работалось.

– Очень предусмотрительно, – сказал Дэвид. – А как мадам?

– С синяком под глазом, – ответила Марита.

– Не может быть.

Марита рассмеялась.

Они обогнули мыс по лесной дороге, оставили машину в одном из тенистых островков хвойного леса и перенесли корзину с едой и пляжные принадлежности в спрятавшуюся в прибрежных скалах бухту. Дул слабый восточный ветер, и, когда они вышли из зарослей пиний к морю, оно было темно-синего цвета. Прибрежные скалы были красными, песок в бухте лежал желтыми складками, а вода над песчаным дном, когда они подошли к морю, оказалась янтарно-прозрачной. Они спрятали корзину и рюкзак в тени самого большого из камней, разделись, и Дэвид, собираясь нырять, забрался на камень. Он стоял на камне под солнцем, голый и загорелый, и смотрел на море.

– Хочешь нырнуть? – крикнул он Марите.

Она покачала головой.

– Я подожду тебя.

– Нет, – крикнула она и вошла в воду по бедра.

– Ну и как? – спросил Дэвид сверху.

– Прохладнее, чем обычно. Почти холодная.

– Хорошо, – сказал он, и, пока она, глядя вверх на Дэвида, медленно входила в воду, сначала по живот, потом по грудь, он выпрямился, привстал на мысках, на какое-то время застыл в воздухе, а потом метнулся вперед и вниз, легко разрезав воду, точно дельфин. Она поплыла к бурлящему кругу, но Дэвид уже вынырнул рядом, подхватил ее, обнял и прижался солеными губами к ее губам.

– Elle est bonne, la mer, – сказал он. – Toi aussi.[49](#)

Они поплыли за пределы бухты в открытое море, туда, где подножие горы скрывалось под водой, и там, лежа на спине, раскачивались на волнах. Вода остыла, но верхний слой немного прогрелся, и Марита лежала, выгнув спину, так что вся голова, кроме носа, была под водой, а поднятые ветерком еле заметные волны нежно омывали ее загорелую грудь. Из-за яркого солнца глаза ее были закрыты. Дэвид плыл рядом и, поддерживая ее голову рукой, поцеловал сначала левую, а потом правую грудь.

– У них вкус моря, – сказал он.

– Ты мог бы заснуть прямо здесь?

- А ты?
- Я не смогу лежать только на спине.
- Поплывем подальше и назад.
- Давай.

Они заплыли далеко, так далеко, что показался берег за соседним мысом, а потом и багряные вершины поднимавшихся над лесом гор. Они полежали на спине, глядя на берег, и не спеша поплыли назад, останавливаясь перевести дух, сначала, когда скрылись из виду вершины гор, потом, когда спрятался соседний мыс, а затем уверенно, в один прием миновали вход в бухту и выбрались на берег.

- Устала? – спросил Дэвид.
- Очень, – сказала Марита. Она никогда не заплывала так далеко.
- Сердце выскакивает?
- О нет, все хорошо.

Дэвид подошел к большому камню и взял одну из бутылок тавельского и два полотенца.

– Ты похожа на котика, – сказал он, опускаясь на песок рядом с Маритой.

Он протянул ей вино, она отпила из бутылки и вернула ее Дэвиду. Он тоже сделал большой глоток, а потом Марита, растянувшись на солнышке, на бархатистом сухом песке возле корзины с закуской, сказала:

- Кэтрин, наверное, не устала бы.
- Как бы не так. Просто она не плавала так далеко.
- Правда?
- Мы очень много проплыли, малышка. Я ни разу не видел с моря гор.
- Ну хорошо, – сказала она. – Сегодня мы ей все равно ничем не поможем, так что не будем думать об этом, Дэвид?
- Да.
- Ты еще любишь меня?
- Да. Очень.
- Может быть, я совершила большую ошибку, и ты стараешься меня не обидеть?

– Никакой ошибки, и я вовсе не стараюсь.

Марита взяла в горсть несколько ярких редисок и съела их, не торопясь, запивая вином. Редиска была молодая, хрустящая и терпкая.

– Не расстраивайся из-за работы, – сказала она. – Все будет хорошо. Я уверена.

– Конечно, – сказал Дэвид.

Он вынул вилок сердцевину артишока, обмакнув свернутый комочек

в приготовленный мадам горчичный соус.

– Можно мне еще тавельского? – спросила Марита. Она сделала большой глоток и вдавила бутылку доньшком в песок рядом с Дэвидом, прислонив ее к корзине. – Хороший обед приготовила нам мадам, правда, Дэвид?

– Превосходный. Неужели Ороль ее поколотил?

– Не сильно.

– Она часто ссорится с ним.

– Он старше и был прав, поколотив ее, когда она разбушевалась. Она сама мне призналась под конец. И просила передать тебе...

– Что еще?

– Признание в любви.

– Она и тебя любит, – сказал Дэвид.

– Нет же. Глупый. Просто, она на моей стороне.

– Давай договоримся: больше ничьих сторон нет.

– Нет, – согласилась Марита. – Я и не хотела. Просто так получилось.

– Что получилось, то получилось.

Дэвид передал ей банку с нарезанными артишоками и соус и достал вторую бутылку тавельского. Бутылка все еще была холодной. Он выпил вина.

– Нас просто издергали, – сказал он. – Сумасшедшая женщина вконец издергала Бернов.

– Бернов?

– Конечно, Берны – это мы. Потребуется немного времени, чтобы оформить бумаги. Но это формальность. Хочешь, я дам письменное заверение. Думаю, с ним я справлюсь.

– Я тебе и так верю.

– Я напишу это на песке, – сказал Дэвид.

Вернувшись, они заснули крепким сном и проспали чуть ли не до вечера, а когда Марита открыла глаза и посмотрела на спящего рядом Дэвида, солнце уже садилось. Дэвид спал, крепко сжав губы, вытянув руки вдоль тела, и ровно дышал во сне, а женщина смотрела на его лицо, грудь, думая о том, что до сих пор видела его спящим только два раза. Она подошла к двери в ванную, взглянула на себя в высокое зеркало и улыбнулась. Одевшись, она пошла на кухню поболтать с мадам.

Позже, пока Дэвид все еще спал, она присела рядом с ним на кровать. В сумерках на фоне загорелого лица волосы его казались совсем светлыми. Она ждала, когда он проснется.

Они сидели в баре за виски с содовой. Марита старалась пить поменьше.

– Ты бы мог ездить в город каждый день, – сказала она, – брать газеты, заходить в бар и читать их в одиночестве. Жаль, здесь нет клуба или кафе, чтобы ты обзавелся приятелями.

– Чего нет, того нет.

– И все же тебе иногда надо бывать одному, без меня, когда ты не работаешь. А то кругом – одни женщины. Я хочу, чтобы у тебя появились друзья. В этом Кэтрин была очень не права.

– Она не нарочно. Я сам виноват.

– Может быть, и так. А у нас будут друзья? Настоящие друзья?

– У нас уже есть по одному.

– А другие будут?

– Возможно.

– И ты забудешь меня, потому что с ними будет интереснее.

– Интереснее не бывает.

– Но появятся молодые, современные, знающие много нового люди, и я тебе наскучу.

– Не появятся, и ты не наскучишь.

– Я их убью. Я – не Кэтрин, я тебя никому не уступлю.

– Вот и хорошо.

– Хочу, чтобы у тебя были друзья и фронтовые товарищи, с которыми можно было бы охотиться и играть в карты в клубе. Ну а женщины-подруги тебе ни к чему, правда? Молодые, современные, влюбчивые, по-настоящему понимающие тебя и тому подобное.

– Ты же знаешь, я не повеса.

– Женщины постоянно меняются, – сказала Марита. – Каждый день новые. Никто не застрахован, а уж тем более ты.

– Я люблю тебя, – сказал Дэвид, – и ты – моя жена. Главное – не принимай близко к сердцу. Просто будь рядом.

– Я с тобой.

– Знаю, и я рад видеть тебя, чувствовать, что ты рядом и что мы будем спать вместе и будем счастливы.

В темноте Марита лежала, прижавшись к нему, и он ощутил прикосновение ее губ, груди, рук.

– Я – твоя женщина, – шептала она в темноте. Твоя. Что бы ни случилось, я всегда буду твоей. Ласковой и любящей.

– Да, моя любовь. Спи. Спи сладко.

– Раньше ты, – сказала Марита, – я приду через минутку.

Когда она вернулась, Дэвид уже спал, и она забралась под простыню и легла рядом. Он спал на правом боку, и дыхание его было тихим и ровным.

Глава тридцатая

Проснулся Дэвид рано, с первым, проникшим в комнату утренним светом. За окном еще стоял серый полумрак, сосны были не похожи на те, что он привык видеть из своего окна, и, казалось, море за ними начиналось гораздо дальше. Он отлежал правую руку, и она плохо слушалась. Страхнув сон, Дэвид увидел чужую постель, а потом спавшую рядом Мариту. Он все вспомнил и, с нежностью посмотрев на нее, прикрыл молодое загорелое тело простыней, еще раз осторожно поцеловал ее и, надев халат, вышел во влажное от росы утро, унося с собой ее образ. У себя в комнате он принял холодный душ, побрился, надел рубашку и шорты и пошел в рабочую комнату. Возле комнаты Мариты он остановился, тихонько приоткрыл дверь, какое-то время постоял, глядя на спящую девушку, потом осторожно закрыл дверь и пошел к себе. Он приготовил карандаши и новую тетрадь, пять карандашей заточил и начал писать рассказ об отце и о том рейде в год восстания Маджи-Маджи, который начался с перехода через злополучное озеро. Он был еще в пути, преодолев только часть кошмарного перехода, когда восход солнца застал их на полдороге в таком месте, где идти можно было только в темноте. С наступлением невыносимой жары стали появляться миражи. К тому времени, когда утро за окном было в самом разгаре и с моря через сосны подул сильный свежий восточный бриз, он как раз проснулся в лагере под фиговыми деревьями, там, где по обнаженной породе обрыва стекала вода. На рассвете, сняв лагерь, они отправились в путь по лощине, переходящей в узкий, глубокий овраг.

Он понял, что знает об отце гораздо больше, чем когда писал этот рассказ в первый раз, и это было видно хотя бы по тем незначительным деталям, благодаря которым образ отца получался более осязаемым, и теперь в рассказе было уже не одно, а несколько измерений. Теперь он был счастлив, что отец оказался не так прост.

Дэвид писал уверенно, легко, и уже найденные раньше фразы ложились на бумагу четкими и завершенными, а он исправлял и перекраивал их так, точно работал над корректурой. Он не потерял ни единого предложения, и многие фразы остались без изменения, такими, как он их запомнил. К двум часам дня Дэвид восстановил, исправил и доработал столько, сколько раньше мог написать лишь за пять дней. Он попробовал работать дальше и впервые перестал сомневаться, что все

утраченное возвратится к нему полностью.

Примечания

1

Булочку и кофе с молоком (фр.).

2

Здесь: хищник (фр.).

3

Коньяк с содовой (фр.).

4

Это месье? (фр.)

5

Месье то же самое? (фр.)

6

Кофе со сливками (*фр.*).

7

Яичницу с ветчиной (*фр.*).

8

Копченый окорок (*исп.*).

9

Испанский хлебный суп (*исп.*).

10

Есть очень хороший бифштекс (*исп.*).

11

Где сеньора? (*исп.*)

12

Заведение (*исп.*).

13

Здесь: рассыльному (*исп.*).

14

Открыто (*фр.*).

15

Мадам и месье покрасили волосы. Это хорошо (*фр.*).

16

Благодарю, месье. Мы делаем это каждый август (*фр.*).

17

Это хорошо. Это очень хорошо (фр.).

18

Здесь: деревня (суахили).

19

Кадры (фр.).

20

Картофеля с растительным маслом (фр.).

21

Жаль (фр.).

22

Макрели в белом вине (фр.).

23

Закусками (фр.).

24

Ну конечно, месье Берн (фр.).

25

Сарае (фр.).

26

Кроме шуток (фр.). Здесь: еще как.

27

До скорого свидания, дорогая мадам (фр.).

28

До встречи, месье (фр.).

29

Яичницей-глазуньей с ветчиной (фр.).

30

Застенчивая (суахили).

31

Пепельный (фр.).

32

Да, это так (суахили).

33

Пасторальный (фр.).

34

Блестящий (фр.).

35

Говяжье филе, нарезанное кусками (фр.).

36

Здесь: отчаянной хозяйке (фр.).

37

Прекрасные люди (фр.).

38

Друга (суахили).

39

Женщинами (суахили).

40

Танец, праздник (суахили).

41

Альпаргаты, сандалии из пеньки (фр.).

42

Заткнись (фр.).

43

Ты и я (фр.).

44

Спальный вагон (фр.).

45

За нас и за свободу! (фр.)

46

Дорогая (фр.).

47

Здесь: убийца (фр.).

48

«Сверчок» (фр.).

49

Море прекрасно. И ты тоже (фр.).